

А.А.Брудный

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Москва
Лабиринт
1998

Арон Абрамович Брудный. Психологическая герменевтика. Учебное пособие. — Издательство "Лабиринт", М., 1998. — 336 с.

Редакторы: И.В.Пешков, Г.Н.Шелогурова

Рецензенты: доктор психологических наук В.Ф.Петренко,
доктор философских наук А.П.Назаретян

Рекомендовано в качестве учебного пособия по курсу "Общая психология" кафедрой общей психологии психологического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова.

Второе, дополненное и исправленное издание книги академика А.А.Брудного является единственным учебным пособием по герменевтике на русском языке (для студентов психологических, философских и филологических факультетов). Новизна применяемых автором методов анализа органично сочетается с их доступностью для читателя, которого занимают проблемы смысла текстов. Книга не только дает представление о современном теоретическом уровне исследований, но одновременно исподволь прививает сами навыки углубленного понимания.

© А.А.Брудный

© Издательство "Лабиринт" 1998 г.

ISBN 5-87604-120-3

ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ МИРА

Всем хочется понять. Огромная потребность в понимании.

Э. Доктору.

Мир, конечно, один. Он невообразимо велик. И мы, люди, лишь ничтожная его часть. Мы даже не знаем твердо, необходимая ли мы его часть — ведь немало случайностей сопровождало и обуславливало появление на свет человека. Некоторые видные ученые полагают, что люди в сущности одиноки в Галактике — так маловероятно в космическом масштабе стечение обстоятельств, в результате которого возник род человеческий. Мне, напротив, кажется, что мы не одиноки в окружающем нас мире, но не станем пока отвлекаться. Главное — мы есть в мире, и мы можем его понять.

Когда исследуют понимание, возникает необходимость условиться, что существуют три мира. На самом деле это три различающихся поля понимания и три неоднозначных способа понимать. Так что о "мирах" здесь говорится условно.

В одном мире: "что доказано, то и есть". Это мир логических построений, мир связных суждений и умозаключений, математических моделей и аксиоматических методов.

В другом мире: "что есть, то и доказано". Это мир фактов, обладающих достоинством непосредственной действительности, мир, в котором на ночном небе висит красный Марс, а по ночным крышам бегают мартовские коты, стучат далекие каблочки, а в талом снегу гаснет недокурная сигарета (сейчас ночь).

Мир 1

Это мир, о котором некогда было сказано: «факты — упрямая вещь», и сказано не случайно. Они упрямятся — факты. И ясно, с кем они не желают соглашаться. Жюль Бордэ (а это был естествоиспытатель не из малых) мрачно говорил: "Логика оказывается бессильной в борьбе с фактами". Но это не означает всеисилия фактов. Объективный мир дан человеку фрагментарно, и он изменчив. Понимание требует достройки в уме видимого, воспринимаемого мира — достройки по *образующей*, то есть по той линии движения, которая образует систему. Так, никто из нас не видел Солнечной системы: общеизвестная модель с центральным светилом и планетами, вращающимися вокруг него по орбитам в плоскости эклиптики, целиком построена в уме и есть результат правильного понимания того, что мы видим. А видим мы движение светил по небосводу, и не более того. Днем оно одно, а ночью их много. И все. Для того, чтобы увидеть (и понять) больше, уже требуются приборы. Они окружают нас с детства, восполняя неизбежную фрагментарность восприятия фактов: даже для того, чтобы увидеть собственные глаза уже требуется элементарный прибор: зеркало (отражение в воде цвет глаз передает неправильно).

Замечу, что прибор как предмет мира реального вызывает к своим показаниям как-то больше доверия, нежели логические конструкции. Но это к слову.

В процессе понимания мир непосредственно воспринимаемых фактов и мир суждений взаимно проникают друг в друга. Это помогает людям жить и действовать, и до поры до времени они не замечают, сколь многое в их понимании и оценке фактов зависит от дислокации, от точки зрения того, кто смотрит на действительность. Казалось бы, за последние сто лет наша дислокация во Вселенной не изменилась: мы жили и продолжаем жить на поверхности той же планеты Солнечной системы и по тем же орбитам, расходясь и сближаясь, летят вокруг Солнца Земля и Марс. Но, взяв в руки XVIII том старого доброго Брокгауза и Эфрона, изданный 100 лет назад, читаем: "Марс — большая планета Солнечной системы". Как же так? Это именно "не большая" планета. 6790 км в диаметре, много меньше Земли. Неужели тогда не знали... Нет, знали, конечно: "около 6600 км", — пишется в старой энциклопедии — ошибка простительная. Но почему же это "большая планета Солнечной системы"?

А потому что ее *так видят*. На небосводе Земли она отнюдь не мала.

Видимый диаметр ее не изменился. Изменилась точка зрения. Дислокация человека в Солнечной системе. Раньше он видел планеты *только* на небосводе и замечал, что они блуждают среди неподвижных звезд; как будто бы и *planeta* значило первоначально "бро-

дяга". Теперь он увидел планеты с совершенно иной позиции, с борта космического аппарата, и понимание того, что большие планеты не обязательно велики на небосводе Земли, прочно вошло в сознание.

Заметьте, что по отношению к звездам дислокация наша осталась прежней. Для нас в абсолютном большинстве случаев (я провел выборочный опрос) "большими" являются яркие звезды нашего небосклона и об истинной их величине мы задумываемся мало.

Льщу себя надеждой, что, возможно, опубликованные ныне эти размышления подтолкнут какого-нибудь психолога 2098 года проверить, не изменился ли наш взгляд на звезды. Буде подобное изменение и вправду произойдет, оно отразит заметные изменения в дислокации человека во Вселенной.

Мир 2.

Однако разграничительная линия между этими двумя мирами — "что доказано, то и есть" (2) и "что есть, то и доказано" (1) — становится особенно тонкой, напряженной, подвижной, когда общество (или природный фокус всех общественных отношений — человек) начинает требовать доказательств.

События произошли. Фрагментарность фактического мира становится зловещей: фрагменты обращаются в фундамент версии и обретают наименование вещественных доказательств. За дело берется специалист по решению так называемых неточных задач — следователь. В мире суждений возникает гипотеза о возможной ситуации: выстраивается версия. Вот что говорит специалист: "Прежде всего надо сказать, что гипотеза, признаваемая приемлемой, должна включать в себя все имеющиеся факты. Ни одно самое мелкое обстоятельство не должно ей противоречить. Во-вторых, все эти факты должны найти свое место в едином и связном ходе событий. Чем он проще, компактнее и закономернее, тем больше вероятия, что дело было именно так, а не иначе. Это мы называем реконструкцией обстановки. Гипотезу, которая согласует все установленные факты в наиболее связном и правдоподобном ходе событий, мы принимаем как несомненную"¹. Но количество имеющихся фактов не всегда достаточно. В действительном мире не всегда происходят самые вероятные события. И тем не менее другого пути нет: иначе нельзя построить убедительную версию. Называть ее несомненной — это дело внутреннего убеждения специалиста: убедит ли он суд? Судьи снова вернут дело на границу двух миров, если у них возникнет сомнение (только сомнение!) — это уже очень важно для обвиняемого. Ибо сомнение — таков старинный судебный принцип — толкуется в пользу обвиняемого. Помните о хлебопеке! Когда-то в Венеции на основании весьма убедительной версии был приговорен к смерти какой-то хлебопек. Приговор привели в исполнение. Когда "по вновь установленным обстоятельствам" (есть такой термин) удалось выстроить иную версию, более убедительную, хлебопек был признан

¹ Это говорит доктор Мейзлик у К. Чапека. См.: *Чапек К.* Собрание сочинений. — М, 1974. — Т. 1, — С. 385.

невиновным, но... поздно. И во всех судах Венецианской республики появилась надпись. "Помните о хлебопеке!"

Не надо о нем забывать. Ведь зачастую за решение неточных задач берется человек без специального образования или, что гораздо опаснее, без всяких признаков способностей к их решению. Такие задачи не всегда решаются в судах. Иногда они решаются на собраниях. Иногда — в рабочем кабинете, наедине с собой. А иногда — в разговоре шепотом (чтобы не услышали) двух самых близких друг другу людей. Один мир властно вторгается в другой. И хотя факты — упрямая вещь, люди бывают еще более упрямы.

Этим я не хочу сказать, что задачи подобного рода не имеют истинных решений. Имеют. Я лишь хочу напомнить, что мы живем в эпоху высоких профессиональных требований, а неразрывный с пристрастием дилетантизм в решении неточных задач (к ним относятся многие задачи военного, юридического да часто и личного плана) погубил больше людей, чем теория флогистона и все иные заблуждения естествоиспытателей.

Разумеется, заблуждения естествоиспытателя непростительны. Но он работает иначе, нежели следователь или генштабист, пытающийся разгадать оперативный замысел противника и тоже располагающий недостаточным числом точных фактических данных. В научно-популярной литературе нередко проводятся аналогии между методами ученого и детектива. Аналогии эти эффектны, но не глубоки. Известное изречение Эйнштейна о боге, изысканном, но не злонамеренном, раскрывает, в чем тут суть. Суть в том, что естествоиспытателю не противостоят *намерения*. Происходящее в природе имеет свой изысканно-сложный смысл, но он далек от смысла дел человеческих. И даже не "далек". Он просто другой. И трудности естествоиспытателя иные. Так, погружение в глубь действительного мира приводит к специфической сложности понимания. Мир на этом глубинном уровне теряет наглядность и требует достройки по *двум* образующим. То есть понять его можно только на основе *двух* концепций. Они дополнительные, но не в обыденном смысле этого слова, а в смысле Бора: они несоединимы в одну, взаимно исключают друг друга и также взаимно необходимы для понимания происходящего на этом уровне действительного мира.

Теперь (переход несколько неожиданный, но, как мы увидим, закономерный) заглянем в другую энциклопедию.

Фауст Иоганн (1485—1542) р. в г. Книтлингене, где в 1954 г. ему воздвигнут памятник. Окончил теологический факультет Гейдель-бергского университета (1509), прослушал курс натуральной магии в Краковском ун-те. Работал в Крейцнахе, Ингольштадтском ун-те, откуда изгнан в 1528 г. Судебные процессы в Гейдельберге (1528 и 1532), документальные сообщ. о взрывах, которые произвел в различных домах "алхимик, содомит и черный маг Ф." Ум. в кн. Вюртембергском (не исключена гибель при неудача алхим. эксперименте).

Это все.

Мы знаем иного Фауста: вместе с Мефистофелем он пил в лейп-цигском кабаке; Гретхен смотрела ему в глаза, неуверенно и послушно; в отчаянии он стоял у дверей тюремной камеры; он видел гомункулюса, любил Елену, его погребли лемуры.

Мир 3.

Этот Фауст из третьего мира, и мир этот — особенный. Фауст, о котором написано у Гете, это не исторический доктор Фауст, который преподавал в Ингольштадтском университете. Их прямое отождествление просто лишило бы смысла суждения о Фаусте как литературном герое.

Еще Аристотель выделял то качество вещей, которое он называл *сутью* (*quidditas*) их бытия, предполагая, что *суть* терминологически несколько отлична от *сущности*. Суть предмета состоит именно и только в том, без чего суждение о нем теряет смысл.

Так, суть физических объектов заключена в их действительном существовании. Для того, чтобы физическая теория (или гипотеза — в данном случае это все равно) имела смысл, она должна предполагать существование соответствующих объектов: теория флогистона лишилась смысла, когда было доказано, что флогистон не существует.

Суть феноменов культуры в том, что они *имеют значение* для людей; потеряв по какой-либо причине значение, они утрачивают статус феноменов культуры, сохраняя физическое существование.

В культуре овеществляются отношения между людьми, и овеществление это семиотично. В крайнем и самом ярком выражении — это вещь, выставленная в музее: там она знак самой себя. Вот он, короткий римский меч. Он обнажен. Обнаженным мечом отдают салют или наносят удар. Но им здесь не салютуют, не рубят — нелепость! Но нет, не нелепость: он за стеклом, он знак всех римских мечей — такими они были. Если быть совершенно строгим, это не феномен культуры, как дом, в котором не живут, — строго говоря, не дом. Римский меч есть феномен *истории* культуры. Рим и его культура в прошлом. Так и треуголка Суворова за музейным стеклом — лишь знак самой себя. Треуголкой Суворова она была, когда ее могли пробить пули.

Мы стоим на пороге третьего мира. Еще раз напомним, что "мир" в данном случае — просто поле понимания. И это поле не столько усеяно изолированными значениями, сколько занято сложными их переплетениями — текстами. Латинское *textus* собственно и значило "связь", "соединение", даже "ткань". Далее мы будем говорить не о таких текстах, которые содержатся в собраниях сочинений Аристотеля или Эйнштейна: их содержание целиком принадлежит миру доказательных суждений. Под текстом мы будем подразумевать связную, компактную, воспроизводимую последовательность знаков или образов, развернутую по стреле времени, выражающую некоторое содержание и обладающую смыслом, в принципе доступным пониманию. Под это определение подпадают разнообразные повествовательные тексты.

Тексты — это типичные феномены культуры: лишенные сплетения значений, они обратятся в исцарапанную бересту, глиняные квадратики, исколанные клинописью, листы бумаги с узором, нанесенным типографской краской (есть основания для такого сравнения, не понимая иероглифов, иные путешественники прошлого считали их орнаментом).

Что же касается текстов повествовательного мира, то они по сути своей вымышленные, причем и мир этот возник за исторически долгий срок, и суть свою феномены этого мира обрели тоже не сразу.

Первоначально это были мифы.

Ныне тот, кто изучает мифы, естественно, воспринимает их как вымысел. Но ведь миф существовал среди тех и для тех, кто осознавал его как реальность. "По-видимому, понять миф, то есть воспринять его так, как его воспринимали те, среди которых он возникал и бытовал, в современном обществе может только ребенок, да и то только такой, который свои фантазии принимает за реальность. Одно дело — изучать, другое — понимать"¹, — писал М. И. Стеблин-Каменский и был прав. Мифы слагались в невозвратном уже детстве человечества: таков был в ту эпоху *способ понимания* действительности. Причем в текст, в эту "ткань", были непосредственно вплетены люди. Мифы переходили буквально из уст в уста, непосредственное общение было в дописьменную эпоху единственной формой их социального существования.

А в процессе общения человек осознает свою индивидуальность, личность обретает самое себя. Конечно, человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека, но он и сам становится зеркалом для других людей. Они отражаются в его сознании, населяют его, субъективно реальные даже в случае своего физического отсутствия. Родные (и прежде всего родители) и близкие люди, с которыми человека связывает общая судьба, прочно входят в его внутренний мир. В дневнике И. Пущина сохранилась примечательная запись о покойных декабристах. "Когда, где и как, я не помню, и даже теряюсь, когда тпущь понять, — но внутри ощущаю, что с иными не совсем расстался"². И это знакомое многим чувство не есть феномен индивидуального сознания, но нечто большее, связанное с сущностной стороной соучастия индивида в духовной жизни общества.

¹ Стеблин-Каменский М. Я. Миф. — Л., 1976. — С. 5.

² Цит. по: Эйдегъман Н. Пущин — Пушкин // Знание — сила. — 1978. — № 12. — С. 32.

Персонификация и обобщение связаны с древнейших пор, при этом обобщение и идеализация отнюдь не тождественны — и мифы отличаются удивительной живостью действующих лиц. И, конечно же, они населяли внутренний мир личности, составляли важный компонент ее жизни. "...Мифы — не только составные части жизни, они части каждого человека в отдельности. Отнять у него рассказ — это значит отнять у него жизнь. Мифу здесь присущи производственные и социальные функции, и это не частное явление, это — закон"¹. Естественно-исторический процесс закономерно привел к тому, что миф утратил эти функции и сошел с авансцены духовной жизни общества. Но значит ли это, что *рассказ* утратил свое действительное могущество? Лучший ответ на этот вопрос — то исключительное по значению место, которое художественная литература занимает в системе культуры. И в индивидуальном сознании носителя культуры отражены не только окружающие, там присутствуют и Фауст, и Макбет, и Григорий Александрович Печорин. При этом по самой сути своей они принадлежат не миру действительному, но миру повествовательному.

А о нем можно сказать словами Саллюстия: "Это то, чего никогда не было, и всегда было". В

отличие от венецианского хлебопека венецианского мавра никогда не было. Но доверчивость и ревность были всегда.

Думается, действительный мир, взятый как целое, для понимания своего всегда требует достройки по *двум* образующим, и поэтому ему дополнительно (в смысле Бора) мир доказательный и мир повествовательный. В одном господствует логическое следование, обращение к действительному миру представляется некорректным: пример — не доказательство. В другом происходят события и совершаются поступки, и их связность определяется не исходным набором аксиом и даже не временной последовательностью, а иной образующей силой — смысловой.

Эксперимент показывает, что тексты повествовательного мира обладают значительно большим трансляционным потенциалом, они лучше запоминаются и поддаются пересказу, нежели гораздо более компактные, последовательные и связные тексты мира доказательных суждений.

Чем это объяснить? Быть может, тем, что понимание повествовательных текстов есть одновременно понимание человеком самого себя.

Конечно, одних только текстов для этого не может быть достаточно. Надо ощутить себя необходимой частью действительного мира и увидеть себя в других людях.

¹*Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки.— Л., 1946.— С. 333.

Это справедливо и по отношению к человечеству — интенция к общению присуща ему как интегральному целому. Конечно, космические исследования имеют и сугубо практическое значение, но ведь не меньший, наверное, экономический эффект принесли бы аналогичные затраты на исследования земных недр. Но стремление в космос непреодолимо, и психологически оно порождается не чем иным, как трансформацией личностной интенции увидеть себя другими глазами. Что бы это не принесло человечеству, оно стремится обнаторужить иной разум. Оно родилось, говоря словами классика, "без зеркала в руках". И всегда будет его искать.

Что такое понимание.

Понимание возникает как индивидуальная реализация познавательных возможностей личности. Способность понимать действительность, природную и социальную, понимать других людей и самого себя, тексты культуры — эта способность лежит в основе существования человеческого сознания. Результат понимания — отнюдь не обязательно истина в последней инстанции. Понимание плюрално, оно существует во множестве вариантов, каждый из которых отражает ту или иную грань объективной действительности. В понимании находит выражение связь индивидуального существования с общезначимыми фактами.

В первой главе книги затронуты почти все вопросы, к которым мы вернемся в дальнейшем. И о трех полях понимания, и о культуре, и о мифологии, и о текстах мы поговорим подробно. Особое внимание нам предстоит уделить общению. И вот почему. Понимание — это узел, который связывает воедино познание и общение. Понимание начинается с взаимного понимания между людьми. Человек — субъект понимания. Каждый. И вы. И я.

В поле 1 решающую силу имеет противопоставление: есть на самом деле — нет на самом деле; в поле 2: истинно — неистинно; в поле 3: хорошо — плохо, а также все модификации этого противопоставления. Мир, представленный в поле 1, — это мир отношений между предметами; в поле 2 — отношений между понятиями; в поле 3 — отношений между людьми.

Существенным условием глубины и обоснованности понимания является взаимосвязь этих автономных полей. В случае нарушения их гармонической взаимозависимости, когда то или иное поле обособляется, понимание отходит от сущности предмета, мифологизируется. Так, обособление процессов понимания в первом поле порождает мифологическое истолкование данных смыслового восприятия действительности: какие только вымыслы не обошли за

последние годы страницы периодической печати! Но любопытно, что они чаще всего опирались на факты. Их обсуждали, нарушая элементарные логические требования, с ними смешивали явные небылицы, все доказательства заменял "господин непреложный факт". Но факты, поставленные в такой контекст, не доказывают ничего. Их толкуют совершенно произвольно.

Для того, чтобы факты, воспринятые человеком непосредственно, могли иметь доказательную силу, они должны быть отсеяны от каких-либо оценок — и должны выдержать испытание на достоверность.

Разведчики Ковпака составляли донесение, разделив его на три четко различающиеся части: 1) "видел"; 2) "думаю"; 3) "хлопцы говорят".

Это было первичным условием, необходимой предпосылкой правильного понимания, причем такое разделение текста влияло на процесс понимания и у тех, кто составлял донесение, а не только у тех, кто его принимал, анализировал и составлял доклад для командира соединения. Много, однако, зависит и не от того человека, от которого исходит сообщение, и не от того, как оно построено, но от возможностей самого языка.

Экспериментальный психолингвистический анализ показывает, что язык обладает неравнозначными возможностями по отношению к реальной действительности: смену событий во времени язык описывает с большой легкостью, описание же пространственных отношений и фигур, как правило, вызывает значительные затруднения.

М. Л. Галлай¹ рассказывает об испытаниях Ту-4, четырехмоторного бомбардировщика. Казалось бы, совершенно безразлично, как называть моторы — можно по номерам, слева направо по направлению полета, а можно по отношению к фюзеляжу: "левый внутренний" или, скажем, "правый внешний". Но на Ту-4 бортинженер сидел лицом к хвосту, так сказать, "задом наперед", в то время как летчик — естественно, лицом в ту сторону, куда летит самолет. Бортинженер сообщает, что "у левого внутреннего пульсирует давление масла". Летчик говорит: "Понял. От тебя левого, значит от меня — правого". Бортинженер поспешно говорит, что он уже учел, как это будет от летчика, это "на левом от тебя моторе"... Летчик делает ему замечание. Бортинженер возражает. И так далее.

А сколько раз вы сталкивались с невыносимой путаницей, пытаетесь объяснить, как пройти, как проехать и, наконец, брались за ручку и рисовали схему, потому что объяснить все это трудно, а понять объяснения — еще труднее. Но это не особенность объясняющего. Это особенность языка. Ему трудно в первом поле.

Во втором когнитивном поле обособленная последовательность доказательств, вполне связных и логичных, рассматривается как не-

¹заслуженный летчик-испытатель, Герой Советского Союза, писатель, ученый. Он написал ряд чрезвычайно интересных книг. Они вводят читателя в такой мир, где ему вряд ли суждено будет побывать. И это реальный мир.

-преложное утверждение о действительности (иначе говоря, логически доказанное объявляется действительным).

В третьем поле повествование выступает как свидетельство действительно происходящего и даже как объяснение происхождения тех или иных действительных явлений. Последнюю функцию часто берет на себя миф в собственном смысле слова.

Говоря о третьем поле, надо иметь в виду, что само существование человеческой мысли и ее выражение отнюдь не полностью совпадают. В сущности логика — это наука о выраженной мысли, и уже в силу этого обстоятельства ее возможности ограничены. Более того, тексты, в которых, собственно, и живет выраженная мысль, довольно отчетливо дифференцируются на познавательные и повествовательные, причем логика повествования совершенно особая.

Вообще отношения между повествованием о действительности и самой действительностью, между воображаемыми отношениями и отношениями реальными в принципе очень сложны. Большую роль тут играет убеждающая сила, присущая повествованию. Любопытно, что многие библейские тексты представляют собой именно повествование, а не доказательства.

Несомненно и то, что роман может дать об исторических событиях представления более впечатляющие, нежели непосредственная передача последовательности фактов. Некогда Гримм говорил, что надо искать не историческое в "Нибелунгах", а "нибелунгово" в истории. Это очень глубоко. "Подлинную историю человека пишет не историк, а художник. Ни Соловьев, ни Моммзен не могут написать доктора Фауста, Дон Кихота, Ивана Карамазова, Платона Каратаева, а именно эти люди — суть люди, творящие материал для Нибуrow и Ключевских".

Литературный образ — это не просто вымысел. В нем отражены и синтезированы действительные черты людей, и многое из написанного в "Войне и мире" *могло бы* иметь место на самом деле. Это относится к миру возможного.

В художественном произведении зачастую выделено и представлено возможное, причем в особо впечатляющих формах. "Одно дело — роман, другое дело — история. Некоторые тонкие критики определяли историю как роман, который имел место в действительности. В самом деле, приходится признать, что искусство романиста нередко заставляет нас верить, тогда как иному событию мы верить отказываемся"². Частично это связано с тем, что в повествовательных текстах смысловые связи организованы по принципу усилителя³.

¹ Литературное наследство.— М., 1963.— Т. 70.— С. 482.

² Жид А. Подземелья Ватикана.— М., 1936— С. 98. А. Жид — лауреат Нобелевской премии по литературе.

³ См.: Жолковский А. К. Об усилении // Структурно-типологические исследования.— М., 1962.— С. 167—171. Это наиболее сжатая и сильная из работ известного структуралиста.

Одно событие не только влечет за собой другое, но выявляет в нем возможности. Они бы и не выявились никогда в другой ситуации. Но здесь они становятся предметом изображения.

По-видимому, количество моделей усиления ограничено. "Даже если возьмем список уголовных дел, то мы увидим, что в литературную обработку попадают все одни и те же случаи. Например, я знаю с XVIII века анекдот о ювелире, которого привезли к психиатру за покупателя, а ювелира — за больного, который все время бредит бриллиантами" писал В. Шкловский в 1929 году. Последний из известных мне случаев обращения к этому сюжету относится ко второй половине XX века, причем автором текста является Л. Шейнин (печально известный и как следователь, а в качестве психиатра упомянут В. М. Бехтерев.) Все это создает дополнительные "эффекты достоверности" текста, к тому же имитирует полицейский рапорт, что должно было оказать дополнительное убеждающее воздействие на читателя.

Сказанное, вероятно, показалось читателю не очень сложным. Но это для первого, как говорится, знакомства. Тут многое упрощено. Мы избрали такую форму работы: будем возвращаться к главным положениям снова и снова, каждый раз их усложняя.

Понимание — исходный феномен мышления. Именно в нем выражается участие мышления в регуляции деятельности. "Мыслить человек начинает, когда у него появляется потребность что-то понять", — эта формула аксиоматична. Способность ~~маны~~ окружающий мир, других людей и самого себя составляет ~~не~~ необходимое условие реализации сущностных сил человека как ~~каждого~~ существа. Но почему же этот общепризнанно важный объект исследования изучен слабее многих иных? а определения термина "понимание" неоднозначны и даже разноречивы? Частично ~~ясно~~ тем, что понимание можно исследовать различными ~~блано~~ В сфере герменевтики — науки о понимании текстов — ~~многие~~ доминировала традиция, неявно противопоставленная собственно экспериментальному анализу. Между тем действенным способом понимания служит именно эксперимент. Естественно, что изучение понимания призвано ответить на вопрос, что оно такое, что оно собой представляет — и как процесс, и как его итог. Но при этом встает другой, не менее важный вопрос: зачем человеку понимать?

Зачем человеку понимать.

Понять — значит обрести знание. Такое ~~нечто~~ которое отражает суть вещей, соединяет нечто ранее неизвестное с уже известным, пре-

¹ Шкловский В. О теории прозы.— М., 1929.— С. 248.

² Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии.— М., 1940.— С. 289.

-вращает ранее разрозненное в систему. Но к этому сущность понимания не сводится: система, в которую включается новое знание, функциональна, действенна. Это система, ориентированная на применение знания. Иначе говоря, понимание выступает как присвоение знания и обращение его в составную часть психологического механизма, регулирующего деятельность в соответствии с требованиями практики. Когнитивная функция понимания именно и заключается в том, чтобы обрести определенное знание о действительности и применить его; в результате понимания знание становится частью внутреннего мира личности и влияет на регуляцию ее деятельности.

Человек деятелен в силу того, что он — существо социальное. И в этом качестве он способен (и это главное) предвидеть вероятные последствия своих действий. Реализация возможностей должна быть сбалансирована с ответственностью за их осуществление. Понимание ставит деятельность в зависимость от социально возможных ее результатов. Эту регуляторную функцию понимание выполняет превосходно, и, как всегда в таких случаях, заметны лишь отклонения от необходимого оптимума.

Когда в результате неправильного распределения ответственности понимание теряет хотя бы часть привычной эффективности, это сразу бросается в глаза. Так, врачебная практика показывает, что такое хорошее по замыслу дело, как консилиум — совещание специалистов о диагнозе и способе лечения больного, нередко не дает эффективных результатов. Выдающийся русский терапевт В. Ф. Зеленин по этому поводу заметил даже, что "чем больше голов, тем меньше умов". Умов, разумеется, хватает, а вот ответственности не хватает: ее перекладывают друг на друга.

С регуляторной функцией понимания непосредственно связан и локус контроля, то есть склонность индивида считать ответственным за важнейшие события своей жизни себя (интернальный локус) или же других людей и сложившиеся обстоятельства (экстернальный локус).

Познать можно истину.

Понять можно смысл.

Смысл — это производное значения, которое имеет вещь.

В системе все вещи что-то значат. Имеют значение как элементы системы. Отношения значений — это связи.

Глава 4

ТОТ, КТО ПОНИМАЕТ

Он все понимает, а это самое главное... Очень трудно жить, когда тебя не понимают. Даже невозможно.

С. Бобров

Это человек. В этой главе мы рассмотрим его как участника исторического процесса. Ведь понимают друг друга (и самих себя) люди конкретные, исторические. И то, что они слышали и читали,— тексты— тоже порождение истории. От нее никуда не уйдешь, да и уходить некуда. Ее надо понимать, знать свое место. Говорят, что место в истории есть только у выдающихся людей. Это неправда. У каждого из нас, грешных, есть свое место в истории, и у вас, и у меня. А что касается выдающихся людей, то о том, кто они, свое слово скажет именно история, а не современники. Им же не мешало бы почаще вспоминать старинную поговорку: "Подождем, пока осядет пыль. Может быть, это прошел ишак".

Главная задача.

Итак, наша задача состоит в том, чтобы рассмотреть человека как участника эволюции общества: иначе говоря, человека как каплю в потоке, текущем из прошлого в будущее. Основная сложность проблемы заключается в том, что огромное количество событий и лиц, сыгравших важную роль в мировой истории, нам просто не известно, и мы судим о многом только по исторически непродолжительному отрезку времени в несколько тысяч лет. А что было *до*? Ведь то, что человечество было невелико, не дает основания принижать значение стартового периода человеческой истории. "Один из распространенных соблазнов для всякого размышляющего над историей и типологией культур и цивилизаций — считать: "Этого не было, значит, этого не могло быть", или перефразируя: "Это мне не известно, значит, невозможно". Фактически это означает, что тот незначительный, сравнительно с общей неписаной и писаной историей человечества, хронологический пласт, который мы можем изучить по хорошо сохранившимся письменным источникам, принимается за норму исторического процесса, а культура этого периода — за стандарт человеческой культуры. Вообще письменная или, скажем, бесписьменная часть человеческой истории принесла нам самого человека — самый главный элемент человеческой истории. Правда, является ли он таковым — это еще вопрос.

Принцип Тойнби

И ответить мы на него не сможем, если не опираясь на принцип Тойнби, раньше рассматривать целое исторический поток, историю, а не элемент ее, даже если это важный элемент, как сам человек. Принцип этот, сформулированный крупнейшим историком А. Тойнби, гласит: "Чтобы понять часть, мы должны прежде всего сосредоточить внимание на целом, потому что это целое есть поле исследования, умопостигаемое само по себе". Проблемы, которые мы сейчас предполагаем обсудить, относятся к истории как к целому, решение этих проблем имеет, естественно, прямое отношение к частям этого целого. Повторно замечу, что конечная наша цель состоит в том, чтобы рассмотреть место и роль человека в истории, в развитии человечества, и проблема эта не вполне совпадает с традиционным для нашей науки вопросом о "роли личности в истории".

Поиски новой парадигмы.

Необходимость новой методологии анализа проблемы возникает в ситуации, когда прежние методы исчерпали себя. Это не значит, что они вообще были неэффективны и неверны. Это значит, что они были этапом в развитии научного знания, этап этот проходит или уже прошел: наступает следующий. Проще всего, конечно, порочить этап предшествующий, благо недостатки его заметны, они лежат на поверхности. Но задача ученого в данной ситуации состоит в том, чтобы искать пути к новой парадигме. Ныне ясно, что попытки заменить изучение человека поиском эмпирических законов общественного

развития потерпели крах. Законы экономические и социальные, конечно, существуют, но они воплощаются в жизнь благодаря деятельности людей. Выяснилось, что на магистральном пути общественного развития находятся те социальные системы, которые строятся на наиболее полном учете сильных и

¹ Лотман Ю. Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры и проблемы переводимости. — М., 1987. — С. 7.

¹ Тойнби А. Постигание истории — М., 1991. — С. 28.

слабых сторон человека как индивида. А социальные системы постоянно оперировали понятиями господствующих наций, классов и масс, потерпели поражение и распались. Это о многом говорит. Прежде всего о том, что гуманитарные и экономические науки должны обрести новый ориентир — человека. Не только и не столько совокупность общественных отношений, сколько живое существо. Три кита, на которых держалось марксистское понимание истории, уплывают в прошлое. Это: 1) историческая необходимость — как выражение объективных законов развития человечества, 2) определяющая роль бытия по отношению к сознанию; 3) роль материальности как основной политической и экономической категории исторического процесса.

В мировой науке изменились сами отношения, привычные. Стало ясно, что необходимое — лишь часть случайного, что роль индивида, личности в истории куда выше, чем было принято считать, а роль индивида в науке и культуре вообще доминирует.

В теологической литературе не прекращаются дискуссии вокруг "треугольника существования". Три вершины треугольника определялись как Бог, Человек и Мир. Отношение Бога к Миру характеризовалось соответственно как творение, к Человеку — как открытие. Как определить отношение Человека к Миру? Этот вопрос знает и верующих, и тех, кто сомневается и в акте творения, и в сущности откровения.

Возможно, что отношение Человека к Миру — это понимание. Влиятельные, даже ведущие теологи определяют это отношение как страдание (и к тому есть не только религиозно-канонические, но и фактические основания). Но определяя это отношение как страдание, не следует исходить из принципа Спинозы — "не плакать, не жаловаться, а понимать", толкуя его как основополагающий для познания человека и его судьбы. Вне понимания мира теряют смысл существование человека. Идеи не могут стать силой общественного развития вне их речевого выражения и только благодаря речи они обретают понимание их людьми.

Как возникают новые концепции.

Концепции, которые представляются принципиально новыми, формируются под влиянием главных факторов: 1) внутренней логики развития научного знания, 2) одаренности творцов этих концепций, 3) массового общественного сознания своего времени. Немалое было затрачено на то, чтобы продемонстрировать значение первых двух факторов для формирования марксизма. О третьем факторе речь обычно даже и не заходит. Для науки вообще затруднительно осуществлять рефлексию над полем идей, которым она обязана своим существованием; наука их присваивает и объявляет своим внутренним достоянием, не допуская и сомнения во внешнем, ненаучном происхождении. Между тем наука всегда находилась под сильнейшим влиянием массового сознания, существующим, впрочем, и по сию пору. Достаточно упомянуть распространенный, совершенно уже неразрушимый стереотип относительно того, что все происходящее в социальной жизни "попадает в гены". Т. Д. Лысенко просто воспроизводил на ином уровне предрассудок о наследовании приобретенных признаков, облакая его в наивно-ламаркистское одеяние и придавая ему особенно одиозную форму. Еще во времена предшественников К. Маркса в массовом сознании стал складываться стереотип, согласно которому все, что потребно человеку, может быть произведено, а значит производство — становой хребет общества. Маркс перевел это представление на язык науки. В его учении производству придавалось значение исключительное. Он имел к тому все основания. Действительно, для человеческого существования необходимы материальные блага. В сущности, откуда бы они могли явиться без производства? И Маркс, показав необходимость материальных благ, переходит к создающему их производству. Но лишь с развитием общества стало ясно видно, что на человека

влияют именно плоды производственного процесса, плоды, которых производство не приносило раньше.

Раньше речь шла о способе производства продуктов. Теперь речь идет о новых продуктах производства — от танка до видеоманитов, которые способ производства породил. И тут возникает вопрос: не продукты ли труда играют решающую роль в существовании человеческого рода?

Анализу материальных благ ни Рикардо, ни Маркс, ни Каутский внимания не уделили. И не случайно: ведь во времена Маркса новым был способ производства, новыми были орудия производства, но никак не сами продукты производства. В те времена еще ездили в каретах, самым сильным родом войск была конница, а о радио, телевидении, авиации и речи не было. Казалось, что производство уже известных (и необходимых) людям материальных благ, рост производительности труда решают все экономические проблемы — нужен только новый способ производства этих благ. Новый мир, мир новых продуктов производства — от синтетики и телевизоров до штурмовой авиации и установок "Град" (которые особенно трудно отнести к числу материальных благ) — Маркс не видел в глаза. Уже не способ производства, его продукты стали определяющим образом влиять на людей, их деятельность, образ их мыслей.

А новый взгляд на историю только складывается. Новое понимание истории встает из руин старого. Но пока существуют широкие возможности интерпретаций, хотя и новых, но произвольных. Это тонко почувствовал еще Лев Толстой. "Захочу, разрежу так, а захочу — вот так: вот и вся ваша наука", — сказал П. Н. Миллюкову

Лев Толстой, завершая беседу об истории. Он придвинул к себе ~~физический~~ ^{символический} жест. Общепринятой исторической теории нет. Нет и точного понимания отношения ~~история-человек~~.

История и личная судьба

"Если история не обладает смыслом, то личная судьба не существует". Тут есть три варианта. Первый: никакого смысла к историческому ~~бытию~~ ^{бытию} нет. Процесс есть, но откуда никак ~~не~~ ^{не} следует, что он осмыслен или что жизнь его участников осмыслена отнюдь! Столько же смысла, сколько в существовании рыб ~~и~~ ^и динозавров.

Второй вариант. Процесс развития человечества существует ~~и~~ ^и будущее классы, нации, государства. Вписаться в движение тех социальных образований, которые имеют наиболее яркую историческую перспективу, — вот и решение проблемы осмысления ~~индивидуального~~ ^{индивидуального} существования. Но есть и третий путь. Жан Маритен ~~полагает~~ ^{полагает}, что история обладает "собственной финальностью", которая придает ей смысл: ~~возрастающее~~ ^{возрастающее} овладение силами природного материального мира; совершенствование человеческого бытия (путем развития цивилизации ~~и~~ ^и культуры, главные факторы тут — наука, философия и искусство); актуализация возможностей, заложенных в природе самого человека. Его силы и потребности лежат в основе цивилизации.

Цивилизация и общество.

Каковы реальные координаты исторического процесса?

Историческое время и историческое пространство не тождественны физическому или географическому. Географически Европа — лишь небольшой полуостров гигантского континента, но исторически ~~какая~~ ^{какая} сколь велик ее цивилизационный потенциал. Исторически отдельные годы могут значить больше иных веков. Это хорошо известно и теоретикам исторического процесса, историософам ~~и~~ ^и аналитикам, детально знающим те или иные эпохи и периоды в развитии народов и государств, и миллионам людей, пережившим кризис и распад советской империи.

Недавние исследования показали, что генетическое родство ~~народов~~ ^{народов} по антропологическим, культурно-языковым и иным ~~критериям~~ ^{критериям} народов выражено как будто бы более отчетливо, чем это предполагалось ранее, и это позволяет задуматься над ~~предположением~~ ^{предположением} процессов, которые стали разворачиваться в исторически гораздо более поздние времена.

¹ Maritain J. Religion et Oeuvres. — Paris, 1975.

Вообще вопрос о механизмах исторического процесса, неминуемо включающих те или иные этнические, культурные и геополитические образования изучен еще очень и очень слабо. Сказанное не означает, что их исследовали мало: просто результаты исследований не всегда дополняли, а чаще противоречили друг другу. Тем не менее, "серийная история", "психоистория" и других направлений научного исследования дают основания надеяться, что здесь есть все необходимые фактические аспекты происходивших в давнем и недавнем прошлом исторических процессов, а с другой стороны, здесь есть очень широкие концептуальные возможности.

Законы истории надличны. Несмотря на то, что роль человека гораздо выше, чем еще недавно было принято полагаться, несмотря на то, что воля индивида может направлять судьбы миллионов, есть, по-видимому, такие направления ветвящегося движения истории, которые необратимы, сколь бы того ни желали отдельные личности и целые народы.

Дерево лучше знает, как ему расти. Его нельзя тянуть вверх за вершину, нельзя вытаскивать из земли, чтобы осматривать его корни — от этого оно только засохнет. Таковы, вероятно, и результаты попыток управлять историческим процессом. Управлять людьми и управлять историей нельзя.

Происходит формирование таких исторических организмов, форма, род и сроки которых внутренне обусловлены. Частью такого огромного исторического организма, частью процесса его формирования являются его части — индивиды и социальные группы. Мы изучаем его именно как живое, а значит имеющее перспективу существо.

Анализ его структуры, функций, событийных, идеологических и социально-психологических составляющих требует достаточно обоснованной историософии, то есть не описательной, а теоретической науки об историческом процессе.

Попытки Освальда Шпенглера и Арнольда Тойнби создать теорию цивилизаций как исторических организмов современные критики оценивают по-разному, но отрицать значение этих попыток нельзя. Они развили сам способ исторического мышления.

Существует и прямо противоположный им подход к истории, базирующийся на использовании концепций, основанных на потоке информации, а значит учитывающих и значение вторичных термодинамики.

Информационный подход

Современная наука показала, что общество является самоуправляющимся организмом. Центр внутреннего самопроизвольного регулирования в обществе, как и в органическом мире, осуществляется благодаря "обратной

¹ Barraclough J. Main Trends in History. — N.Y.; L., 1978.

связи", действующей между различными социальными факторами. Примеры векторного анализа некоторых социальных явлений (городского транспорта, рождаемости, радиовещания и кинематографии) показывают, что прямо или же опосредованно, но "реальная (а не кажущаяся) регулирующая обратная связь в социологии всегда приводит к психологическому фактору — причине". Внешняя среда оказывает огромное влияние на поведение личности в обществе; однако главным составным элементом "внешней среды" является внутренний мир индивида, его психология.

Общественное развитие существенно обусловлено количеством циркулирующей в обществе информации. Социальное неравенство и социальный отбор выдающихся личностей создают в обществе необходимую разность потенциалов и таким образом благоприятствуют развитию передачи информации. Устранение же социального неравенства неизбежно сопровождается возрастанием энтропии (выравниванием потенциалов) и затуханием циркуляции информации, которые могли бы привести к тому, что "все живые силы и все созидательные возможности исторической эволюции были бы безвозвратно стерилизованы".

Главную угрозу для современной цивилизации и социального прогресса Э. Юан усматривает в "тоталитарных идеологиях, которые, будучи решительными разрушителями информации, позволяют кибернетической логике действовать только в направлении энтропии, однообразия и околечения. Рассматриваемые лишь с этой точки зрения перспективы подлинного

прогресса выглядели бы совершенно иллюзорными и кибернетически абсурдными"². Эта опасность возрастает в нашу эпоху, потому что она находит себе известную поддержку в общей тенденции развития современной техники, которая также ведет к определенной нивелировке образа жизни и сознания людей. Ссылаясь на высказанное одним из основоположников кибернетики У. Эшби предположение, что со временем компьютеры превзойдут людей по своим умственным способностям, Юан высказывает ряд любопытных предположений о том, что могло бы это значить в тоталитарном обществе. "Ибо если под соединенным влиянием идеологии масс и автоматической техники вот-вот произойдет великий прыжок в неизвестное,— пишет он,— то можно предвидеть стадию, когда предвосхищение Эшби будет реализовано практически, и кибернетические роботы смогут, возможно, решить также и проблемы сооружения механизмов и предписывать их решения своим слугам-людям. И тогда стала бы излишней даже та роль, которую еще сохраняли избранники мысли... И тогда,— а все заставляет опасаться этого,— когда за морально-психологической нивелировкой

¹ *HuantE. Du Biologique au Social.*— Paris, 1957.— P. 94. ² Там же — С. 86.

последовала бы или даже предшествовала бы ей материальная нивелировка, то что осталось бы вообще от Человеческого Рода?"¹.

Единственная возможность спасения для человечества состоит в поощрении дифференциации общества. "Человеческий гений, или то, что условились обозначать как таковой,— это прежде всего и раньше всего гений нескольких человек",— пишет Юан. — Интеллектуальный аристократизм — главный двигатель социальной информации, особенно богатой и разнообразной..."².

Автоматизм техники навис, как дамоклов меч, над современной цивилизацией. Но как много значат "фактор непредвиденности" и "фактор метаморфозы"! Материальные факторы в истории решают многое, но не все. Судьбы человечества и цивилизации, в конечном счете всегда находились в руках незначительного числа людей.

Исторический отбор не всегда выдвигал лучших, но, возможно, тех, кто в наибольшей степени способствовал процессу циркуляции информации и ее распределению в обществе. Эта точка зрения не обязательно правильна, но заслуживает внимания.

Юан явился одним из предшественников тех, кто ныне развивает теорию автопоэзиса. Этот термин впервые употребил У. Матурана, пытаясь определить жизнь как синоним циркулярной организации автономности и самовоспроизводства живых систем. Автопоэтические системы сохраняют свою организацию гомеостатически неизменной путем вариаций собственной структуры. Применительно к социальной системе организации — это сеть взаимодействий, отношений и процессов, посредством которых живые компоненты могут поддерживать свой автопоэзис. Социальная структура — это фактические связи живых компонентов. Организация — это подмножество *главных* связей множества *возможных* связей структуры. Именно эти главные связи определяют целостность, идентичность и границы системы.

Синергетика

Синергетика изучает явления самоорганизации с позиций термодинамики. Ее объекты — эффекты совместного действия множества взаимосвязанных элементов систем, удаленных от равновесного состояния и активно обменивающихся энергией и веществом с окружающей средой.

Открытость самоорганизующихся систем в смысле потребления энергии и уменьшения энтропии согласно второму закону термодинамики не противоречит утверждению об операциональной замкнутости автопоэтических систем. Мы сами находимся в одной из таких систем — и поэтому не можем изучить ее объективно. Но, положим,

¹ *HuantE. Du Biologique au Social.*— Paris, 1957.— P. 74.

² Там же.— С. 49.

нам удалось занять позицию внешнего наблюдателя — ситуация от этого полностью не проясняется.

Несовпадение областей восприятия внешнего наблюдателя и наблюдаемой живой системы заметно влияют на все описания, свойства наблюдателя искажают результаты наблюдения. В социальных системах бессилие внешнего наблюдателя или организатора связано с невозможностью *понять* всех индивидов. Роль наблюдателя, не учитываемая явно в нашей научной традиции, лежит в основе биологической теории познания У. Матураны. Для анализа понимания идеи синергетики существенны и прежде всего потому, что в понимание заложено мысленное определение ¹ связей, преодоление хаоса.

Ф. Хайек предполагал, что наша цивилизация сложилась сама собой, несмотря на все попытки управления обществом. Возможно, что сейчас мы находимся в стадии разрушения нашего мира: связанное с автопоэзисом стремление систем к выживанию может обостриться и обостряется в этой ситуации.

Ниша для личности.

Теперь перейдем к тому, чье существование было заслонено производственными отношениями, к тому, чья общественная роль сводилась к участию в производстве и потреблению его продуктов — к человеку. Заметим прежде всего, что в тени объективных законов развития осталась первая, если не главная особенность человеческого существования — его неповторимость. Вполне очевидно, что если бы социоэко-логическую нишу великого русского писателя занял Лермонтов, а не Достоевский (то есть, в том вполне вероятном случае, если бы Лермонтов не был убит на нелепой дуэли, а Достоевский был бы казнен — ведь он был помилован уже на эшафоте — или умер на каторге), то "Преступление и наказание" не было бы написано. Существовал бы иной великий роман. Но когда дело касается истории науки, а не литературы — действует ли там аналогичное правило?

Из истории науки мы знаем много примеров, когда только через несколько поколений вновь находилось то, что было в свое время открыто, но не опубликовано выдающейся личностью. Вполне возможно и мыслимо, что многое осталось и совсем не открытым из-за безвременной гибели тех, мысль которых могла бы это достигнуть, — писал В. Вернадский. Здесь затронут вопрос фундаментальный. Что же самое главное: внутренняя логика развития науки или ум ученого? Или, если поставить вопрос несколько по-иному: что существеннее — внутренняя логика развития событий или замыслы и деяния исторической личности? Ведь несомненно, что многое в истории оставалось и совсем не совершенным из-за безвременной гибели тех, воля которых могла бы это достигнуть.

Неповторимое и общее

Здесь вопрос о неповторимости индивидуального *существования* смыкается с проблемой *сущности* исторических решений. Как и во многих других случаях существование и сущность тут не совпадают. Если существование каждого человека индивидуально, то в его сущности немало общего с человечеством в целом.

Что же у человека общего с другими людьми? Не только относительно сходная телесная организация (строение тела и его физиология передаются по наследству). Относительно сходным (и наследуемым) является и строение человеческого духа. Глубины душ человеческих едины. Людей объединяет общее для всех коллективное бессознательное, построенное из архетипов — прообразов, возникших в незапамятно древние времена, но существующих и поныне.

Однако реализация архетипов индивидуальна. Что же касается их творческого воплощения, то они служат фундаментом творческих процессов, результаты которых способны сближать людей вокруг единой культурной оси, которая протягивается из прошлого в настоящее, сплачивая людей на единой для данного этноса культурной основе. В этом плане представляется плодотворным компаративный анализ эпического творчества, например, киргизов и исландцев. "Словесное искусство достигло (на острове Исландии. — А.Б.) необычайного расцвета и многообразия. В этих формах социальной памяти воплощались главные духовные ценности исландцев, их представления о мире и человеке, о его достоинстве. Культура была тем средством, которое сплачивало исландцев в народ, повышало его

самосознание и укрепляло его жизнеспособность... Словесная культура аккумулировала и из поколения в поколение передавала социальную память — запас сведений, необходимых для существования и выживания общества, для сохранения и упрочения основных его ценностей. Эта социальная память формировалась в бесписьменном обществе, и те черты, которые она приобрела в период раннего средневековья, в основном сохранились и после появления письменности"¹. Разве не содержат эти соображения определенной основы для сопоставления роли саги с исторической функцией эпоса "Манас" и малых эпосов? Все это внутренне связано с самой спецификой человеческого существования.

Экзистенциальные блага.

Профессионалы абстрактного мышления, исторического процесса зачастую оставляют без внимания существование, экзистенцию индивида, которая не вмещается в рамки научной рациональности. Восемь

¹ Гуревич А. Я. Эдда и сага.— М., 1979.— С. 94.

экзистенциальных благ — *жизнь, надежда, любовь, дети, милосердие, удача, воспоминания и сны* — ценятся индивидом превыше многих замечательных достижений науки и общественного развития. Эти блага именно экзистенциальны, влечение к ним *sub specie aeternitatis* не оправдано, а в чем-то даже и абсурдно. Судите сами — далеко не каждый рискнет сказать, что жизнь его удалась: надежды в значительной своей части не обоснованны и приносят разочарования, никто не может с уверенностью взирать на будущее своих детей, удача приходит достаточно редко, воспоминания бывают печальны, а сны — бессмысленны. И тем не менее отказываться от всех этих компонентов личного существования ни один индивид по доброй воле не станет. Эти восемь благ носят сугубо личный и неповторимый в деталях характер, они придают существованию человека подлинную индивидуальность, без них он — никто, обезличенный участник процесса производства и потребления, неотличимая от других частица массы, которую влечет поток истории.

Сложность соотношения понятий "существование" и "сущность" применительно к употреблению понятия "человек" связана с тем, что *существование* каждого данного индивида индивидуально в своих конкретных проявлениях; его *сущность* же соединяет его с другими людьми.

Власть и ее тайна.

Тайна власти заключена в том, что она всегда принадлежит *не всем*, а узкому кругу людей, которые ею дорожат. Властью не делятся. Когда ею делятся, ее перестают уважать. Этим как бы подтверждается архетипическое ощущение, что власть — женского рода. Недаром ее побуждения не всегда ясны, хотя она может сделать неизмеримо много хорошего, она окружена тайной, требует безусловного доверия (и всегда считает его заслуженным — удивительно!), требует уважения. Но она может быть и самоуверенной и даже капризной, а когда она покидает очаги, в них воцаряется запустение. Но, и в этом важнейшее условие ее существования, она должна быть порядочной. Она должна выполнять свои обещания, а не морочить людям головы. Ее сила должна быть велика, но и не беспредельна — иначе говоря, и у власти есть свое место. Если же эти условия нарушаются...

Тогда люди идут на крайние меры. Они понимают, без власти нельзя. Но почему именно эта? Они могут найти другую. И происходит революция.

Правильно утверждалось, что основной ее вопрос — вопрос о власти. Но это вопрос *политический*, а бывает так, что его решает путч, политический переворот, в который массы не вовлекаются. Он может произойти в Буэнос-Айресе, в Москве, и это будет не первый и не последний путч в безумном XX веке. В 1920 году путч произошел в Берлине — Капп, глупый и нахальный политик, при поддержке каких-то буйных военных занял резиденцию правительства и заявил о смещении президента. Политики побежали за помощью к командующему армией.

— Караул! Капп захватил государственную власть!

Концепция Камю рисует нам картину, выходящую за рамки традиционно толкуемого столкновения "антагонистических противоречий общественного развития". В ней есть место для индивида — носителя творческой энергии. Что же ее порождает? Помимо личной одаренности тут огромную роль играют социальные слои, постоянно действующие в обществе, человек существует в поле напряжения, создаваемом противоположностью этих сил. Образно выражаясь, мотор творческого решения проблем работает на топливе социальной напряженности, опасном, угрожающем сломать всю социальную конструкцию, если ее экономический фундамент дал трещины.

Касаясь этого вопроса, мы затрагиваем и отношение человека к историческому процессу, затрагиваем

идеал, который в той или иной форме может быть понятен всем людям.

Модель индивида

Внеисторическая модель индивида вряд ли возможна — индивид историчен и регионален в своих конкретных воплощениях.

«Древние греки придавали такое большое значение хладнокровию, удовлетворенности и воздержанию (хотя ничего этого не осуществляли полностью на практике), что оставили о себе память, как о людях изысканной и безмятежной жизни; однако народ, который придумал ~~фурioso~~ ~~блещу~~ ~~и~~ ~~хорошо~~ ~~знаком~~ и с чувством виновности. Европейские века придавали такое большое значение небесному руководству и загробной жизни, что казались безучастными к земным делам, все же их привязанность к земному миру и друг другу проявлялась часто любовно, а иногда и шутливо, в иллюстрациях к рукописям, в деревянной резьбе на скамьях хоров, в каменных барельефах, которые скрыты за капителями колонн в церковном нефе. Именно то, чему придается большое значение, выдает дух века. Древний грек испытывал угрызения совести, как и всякий другой человек, но он считал для себя идеалом достигнуть состояние безмятежности. Средневековый человек любил своего ближнего и свою жизнь, но считал, что лучше сначала испытывать беды, а потом наслаждаться блаженством. А мы? Мы хотим иметь красоту, добродетель, изобилие, блаженство здесь и сейчас — в нашей беспокойной жизни, на нашей перенаселенной планете»¹. Несомненно, современный идеал в его локальном представлении скромнее. Выход из ситуации, чреватой многими, подчас смертельными опасностями, составляет сейчас главную цель существования. Но кто станет возражать против красоты, добродетели, изобилия? Никто. Вопрос, конечно, в том, *что* понимали под добродетелью те или иные исторические личности.

Слово "личность" имеет сложную историю употребления в русском языке. И Пушкин имел в виду под "личностью" нечто, в недопустимой форме задевающее индивидуальность человека. "Булгарин показал мне очень милые ваши стансы ко мне. Он сказал, что цензура не пропускает их как личность без моего согласия. (...) Ваше примечание — конечно, личность и неприличность"². То есть здесь "личность" — это нечто, касающееся индивида. Лишь с течением времени "личность" стала синонимом англ. "personality" и франц. "personalite", слов, значение которых приблизительно таково: "человек как член общества". Восходят они к этрусскому слову, означающему, вероятно, "маска"; по всяком случае, лат. "persona" означало первоначально "маска актера", "личина", с оттенками, аналогичными употреблению этого слова в современном русском языке, но в общей коннотации "persona" можно определять как "человек, каким его знают извне". В русском слове "личность" этот момент, в сущности, снят. В социальной психологии есть термин "маска" (восходящий к лат. "persona"), означающий позицию, с которой человек обращается к аудитории. Что касается "индивидуальности", то под ней подразумевается человек, существующий в его неповторимых чертах, то, что характеризует именно *этого* человека.

Разумеется, слово и термин различаются. Слово "человек" отличается от термина "человек".

¹ Данэм Б. Герои и еретики — М., 1967. — С. 298.

² Пушкин А. С. И. Е. Великопольскому (конец марта 1928 г.) // Поли. собр. соч. — Т. 10. — М., 1958. — С. 244.

Каково бы ни было значение этого термина в будущем, он должен отразить в своем содержании особенности *существования* человека.

Важнейшая особенность существования человека — это его способность жить и искать ответа на вопрос, зачем он живет. Ответ этот зависит от фактов его психической жизни, определяющих его возможности.

В 1927 году Герман Гессе писал: "Если бы у нас была наука, обладающая достаточным мужеством и достаточным чувством ответственности, чтобы заниматься человеком, а не просто механизмами жизненных процессов, если бы у нас было что-то похожее на антропологию, на психологию, то об этих фактах знали бы все". Но может быть, эти слова давно устарели? Нет, они отнюдь не случайны. Гессе отметил нечто свойственное научному знанию вообще.

Констатация эта касалась не только психологических проблем. Дело отнюдь не в том, что человека не замечают, не видят — необходимость изучения его осознана давно. Остается за пределами исследования нечто, имманентное ему.

Ему имманентна воля к пониманию. Ему имманентна способность понимать, реализуемая, как правило, не полностью и не всегда.

И. С. Кон прав, когда он говорит, что "пока человек живет, в нем всегда сохраняются нераскрытые и нереализованные возможности"². Это заряд смысла человеческой жизни, это внутренняя пружина человеческого существования и предпосылка его социального значения в самом широком смысле слова. У гения способность понимать реализуется во всей полноте; но это исключение из правил.

Личные способности людей реализуются в конкретных социальных условиях. "Обобщая, можно сказать: любая небольшая страна, к примеру, с пятимиллионным населением, сумевшая добиться у себя реализации 10% своих потенциальных гениев, за полвека оставит позади себя страну в 100 раз более населенную, но более консервативную в этом отношении"³.

Необходимость изучения человека диктуется непреложными обстоятельствами. И общество, и нации состоят из людей. Политические и экономические отношения в основе своей — это отношения людей. Если мы изучим человека, его интересы, силы и ценности, то сможем влиять на менталитет этнической общности, поднять национальные ценности до уровня общечеловеческих. Разве это не самая актуальная задача для нации, которая, можно сказать, ищет себя, ищет свое место в мире, для этноса, который хочет найти прочную основу для отношений с другими этносами?

¹ Гессе Г. Степной волк // Иностранная литература.— 1977.— МБ 4.— С. 168.

² Кон И. С. В поисках себя.— М., 1984.— С.327.

³ Эфроимсон В. Загадки гениальности // Наука и религия.— 1987.— № 8.— С. 4.

Проблема человека – проблема философская.

Существуют две возможные позиции, какую может занимать философ.

Одна была определена в античные времена Хризиппом и заключается она в том, что философ должен в меру своих возможностей участвовать в процессах, на которые он способен повлиять своим мнением, советом, своими знаниями. Этой позиции придерживался, как известно, К. Маркс, утверждая, что от объяснения мира философия должна перейти к участию в его изменении (Л. Фейхтвангер по этому поводу замечал, что правильно объяснить мир — уже значит в чем-то его изменить).

Другая позиция непосредственно связана с отношением философии к человеку и человека — к философии. Это позиция Кьеркегора. "Там, где по свидетельству нашего опыта, кончаются все возможности, где, по нашему пониманию, мы упираемся в стену абсолютно невозможного, где со всей очевидностью выясняется, что нет никакого исхода, что все навсегда кончено, что человеку нечего уже делать и не о чем думать, и остается только глядеть и холодеть, где люди прекращают и должны прекратить всякие попытки исканий и борьбы, только там, по мнению Кьеркегарда, начинается истинная борьба — и в этой борьбе задача философии"¹.

Иными словами, философия должна прийти к человеку не как навязанная извне точка зрения, не как общий для этноса, класса, конфессии взгляд на мир, а как необходимость, как то, без чего уже не стоит и невозможно жить. То есть все здесь зависит от человека и от ситуации, в которой он находится, от понимания им того, что он может, и того, что с ним может быть.

"...Невольно приходит в голову, — писал, например, Ф. М. Достоевский, — одна чрезвычайно забавная, но невыносимо грустная мысль: ну что, если человек был пущен на землю в виде какой-то наглой пробы, чтобы только посмотреть: уживется ли подобное существо на земле или нет?"².

Сейчас эта мысль не кажется невероятной или совершенно неверной, она, во всяком случае, заслуживает обсуждения, но заметим, что она, была столь жестко сформулирована свыше ста лет назад, когда ни о мировых войнах, ни об экономическом кризисе и речи не было. Над этим стоит задуматься, как и над тем, что миновало уже четыреста лет, как в елизаветинской Англии, во времена Шекспира и Уолтера Рэйли был ясно осознан масштаб человека, равный масштабу его возможностей. "Человеческая личность ни с чем не соизмерима, но сама является мерой всего, а воля этой личности не знает границ... кроме смерти, являющейся завершением пройденного круга деятельности. Избегнуть смерти человек не властен, но властен определить время ее прихода. В этом смысле и она ему подчинена"¹. Противоположны ли эти точки зрения? Лишь частично. Исключают ли они друг друга? Вот вопрос, на который должна ответить история человечества.

¹ Шестов Л. Умозрение и откровение.— Париж, 1964.— С. 238—239. (Кьеркегард — это Кьеркегор в принятой Л. Шестовым транслитерации).

² Достоевский Ф. М. Поли. собр. соч.— Т. 4.— С. 427.

¹ Аксенов И. А. "Гамлет" и другие опыты в содействие развитию отечественной шекспириологии.— М., 1930.— С. 28.

Если Бог существует.

Если принять точку зрения, допускающую существование Бога, то исторически процесс или, точнее, место человека в историческом процессе может быть представлено в виде модели, которая предполагает, что человек вписывается в историю благодаря трем отношениям:

Отношение *человек — человек* лежит в основе самопорождения человечества. Это отношение мужчины к женщине, в результате которого возникает семья как ячейка общества: отношение родителей к детям, отношения людей в производственных и социальных группах.

Отношение *человек — вещь* составляет основу использования материальных благ, основу потребления и производства товаров. "Вещь" здесь толкуется достаточно широко — как предметный факт материального бытия индивида. В качестве вещи здесь может выступать и

обувь, и дом, и земельный участок. В сущности, к числу вещей, обладающих специфически важной для человека функцией, принадлежат и орудия производства материальных благ. И, наконец, отношение *человек—Бог* определяет содержание жизни человека и его судьбу. В рамках этой концепции не играет решающей роли, исповедуется ли человек в церкви, творит ли намаз или принимает больных в поликлинике; равным образом все равно, умирает ли он, причастившись святых тайн или в бою со словами "за Родину, за Сталина!". Роль играет действительное духовное содержание жизни человека, то есть был ли он искренним или лицемерным, смелым или трусливым, мудрым или тупым, честным или лживым, открытым или замкнутым и т.д. Все это находит воплощение в конкретных фактах, последовательность которых образует линию судьбы человека.

Итак, первое отношение позволяет человеку появиться на свет, второе — жить в обществе, третье — оставаться человеком.

Самопорождение.

Понимание заложено и в самую сердцевину главной проблемы, которая стоит перед человеком и человечеством. Она еще не решена. И в дискуссиях о ней часто звучат высказывания о том, что она не будет решена полностью, что человек навсегда замкнут в "треугольнике крайностей".

Это проблема самопорождения человека.

На уровне *телесном* она решается путем полового отбора. О нем уже шла речь. Он, согласно Дарвину, и породил человека. И очевидно, что человек тут зародился и вырос потому, что и отношения на этом — телесном — уровне были выражением любви, то есть экстремального интереса и понимания. Иначе это были бы отношения животных.

Но человек вне труда и орудий труда — не вполне человек. И Возникает проблема производства орудий труда, идеальное решение которой — самопорождение человека на *орудийном* уровне.

Как вы, наверное, помните, Аристотель делил орудия производства на *instrumentum mutum*, *instrumentum semivocale* et *instrumentum vocale*: на орудия немые (плуг, мельничное колесо), полутворящие (рабочий скот) и говорящие (рабы). Последние, несомненно, были наиболее разнообразными функционально, но работать они не хотели, и этот факт сыграл огромную роль в истории общества. В этой связи очень интересно, что как-то Ленин обмолвился о сотнях тысяч "механических рабов", которые будут работать на людей в будущем. Это роботы — Чапек впоследствии ярко их описал, а сейчас их начали изготавливать, хотя они еще очень дороги. Идея, однако, родилась в пражском гетто, где Львом бен-Бецаллелем был создан первый робот — Голем (было это в царствование Рудольфа II. Давно¹). Голем был послушен, человекоподобен и исключительно силен. Сразу же возникла проблема его пуска и выключения — генеральная проблема всех механических устройств, и проблема его повиновения — вечная проблема рабовладения. Все легенды о Големе связаны с его выходом из повиновения.

О бунте роботов писал и Чапек. Все эти вопросы еще не поставлены в порядок дня. Но к ним не стоит относиться легкомысленно.

"Опасен ли искусственный интеллект? Это весьма серьезный вопрос. Искусственный интеллект должен быть сильным, он настолько должен быть сильным, он настолько должен в перспективе превосходить мозг человека, насколько, скажем, термоядерная бомба превосходит артиллерийский снаряд. Не выйдет ли тогда искусственный интеллект из-под контроля человека, не окажется ли в будущем человек в таком положении, в каком сейчас находится комар? Человек силен своим сознанием. Опасность, очевидно, возникает тогда, когда "сознание" искусственного интеллекта будет мощным"². Эти рассуждения самого сильного (в прошлом) в мире шахматиста и видного ученого стоит принимать в расчет. Он знает, о чем говорит, а это существенное обстоятельство.

И, наконец, третья форма самопорождения — *знаковая*. Это тексты. Но и портреты. Но и фильмы. И само подобие человека тексту изучено еще очень слабо, хотя еще в 20-е годы

видный лингвист Григорий Винокур писал: "Развитие есть не что иное, как только синтаксически (а вовсе не эволюционно) развернутая личность". Это очень сильно. Тогда еще о гипотезе Ингве и речи не было; между тем Винокур понял, что на глубину одной памяти развертывается одна личность. Как это понять?

Попробуем обратиться к примеру метафорическому, благо написано о "развертке личности" на редкость талантливым пером — пером Алексея Николаевича Толстого.

¹Как и Павел I, император Рудольф II (1552—1612) не был безумцем на троне, каким его любят изображать. Человек он был странный, это правда. Не преследовал евреев, не казнил ни одного алхимика — слыханное ли дело! И остались в истории они рядом: грустный император и неуклюжее чудовище — легендарный страж его сокровищ. На лбу у него было начертано "zmet" ("истина"). Чтобы "отключить" Голема, достаточно было стереть z: на лбу его появлялось "met", что означало "смерть".

²*Ботвинник М. М.* О кибернетической цели игры.— М., 1975.— С. 27.

Что чувствует в прошлом — настоящем — будущем?

Далее вы прочтете написанную А. Н. Толстым в 1921 году автобиографическую заметку. Писалась она в Берлине для "Новой русской книги». Под рубрикой "Писатели о себе" там были в дальнейшем напечатаны известные автобиографии поэтов: есенинская и "Я— сам" Маяковского. А рядом — Алексей Толстой. Еще молодой, но уже известный.

"Описать свою жизнь, но что именно? То ли, как я рос, что делал, с кем встречался, какие были со мной приключения и прочее? Но разве это занимательно? Обратитесь к любому русскому человеку, лет до тридцати возрастом, — он вам расскажет такие чудеса, что, слушая, разинете рот.

Или я должен описать мой духовный путь? Но об этом я не умею говорить от своего лица: мне станет противно, а вам скучно. Вы все же хотите, чтобы я сказал о себе? Вот — все, что я могу.

Есть представление (кажется, у индусов), что физическое тело человека (так же, как форма земли и предметов) совсем не таково, как нам представляется. Мы видим мир (и себя) в разрезе настоящего мгновения. То, что было мгновение назад, и то, что будет через мгновение, — вне нашего физического ощущения, минувшее мгновение исчезает из физического плана, наступающее мгновение представляется как небытие, куда мы вступаем.

Для меня всегда было загадкой: куда делся мост, через который я вчера проходил? Он стоит и сейчас на том же месте, стало быть, он и есть — одно и то же. Затем, откуда возьмется мост и откуда возьмусь я, который завтра пойду по тому мосту? Не возникнут же они, — мост и я, — только из одной моей мечты, — они будут, они уже и сейчас там: мост через канал и я, идущий по мосту.

Истинное мое тело физически существует в прошлом и в будущем, сквозь это дивное тело течет, как огонек, мое сознание, мой Дух, и каждое мгновение освещает лишь разрез моего тела.

Каков в непостижимой мгле грядущего путь моего тела — я не знаю: куда-нибудь заползет этот странный червяк, где-нибудь возрадуется, где-нибудь будет ущемлен и уткнется где-нибудь, под конец, носом в землю, навсегда: захлопнут ему нос и хвост дубовой крышкой¹.

Однажды оно, лежа в гостинице на Скобелевской площади, в Москве, ночью, совершенно ясно почувствовало и поняло, что оно, конечно, умрет — уткнется носом в землю. Оно ужасно сотрясилось от очевидной и беспощадной мысли. Огонек, плывущий по нему, вспыхнул тревожно и ярко, и пламя его стало прозрачнее.

Летнею ночью, в Крыму, на берегу моря, оно увидело:

... над водою, тяжелой, черной и древней, как вселенная, поднимался лунный шар, — он будто был налит кровью, густо-багровый и зловещий. Никаких других оснований не было, но все же оно поняло, что над морем, над землей, над сидящим на пустынном берегу человеком — над миром встает Звезда Смерти. Было чувство надвигающейся гибели (хотя не было понятно — откуда она) и непостижимое, равнодушное легкомыслие к повседневным делам, связям, к самому себе. Через немного дней пришла весть о войне.

Зимой, в Москве же, подъезжая на автомобиле к Николаевскому вокзалу, оно с потрясающей ясностью (потрясающей — потому что была восторженна) почувствовало, что смерти нет.

Оно тотчас (или одновременно) увидело внутренность автомобиля полной чего-то такого, что

сейчас же вошло в него, в тело. Оно закрыло глаза — настолько это было ослепительно и бессмертно восторженно.

Оно ждало, что все вокруг него преобразится (почему ждало — не понимаю до сей поры). Но этого не случилось. Гнилой туман войны все гуще затягивал землю. Когда с грохотом обрушился византийский купол Империи — не было ни сожаления, ни радости, потому что крушение, по виду такое чудесное и все должное изменить, было лишь одной из картин в длинном ряде действий великой трагедии. Занавес зрителям. И бахрома занавеса уже была в крови.

В первые дни Октябрьской трагедии червяк уполз из Москвы. И вот начались мучительные и долгие годы скитаний. Огонек в сильно помятом и потрепанном бурями теле то угасал, то начинал дымить черным пламенем мщенья и ненависти, то вспыхивал сумасшедшей верой в преобразование родины.

Тело продолжало ползать по карте Европы: оно ползло на юг, потом на запад, потом поползло на восток. На запад гнали его ужас и мщение, на восток повлекли его любовь и неизбежность.

Оно притаилось в Берлин. Завтра оно вползет к вам в редакцию, Александр Семенович, сядет на стул, закурит трубку и поссорится с вами по поводу того, что все здесь изложенное написано не на тему.

¹Роберт Хайнлайн не читал этот (весьма редкий) текст. Но полвека спустя он писал, что каждого субъекта "можно представить в виде длинного розового червя, протянувшегося сквозь годы... С этой точки зрения существует физическая непрерывность народа в целом: народ предстает в виде розовой виноградной лозы, ветки которой переплетаются и дают побеги". (Хайнлайн Р. Нить жизни // Ветер чужого мира.— М., 1993.— С. 72—73). Любопытно, правда? Воистину существует строгая логика воображения!

Но что же я могу поделать, если мне самому в моей жизни важен лишь свет огонька, текущего по телу. Я бы очень хотел, чтобы он перестал чадить и разгорелся таким светом, что мое тело утратило бы свою червяковскую привычку — тыкаться слепую мордой в необследованные закоулки. Вы знаете имя этому Свету?

Знал ли имя этому Свету неведомый мне Александр Семенович? Это Свет Понимания. Только оно способно осветить человеческую жизнь и весь мир.

Оно вложено, спрятано, законсервировано в тексты. В них спрятана душа человеческая, и она оживает, когда тексты читают.

А. в будущем возможны книги и фильмы, которые будут жить своей самостоятельной жизнью, спонтанно изменяя свое содержание. Звучит это фантастически, но это вполне возможно¹.

Освещать изоморфизм телесного, орудийного и знакового уровней человеческого существования мы здесь не будем, тема слишком сложна. Но подведем некоторые итоги. Человеку свойственно самопорождение на трех уровнях: *биологическом, орудийном и семиотическом*. На всех трех уровнях человек выступает как заданная временем, эпохой модель. Касаясь, например, орудийного уровня, заметим, что максимум эффективности воплощен в орудии самоуправляемом, причем исторический прообраз таких орудий возникает еще в античные времена: "Для древних раб был самоуправляющимся орудием, механизмом с регуляцией особого типа"². Регуляция эта происходила при помощи речевых команд. Проблема орудий подобного типа, целиком искусственных и специализированных, — проблема Големов³ — привлекает внимание именно в связи с определением границ их человекоподобия. Обращаясь к знаковому уровню, подчеркнем, что омонимия слов "команда" — приказ действовать и "команда" — слаженная группа исполнителей — весьма интересна в смысловом отношении. В свое время Джек Лондон писал: "Теперь я знаю, какую роль играет капитан на борту "Эльсиноры". Он — ее мозг. Матросы — пешки, а два помощника капитана — фигуры, которыми он ведет игру против моря, времени года и морских течений. Он — тот, кто знает, а они — его язык, с помощью которого он передает

свои знания"⁴. Мой коллега профессор Г. Л. Френкель, яхтсмен и превосходный стилист, вполне соглашался с тем, что команда — это язык капитана, замечая при этом, что слова очень самостоятельны в своих значениях.

¹ Есть серьезные работы на эту тему — и опыты.

²*Выготский Л.С.* Развитие высших психических функций.— М, 1960.— С. 117. Любопытно, что один из основных трудов, посвященных этой проблеме, озаглавлен Н. Винером "Бог и Голем, инкорпорейтед". (*Winner N. God and Golem, Inc.* — Gambridge (Massachusetts), 1964 (есть русский перевод — он озаглавлен "Творец и робот").

⁴ *Лондон Дж.* Поли. собр. соч.— М; Л., 1929.— Т. 16.— С. 79.

Глава 5 ПУТИ ОБЩЕНИЯ

Командор. Я ничего не понимаю мадам, а хочу понять.

Мадам Р. Ничего, Командор, поймете.

Командор. Когда?

Мадам Р. Скоро.

Командор. Да как скоро?

Мадам Р. Очень скоро.

Артур Копит

Вся человеческая жизнь пронизана общением. Все человеческие чувства — любовь, печаль, гнев, радость — находят выражение в отношениях с другими людьми. А как осуществляются *отношения* между людьми? В *общении*.

Сигналы личной и групповой обращенности.

Человеческая деятельность чрезвычайно многообразна, всех конкретных форм ее и не перечислить. Но есть такая форма деятельности, которая обеспечивает все остальные¹.

Человек трудится вместе с другими людьми, и чтобы труд был согласованным, координированным, тесная связь данного человека с другими совершенно необходима. И наконец, общение — это процесс, в который вовлекаются гигантские массы людей, процесс, вне которого немыслима ни общественная психология, ни общественная идеология. Общение делает достоянием других людей мои чувства, мои мысли, мои намерения. Благодаря общению мы узнаем о том, чем живут наши близкие, что волнует миллионы людей, внук узнает о молодости деда, подчиненный получает указания от руководителя, влюбленный начинает понимать, что радует его любимую. Но не только. Разве, слушая радио, не сводя глаз с телевизионного экрана, читая газету, посещая кино, мы не включаемся в процесс общения? Конечно, да.

¹Как вы уже поняли, такой формой деятельности можно считать общение. Это мысль А. А. Леонтьева — и весьма плодотворная. Отсюда, например, следует, что говорящий и слушающий — это субъекты одной и той же деятельности, только на разных уровнях активности.

Вот мы и затронули один из важных вопросов теории общения, касающийся *обращенности сообщений*. Все, что мы услышим за день, прочтем, обладает некоторым адресом, к кому-то обращено. Слова отца, письмо жены, записка, которую вы получили, находясь в президиуме собрания, — все это адресовано прямо и непосредственно вам, а статья в газете или телевизионная передача имеет очень широкий круг адресатов.

Если мы будем считать сигналами (как предлагают кибернетики) все, что может быть воспринято и что несет нам информацию, то сигналы эти могут быть подразделены на две основные группы: сигналы личной обращенности и сигналы коллективной обращенности. Стоит задуматься над тем, какие сигналы преобладают.

Если обратиться к истории вопроса, то преобладание сигналов личной обращенности некогда было вполне очевидным. Действительно, представим себе человека прошлого. К нему часто обращались лично. И это естественно. Но когда к нему обращались как к члену группы? Может быть, в школе, когда учитель объяснял урок целому классу? Но и то в случае, если он учился (а ведь даже в исторически недавнем прошлом в школу ходили очень немногие). Может быть, в армии — когда старшина обращается ко всем солдатам взвода или роты? Но и это относится только к мужчинам, и то не ко всем. Сигналы коллективной обращенности человек слышал также, будучи участником различных обрядов и религиозных церемоний, но и здесь: кто был участником таких обрядов, а кто и не был. Коллективная обращенность прежде всего присуща художественному творчеству, и когда акын исполнял перед слушателями эпические произведения, то послушать его сходились стар и млад. Но и это случалось не так уж часто.

О кино, радио, телевидении мы не говорим. Они возникли и получили бурное развитие за исторически короткий срок — около ста лет. Книгопечатание и периодическая пресса, конечно, "старше". Но и книгопечатание не столь уж древнего возраста, а главное — абсолютное большинство людей в обозримом прошлом еще не умели читать. В средние века, например, грамотные вообще были наперечет, даже среди власть имущих. Бывало и такое: приходит королевский вестник к какому-нибудь барону, объявляет содержание указа. Указ у него в руках, но это просто лист пергамента с королевской печатью — чистый лист, текст вестник заучил наизусть. Печать барон знает (значит, вестник облечен доверием), а читать не умеет.

Понятно, что в силу исторических условий сигналы личной обращенности заметно преобладали в жизни людей.

Есть ученые, которые считают, что в жизни большинства людей количество сигналов коллективной обращенности ныне превысило количество сигналов личной обращенности. Разумеется, коллективная обращенность — показатель не решающий, значимость сигналов и их количество — вещи взаимосвязанные, но все-таки разные. И тем не менее баланс сигналов личной и коллективной обращенности в жизни человека для науки и практики очень интересен. Он отражает взаимодействие двух форм коммуникации: аксиальной и ретиальной.

Но прежде чем мы разберемся в том, что это такое, остановимся на особенно важном для нас термине — "коммуникация".

Коммуникация аксиальная и ретиальная.

Коммуникация — понятие очень широкое. Коммуникация — это направленная связь, т. е. связь, которая выражается в передаче сигналов. Все на свете взаимосвязано, и коммуникация — один из видов всеобщей связи, быть может, самый сложный. Ведь передача сигнала это не обязательно осознанный, осмысленный процесс. Коммуникация имеет место всюду в управляемых системах, например, в человеческом организме, в обществе. Есть даже предположение, что где-то в просторах Вселенной коммуникация соединяет друг с другом гигантские небесные тела, и метафора Лермонтова "и звезда с звездой говорит" обретает, таким образом, новый, неожиданный смысл.

Но об этом потом. Вначале остановимся на тоже неожиданной параллели между процессами, происходящими в обществе и живом организме.

А. А. Ухтомский рассуждал следующим образом: радист в определенных ситуациях посылает сигнал CQ, что означает — "всем, всем, всем". Конечно, не для всех людей на земле так уж важно это сообщение, но все радисты к нему прислушиваются, а среди них те, которым оно очень нужно. Так и в живом организме циркулируют вещества (они называются инкреты), которые из желез внутренней секреции поступают прямо в кровь. Кровь омывает все без исключения органы живого организма и среди них те, которым данный инкрет необходим для развития и правильного функционирования. Теперь рассмотрим передачу сигналов по иному принципу. Можно передать точно адресованное сообщение какому-нибудь органу. В организме этим ведаёт нервная система. Всюду, куда заходят нервные окончания, может прийти импульс из центральной нервной системы, адресованный именно в данную точку организма.

Существует практика точно адресованных сообщений и в человеческом обществе. Когда вы обращаетесь к конкретному собеседнику, пишете письмо, посылаете телеграмму, записку, вы обычно имеете в виду определенного человека. Заметьте: радио, телевидение или, скажем, кино функционируют по иному принципу. Все, кто может услышать радиопередачу, увидеть фильм, посмотреть телевизор, — все могут стать адресатами сообщения. Но не всех оно может заинтересовать, кто-то может посмотреть передачу невнимательно, кто-то переключить телевизор на другую программу, а тот, кому передача интересна и нужна, обязательно досмотрит ее до конца и даже заранее выберет интересующие его материалы по программе.

Вот мы и познакомились с двумя основными типами коммуникации. *Аксиальная*

коммуникация (от латинского "axis" — ось) соединяет тех, кто отправляет и получает точно адресованные сообщения. Ретиальная коммуникация получила свое название от латинского слова "rete" — сеть, невод. Как количество рыбы, попавшей в сеть, зависит от того, куда сеть была заброшена, и от размера ее ячеек, так и количество получателей ретиально направленного сообщения зависит от того, находились ли они в зоне передачи, и от их внимания к содержанию сообщений.

Это деление коммуникации на два основных типа более или менее условно. Тут есть тонкости, но в общем оно достаточно приемлемо.

Наш внутренний мир населен.

В процессе общения человек приучается смотреть на себя глазами другого человека. Ведь если я выражаю свои мысли, я заинтересован в том, чтобы другой человек, мой собеседник, их правильно понял. И я невольно прислушиваюсь к своим словам, а если это постоянный собеседник, то и приучаюсь смотреть на себя его глазами. Постепенно мой внутренний мир оказывается как бы населенным другими людьми. Пусть моего друга-собеседника и нет рядом — я стараюсь выражать свои мысли в той форме, которую он одобрил бы и оценил.

Процесс коммуникации обладает большим социальным значением. Он не безразличен для общества. Общество стремится как-то регулировать этот процесс и в зависимости от его содержания и социального значения пресекать, поощрять, разрешать, иначе говоря, подтверждать своей санкцией его существование. Например, общество дает свою санкцию на существование семьи, обращая внимание на собственно коммуникативную сторону дела. Смена фамилии, совместное проживание — все это факторы, играющие свою коммуникативную роль.

Как мы уже отмечали, общение разворачивается и вне пределов малых групп. Средства массовой информации (их называют также средствами коммуникации) вовлекают в сферу своего действия огромные массы людей. Массовая коммуникация — это сильно технизированная ретиальная коммуникация. Ретиальная коммуникация возможна и в небольших группах людей. Учитель может обращаться к классу, а председатель акционерного общества — к общему собранию акционеров и без помощи каких-либо технических средств. Но чтобы сообщение стало достоянием десятков и сотен тысяч людей, а зачастую и миллионов, для этого требуются технические средства.

Три функции коммуникации.

Первая функция — ~~активационная~~ функция побуждения к действию в определенном ~~направлении~~ направлении. Призыв. Приказ. Де ~~их~~ значение знакомо каждому.

И с раннего возраста знакома другая функция коммуникации — ~~интердиктивная~~ это функция восприятия. Очень важная функция. Первое, что начинает понимать ~~ребенок~~ "нельзя — можно".

Никакого другого понимания в его ~~детской~~ жизни еще не требуется. Но вот когда что-то нельзя делать, это надо запомнить, это надо понять.

Затормозить все возможные варианты действия, кроме одного ~~необходимого~~, главного, — существенное условие продуктивности ~~работы~~. Лишнее не только бесполезно. Лишнее мешает. Как говорил А. А.

Ухтомский, только торможение придает системе тел значение ~~целостности~~. Это поистине "золотое правило". Задумайтесь над этим. А чтобы его легче было понять, рассмотрим простой пример: если бы половинки ножниц соединялись шарниром и могли свободно ~~относительно~~ отношению друг к другу (а проще — "вихляться"), это ~~помогло бы~~ выполнению основной цели, для которой созданы ~~ножницы~~ ножницы. Нет, не помогло, а помешало бы. Ножницы хорошо режут только потому, что их заточенные части движутся и соприкасаются в одной плоскости. Все остальные движения воспрещены.

Активизационная и интердиктивная функции коммуникации ~~связаны~~ очень прочно. Несколько особняком стоит третья ~~из~~ ~~новых~~ функций коммуникации — ~~дестабилизирующая~~. Как заметил Георг Клаус, жизнь людей развивалась так, что человек делал свое дело и вместе с другими людьми, и против других людей. Да, борьба с неизбежностью сопровождала общественно-практическую деятельность людей, и она, борьба, породила особую функцию ~~коммуникации~~.

Когда бойцы идут в атаку с криком "ура", звук голосов не только воодушевляет атакующих, но и вселяет страх в противника. В последнем качестве коммуникация выполняет дестабилизирующую функцию. В быту эту функцию, например, выполняют угрозы и проклятия, которые зачастую дают возможность "отвести душу" таким не слишком достойным способом, а иногда они отвечают еще более низменной цели — оскорбить другого. Вопрос о том, насколько допустимы в личном общении между людьми подобного рода явления, развернутого ответа не требует. Каждому и так ясно, что оскорблять других людей не следует. Тем более не следует и угрожать. Когда человека оскорбляют, когда ему грозят, он с особенной ясностью ощущает, как недопустимы вообще и нехороши подобного рода действия. К сожалению, люди склонны забывать об этих вполне отчетливых ощущениях, иначе дестабилизирующие средства коммуникативного воздействия давно исчезли бы из частной жизни. Пока этого не произошло, но любой из нас может приблизить наступление такого момента. Надо сказать, что еще совсем недавно угрозы и проклятия свидетельствовали отнюдь не только о невыдержанности и плохом воспитании. На них смотрели куда более серьезными глазами — глазами людей, глубоко погруженных в мир веры. Искренней веры.

Нид и сила слов.

И странный это был мир. В нем сила слова (а слово, и правда, обладает огромной силой) становилась чудовищной. Так, древние исландцы считали, что такой громадной силой обладает нид. Когда-то словом "нид" называли отрезанную лошадиную голову, насаженную на жердь. Голова "глядела" в сторону, где жил враг, а на жерди вырезалась магическая надпись в стихотворной форме. Потом уже нидом стали называть просто эти страшные стихи. И они действительно очень сильно действовали на тех, кто в них верил.

В одной из исландских саг действие нида описывается так. Некто Торлейв пострадал от вражды норвежского конунга Хакона, который погубил корабль и товарищей Торлейва. Тот, переодевшись нищим, проник в палаты конунга и попросил разрешения прочесть стихи. Конунг не знал, что перед ним Торлейв — скальд, человек, обладающий сильным поэтическим даром, и разрешил. Торлейв прочел стихи — то был скрытый нид. В палатах, казалось, потемнело, все оружие словно само пришло в движение, падали убитые и раненые. Конунг потерял сознание и долго болел впоследствии¹.

Конечно, это легенда, преисполненная наивной веры в чудодейственную и страшную мощь поэтического слова. Но она заслуживает того, чтобы над ней задуматься. Она говорит нам об эпохе, в которую слова "сильный поэт" понимали не в переносном, а в самом прямом смысле. Тогда в Исландии законодательным образом запрещали сочинять стихи о женщине — считалось, что они могут оказаться "слишком сильными", околдовать ее. Закон этот нарушался. Его не могли не нарушать.

Те времена давно прошли. Но их изучают, и весьма тщательно, не только историки, литературоведы, но и психологи. Свидетельства мощи слова не следует расценивать исключительно как вымысел. При определенных условиях, и прежде всего когда словам собеседника придается жизненно важное значение, слово может оказать на человека такое воздействие, силу которого просто трудно преувеличить.

Возьмем, например, слово врача. По понятным обстоятельствам больной придает слову, жесту, мимике врача особую важность. Тактика общения врача с больным включает в себя незыблемое правило:

¹О замечательной культуре исландского народа прекрасно написано у М. И. Стеблина-Каменского в "Культуре Исландии" (Л., 1967), откуда мы и заимствуем этот эпизод.

"ничего лишнего!" Любой лишний жест может привлечь к себе внимание больного и быть неверно истолкован. Усмешка врача может показаться подавленному, напряженному больному скептической — и вот он уже не верит оценкам врача, ему уже кажется, что врач и сам не верит тому, что говорит. Рассматривая рентгенограмму, врач проворчал себе под нос: "Никуда не годится!". Он говорил сам с собой, он имел в виду качество снимка, а больной вполне мог подумать, что эти невольно вырвавшиеся слова относятся к его состоянию.

его здоровья, и на самом деле начинает чувствовать себя хуже. Есть даже ятрогенные (т.е. внушенные неосторожным словом врача) заболевания. Встречаются они редко, но все же встречаются, и это печальное свидетельство силы слова. Дело в том, что слово бывает сильно и там, где слаба защита от него.

Возможности общения.

Прежде всего желательно, чтобы техника позволила когда-нибудь каждому человеку на Земле вступить в контакт с любым другим человеком вне зависимости от разделяющего их расстояния. Осуществимо ли это технически? Да, даже на современном уровне развития техники. Но лишь в принципе. Соответствующее средство связи уже имеется и достигло высокой степени развития — это радио. Есть уже и технические средства связи — приемники и передатчики, которые могут быть очень малого размера, что весьма важно, поскольку маленькое приемно-передающее устройство человек мог бы всегда носить с собой. Но существуют и тысячи сложностей, затрудняющих реальное осуществление проектов "всеобщей радиосвязи", выдвигавшихся уже в 20-х годах. Эфир и сейчас очень плотно занят передачами самого различного назначения.

Есть свои сложности и с достижением второй важной цели общения, которая заключается в том, чтобы связать каждого человека с центрами обеспечения безопасности. Представьте себе, например, центр охраны здоровья, куда по определенным каналам связи постоянно поступают сведения о температуре, пульсе, кровяном давлении и т.д. каждого прикрепленного к центру человека. Ясно, что для профилактики многих опасных для здоровья и жизни состояний такая форма связи была бы просто бесценной. Возможны и другие системы обеспечения безопасности: автоматическое оповещение противопожарной службы об опасных колебаниях температуры во всех жилых домах, учреждениях и предприятиях или предупреждение всех без исключения граждан об угрозе стихийного бедствия и т.д. Сейчас эту функцию выполняет радио, но радиоприемник может быть и выключен, а аппаратура центров обеспечения безопасности должна быть постоянно действующей и оповещать человека тогда, когда центр считает это необходимым.

Третья цель, быть может, не менее существенна, чем две предыдущие, хотя ее значение осознается не ВСЯМИ и не сразу. Смысл ее в том, чтобы поставить каждого человека в ситуацию оптимального выбора программы. Каждому из нас известна ситуация, когда человек, взяв в руки программу радио и телевидения, отмечает интересные ему передачи. Представим теперь, что он может выбирать не из пяти или десяти программ, а из пятидесяти или даже ста. Первое ощущение: это необычайно много. Но выбирая книгу в библиотеке, вы осуществляете оптимальный выбор, просмотрев сто, а то и больше названий. Возможно ли нечто подобное для телезрителя? Да, возможно, но при двух существенных условиях.

Во-первых, должна измениться сама техника телепередач. Вполне допустимо, что для этой цели будут применены оптические и кабельные средства, с помощью которых возможна одновременная передача значительного количества программ. Во-вторых, должны измениться и сами программы, и средства их приема. В этом отношении очень многое обещает развитие голографии с ее необычайной яркостью и чистотой тонов стереоскопического изображения.

Но все же выбор между подобными программами будет зависеть от главного — от их содержания.

Глубина содержания и разнообразие форм сами по себе предъявляют немалые требования к внутреннему миру слушателей и зрителей. Ситуация оптимального выбора предусматривает еще одну исключительно интересную возможность — выбор книги. С развитием многопрограммной техники передач каждый телезритель сможет просто увидеть перед собой какую угодно страницу из любой хранящейся в библиотеке книги. Телепередача, таким образом, создает новые возможности для чтения.

Следующая, четвертая, цель развития общения многократно описана в научно-фантастических романах. Это — установление двусторонней связи с инопланетными цивилизациями. По всей видимости, подобного рода связь гораздо более вероятна, нежели

непосредственный контакт с представителями иных цивилизованных миров. Расстояние до них, надо думать, чрезвычайно велико, и с ними легче осуществить информационную связь. В чем это может выразиться? В том, например, что мы получим адресованное именно нам сообщение (что наименее вероятно). В том, что будет услышано сообщение, адресованное некоторому множеству цивилизованных миров. И наконец в том, что мы перехватим сообщение, адресованное одним цивилизованным миром другому. Этот вариант представляет особый интерес.

Есть немало доводов в поддержку остроумной гипотезы, согласно которой мы не получаем никаких сообщений от иных миров просто потому, что их много и они заняты общением друг с другом, а Земля — "маленькая, замерзшая с двух концов скорлупка", затерянная где-то в галактических далях,— их мало интересует. Есть и противоположное мнение.

Разделяющие его утверждают, что жизнь и человеческая цивилизация — явления в космосе едва ли не уникальные, и в нашей Галактике равноценного нам партнера для общения может даже и не быть.

Прогнозов тут хватает — и оптимистических, и пессимистических. Одно можно сказать с уверенностью: интерес к исследованиям в этой области не угаснет никогда. Человек узнаёт о том, кто он, и что собой представляет, из общения с себе подобными. Поэтому он всегда будет их искать.

Но вернемся из космических далей на землю и спросим себя — что дает общение, какие плоды оно приносит нашей практической жизни?

Во-первых, в общении налаживается совместная деятельность людей. Ее уровень эффективности повышается.

Во-вторых, в процессе общения происходит известное сближение его участников. Растет взаимное доверие, складывается определенное мнение друг о друге, формируются связывающие людей отношения.

Третьим существенным результатом общения является так называемый клиринг (от английского слова "clearing"). В чем он заключается? Его суть состоит именно в том, что в итоге общения проясняются вопросы, ранее казавшиеся запутанными. И не только потому, что участники общения узнают что-то новое, хотя это тоже очень важно. Тут играет роль еще и то, что общение будит мысль. В живой дискуссии приходят в голову и новые соображения и вообще сам ход размышлений становится иным. История науки, техники, общественной жизни знает немало идей, зародившихся в процессе общения.

Функции общения.

Общение выполняет несколько функций, причем подразделение их в известной мере условно, нередко они взаимодействуют, взаимно проникают друг в друга. Иначе говоря, общение полифункционально. Различают четыре основные функции общения: инструментальную, синдикативную, функцию самовыражения и трансляционную.

Сочетаясь, они придают процессам общения конкретную специфику.

Прежде всего общение обладает необходимой для личности *инструментальной* функцией. Это основная рабочая функция общения, заключающаяся в передаче информации, существенной для исполнения действия. Планирование производственных операций,— процесс совместного труда, распределение продуктов производства — все это предполагает координацию актов деятельности путем общения.

Близка, но не тождественна инструментальной функция объединения — *синдикативная*.

Многие акты общения имеют своей непосредственной целью выявление и укрепление общности между людьми в рамках больших и малых групп. Бесспорно, объединение — не самоцель, оно происходит на определенной основе и представляет собой процесс, ориентированный на решение социальных задач. Но объединение личностей уже само по себе социально существенно как необходимая предпосылка для решения разнообразных задач. Создание организаций с различной структурой, различающихся по степени сплоченности, представляет собой проявление выраженной синдикативной значимости общения.

В этой связи нельзя не упомянуть и о "фатическом общении" (по терминологии Бронислава Малиновского), сущность которого именно в том, чтобы социально обозначить общность, хотя бы временно возникшую. Когда присутствующие на спортивных состязаниях во всеуслышание выражают свое отношение к успехам и неудачам команд, они обращаются не только к спортсменам, но и друг к другу. Отнюдь не только для психологии спорта важен факт объединения людей, в большинстве своем далеких от непосредственного участия в играх. И с психологической точки зрения представляет большой интерес феномен искреннего увлечения формами деятельности, которые, строго говоря, могут служить лишь предметом общения, не будучи реально доступными для тех, кто их наблюдает.

Для историко-психологического рассмотрения синдикативной функции общения любопытным объектом могут служить византийские димы — своеобразные политические организации, возникшие как объединения, выражаясь современным языком, "болельщиков" константинопольского ипподрома. Знаменитое в истории Византии восстание 532 года отнюдь не случайно началось на ипподроме, где произошел "самый удивительный диалог между народом и императором, какой знает история"¹. Разговор между императором и руководителем дима "зеленых" "велся через императорского глашатая: за ним, то затаив дыхание, то взрываясь от негодования, следили тысячи зрителей, заполнивших ипподром"². Как много говорят такие исторические свидетельства о своеобразии личностных форм, в которые способна облечься коммуникативная актуализация общественных отношений: византийский император смотрел те же состязания, что и константинопольские ремесленники, — зрелища создают иллюзорный эффект отсутствия социальных перегородок и различий между зрителями. И этот эффект, недолговечный и парадоксальный, породил дискуссию, которая имела столь грозные политические последствия. Вещал глашатай, транслятор официальных высказываний главы государства, и в ответ гремели голоса тысяч людей, сплоченных общими интересами, а не спортивным азартом. Поляризация социальных сил обозначила себя в

¹ История Византии — Т. 1. — М., 1967. — С. 287.

² Петросян Ю. А., Юсупов А. Р. Город на двух континентах. — М., 1977. — С. 56.

процессе общения со всей резкостью. Быть может, простое желание отвлечься от каждодневных тягот некогда привело рядового участника этих исторических событий на скамьи ипподрома, но именно здесь он с течением времени ощутил, что причастен к той надличной силе, которая свойственна группе. И эта сила в обстановке острых социальных противоречий не могла не проявить себя как сила именно социальная.

Синдикативной функции родственна функция *самовыражения*. Самовыражение по самой своей сущности ориентировано на взаимопонимание, на контакт. Как тонко заметил Г. Клейст, человек трагической судьбы и большой писатель, "странный источник вдохновения для говорящего — человеческое лицо перед ним: и часто всего лишь один взгляд, указывающий нам, что наша наполовину выраженная мысль уже понята, дает нам возможность выразить всю другую ее половину"¹. Особую роль играет самовыражение в творческой деятельности, продукт которой социально значим постольку, поскольку он становится предметом общения между людьми.

И наконец, важнейшее значение имеет *трансляционная* функция общения — функция передачи конкретных способов деятельности, оценочных критериев и программ. Эта функция лежит в основе обучения: через общение и происходит обучение личности, как институциональное, санкционированное и организованное государством, так и собственно индивидуальное, неформальное, происходящее в процессе повторяющихся контактов с людьми, способными передавать данному лицу свои знания и навыки.

Конечно, этими четырьмя функциями значение общения для личности никак не исчерпывается, более того, и деление их до определенной степени условно.

Полифункциональная природа общения конкретизируется в особого рода субординации системы одновременно существующих функций. Так, общение учителя с учениками

инструментально, ибо имеет целью координацию совместных действий в учебном процессе. Естественно, что при этом общение выполняет главным образом трансляционную функцию. Но не менее естественно, что для настоящего педагога общение с учащимися — всегда самовыражение, и слушатели это чувствуют и ценят.

Есть и второстепенные функции общения — такие, которые возникают и исчезают с возрастом. Так, для детей характерна реализация формирующейся личности в ролевых играх, с речевой персонализацией. Заметим в связи с этим, что присущая ребенку способность представлять себя кем-то во время игры, принять на себя чью-то роль является одновременно и особой формой общения, которая фактически

¹Клейст Г. О том, как постепенно составляется мысль, когда говоришь // Избранное.— М., 1977.— С. 504.

не проявляет себя с достижением социальной зрелости и завершением ранних этапов формирования личности

Особого внимания исследователя заслуживает дифференциация коммуникативных и мнемонических, т.е. связанных с памятью, факторов, от которых зависит континуальность человеческого "я", иначе говоря, сохранность личности¹. Как таковая континуальность личностного бытия никаких сомнений, естественно, вызывать не может, ибо личность сама по себе есть нечто, существующее во времени, меняющееся, иногда чрезвычайно резко и глубоко, но продолжающее быть собою, именно данной личностью, а не какой-либо иной.

Вполне естественно, что роль основного средства, гарантирующего континуальность конкретного человеческого "я", выполняет человеческая память: она сохраняет все, что необходимо для продолжения личной индивидуальности во времени. Если рассматривать "я" как связующий центр осознаваемых свойств и состояния личности, то фактором, поддерживающим стабильность и конкретные изменения "я", следует считать общение. Именно общение позволяет человеку осознать свою личную индивидуальность, познать самого себя. Зеркало, в которое смотрится человеческое "я", находится вне его самого. То, что поэт В. Ходасевич назвал "говорящим правду стеклом", — в данном случае другие люди. Люди обладают особенностями, объединяющими их в большие группы по национальным, классовым, социально-культурным, возрастным и прочим признакам. И конечно, эти особенности влияют на общение (сравните, как веселятся и спорят подростки и как степенно беседуют пожилые люди). Более того, они влияют и на понимание явлений культуры. "Вероятно, никто не думает, — замечал А. Герцен, — что Англия времени Елизаветы, особенно большинство народа, понимала отчетливо Шекспира: она и теперь не понимает отчетливо, да ведь они и себя не понимают отчетливо. Но что англичанин, ходящий в театр, инстинктивно, по сочувствию понимает Шекспира, в этом я не сомневаюсь. Ему на ту минуту, когда он слушает, становится что-то знакомое, яснее"².

Конечно, гений Шекспира принадлежит всему человечеству, но именно в той мере и потому, что воздействие его на сознание зрителя (иной эпохи, иных социальных условий, иного народа, наконец) нераздельно с пониманием жизни, и это знал тот, кто воссоздал его творения по-русски. Борис Пастернак говорил: "Зритель сейчас обрел более ясное понимание жизни, и тут важно, хватит ли у нас таланта и прозорливости дать зрителю то, что он смутно желает". И еще:

¹Сохранность личности — одна из определяющих констант нормы человеческой психики, и недаром видный украинский психиатр П. П. Ющенко предлагал заменить термин "психически больной" на "личнобольной".

²Герцен А. Былое и думы.—Т. 1. Ч. IV.—М., 1931.—С. 343.

"Зритель смеется и плачет в зрительном зале не оттого, что ему грустно или весело, а оттого, что путь к нему найден верно"¹.

Умение "найти путь" к зрителю означает по существу дела умение воздействовать на его

мысли и чувства, вызывать определенные переживания, неявно или прямо влияя на формирование у него определенных убеждений.

Издревле речевому общению и неразъемному с ним устному коммуникативному воздействию придавалось очень большое значение. Даже слово "внушение" имеет общую коренную основу со словом "ухо", "ушко". И в цивилизациях, которые уже обладали развитой письменностью, роль непосредственного речевого воздействия считалась очень большой. "Слова предназначены для ушей, внушают через ухо. Отец, наклонившись к правому уху новорожденного сына, трижды произносит "речь, речь, речь!" (Брихадараньяка упанишада. VI. 4. 25) ...Но посмотри, как симметрично расположены уши, У тебя в голове как бы имеется сквозное отверстие, и поэтому часто слова "в одно ухо входят, в другое выходят"... однако надо, чтобы слова застревали внутри. А чтобы внутрь не попадали дурные вещи, уши следует оберегать. Ведь туда могут забраться... дурные слова, и поэтому "у девки уши золотом завешаны", не слышит непристойных речей"². Вот, оказывается, откуда взялся обычай носить серьги. Но ему тысячи лет, а нас больше интересуют проблемы нынешнего дня.

¹Цит. по: Целиковская Л. Жизнь одаривает встречами // Советский экран.— 1980.—№3.—С. 15.

² Абрамян Л. А. Беседы у дерева (этнографические заметки) // Обычаи и культурно-дифференцирующие традиции у народов мира.— М., 1979.— С. 78—79.

Сфера информационного воздействия.

Сфера информационного воздействия, раз уж коснулись этого вопроса, шире речевого общения: она охватывает все стороны жизни групп.

Возьмем, например, военную форму, руку, вскинутую под козырек, всю сложную символику армейской и флотской жизни. Как член организованной группы индивид должен находиться в соответствующем знаковом (или символическом) окружении. Если данная группа специализирована относительно целей и характера коммуникации, специализируются и символические формы, ее сопровождающие. Так, особой сложностью отличается символическое оружие, соответствующее религиозному культу.

Для коммуникации характерны два типа представления информации — линейный и фенестрационный (от лат. fenestra — "окно"). Знаки, следующие один за другим, представляют информацию линейно (типичный пример — человеческая речь). Знаки, сгруппированные так, чтобы их смысловое восприятие было по возможности одновременным, единым, представляют информацию в ином, фенестрационном, виде (эмблема, герб, орден, дорожный знак). Обычно эти типы представления информации взаимно дополняют друг друга.

Обратите внимание на то, что люди окружены знаками с детских лет и до завершения жизненного пути. Сфера их возможного воздействия на людей называется силовым полем знаков.

Различают два типа силового поля знаков — локальное и генерализованное. Локальное силовое поле создается в данных конкретных точках пространства с тем, чтобы стабилизировать коммуникативную ситуацию в соответствии с эталоном. Вспомните, например, о знаках уличного движения, лозунгах, транспарантах, плакатах, вывесках. Генерализованное силовое поле создается в результате работы центральной направляющей системы. Для него характерно реплицирование, т.е. воспроизведение по образцу определенного набора знаков. Радио, телевидение, пресса — все они суть средства организации генерализованного знакового поля. От печатной машины, от телестудии, от микрофонов идут к конкретным людям идентичные сообщения и изображения.

Если локальное поле создается в местах возможного сосредоточения коммуникантов, то генерализованное является распределенным, иными словами, основное сообщение как бы повторяется для каждого коммуниканта, подводится к нему по каналу передачи.

Хронотоп

Ситуация, в которой осуществляется коммуникативное воздействие, определяется набором пространственных и временных констант. Типические сочетания таких констант могут быть системно охарактеризованы как *хронотопы*¹. Хронотоп дороги, например, отличается тем, что коммуникация происходит внутри малых групп, которые объединены временно доминирующей установкой — достичь цели передвижения. В рамках хронотопа дороги возникают новые информационные контакты. Люди, допустим, в поезде вступают в межличностные отношения, менее вероятные в иных обстоятельствах, скажем, при стабилизированном круге общения в небольшом городке (хронотоп маленького города, типичного для "одноэтажной Америки" 20—30-х годов, детально описан в работах американских социологов — супругов Линд).

Известна коммуникативная специфика хронотопа больничной палаты, где доминирующие установки (острое желание излечиться, надежды, сомнения, тоска по дому) накладывают специфический отпечаток на предмет общения. Особого рода коммуникативные регулирующие

¹ Термин "хронотоп" (греч.) — "время — пространство" — употребляется в различных отраслях знания. М. Бахтин определяет его как слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом (см.: *Бахтин М.* Время и пространство в романе // Вопросы литературы. — 1974, — № 3. — С. 134).

факторы характеризуют хронотоп траншеи, или, шире говоря, передовой позиции: здесь эффективность воздействия речевых сообщений на поведение выявляется в экстремальных ситуациях и достигает максимума. Исполнение боевых приказов становится фактором, от которого зависит не только регуляция деятельности, но и самое существование групп и членов групп. Разработка хронотопической классификации коммуникативных ситуаций имеет большое значение для прогнозирования результатов воздействия на личность и группу. Эта работа ведется, но пока еще не закончена.

Вообще воздействие на психику человека связано с динамикой его потребностей и сил. Психика человека как бы нацелена на изменение окружающего мира через посредство сущностных сил, физических и умственных, а конкретные потребности есть частное выражение этой фундаментальной тенденции.

Потребности могут рассматриваться как совокупность факторов, способствующих коммуникации. Именно существование потребностей учитывается в практике коммуникативного воздействия.

"Испытывать потребность — это, в сущности, значит ощущать нехватку чего-либо, которую пытаются восполнить, а это как раз и определяет некоторое побуждение, управляющее поведением животного или человека"¹. Обращение к побуждениям индивида, обусловленным его потребностями и установками, составляет важное условие коммуникативного воздействия на его поведение. Это обстоятельство давно установлено эмпирически и используется для повышения эффективности воздействия.

Так, можно ориентировать сообщение на преодоление возникшего барьера общения или, как еще говорят, на пробой барьера в тех точках, где он наименее прочен (там, где та или иная потребность обострена, барьер как бы "прогибается изнутри", становится тоньше). Существуют способы пробить барьер "снаружи". И простейший из них состоит в намеренном изменении интенсивности сигнала. Это относится к человеческой речи. Известна, например, особая вокализация военных команд, впрочем, и простое понижение голоса иногда дает поразительные по эффективности результаты. По словам Поля Рейно, премьера Франции в дни германского вторжения 1940 г., "люди верят любой нелепости, если ее сообщают шепотом". Это, разумеется, преувеличение, но абсурдным его назвать нельзя.

А вот более сложный пример образования бреши в барьере.

У тренера недобор девушек в секции по фехтованию. У девушек другие интересы, они не представляют себя в маске и с рапирой, кроме того, занятие это утомительное и отнимает время по вечерам.

' Пьерон А. Потребности // Экспериментальная психология / Под ред. П. Фресса и Ж. Пиаже. — М., 1970.— С. 147.

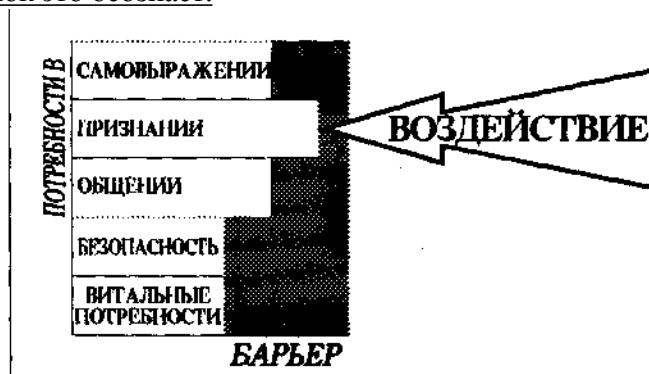
Что же делает тренер? Он приходит в аудиторию, где сидят первокурсники, в сопровождении самой стройкой фехтовальщицы, поднимается на кафедру и сообщает: "Фехтование — это совершенно особый вид спорта. Он полностью меняет движения и фигуру человека. Через четыре месяца на вас будут смотреть совершенно другими глазами". Жест в сторону молча стоящей рядом фехтовальщицы: "Запись у нашей разрядницы с двух часов". К вечеру задача решена.

Это, разумеется, частный случай, но он показывает значение ориентации на потребности для коммуникативной практики.

В процессе воздействия на индивида и группу следует учитывать конкретные модели регуляции деятельности.

Заслуживает внимания предположение, что условием эффективной регуляции деятельности служит психостазис, или определенное соответствие между 1) осознанием и реализацией возможностей деятельности и 2) осознанием конкретных результатов деятельности и ее последствий для индивида и группы, к которой он принадлежит. Тем самым речь идет о симметрии между реализацией возможностей и ответственностью: симметрия устанавливается посредством процесса понимания.

Естественно, что в детском возрасте перебор возможностей очень велик (поэтому дети так часто предпочитают ролевые игры). Что же касается ответственности, то она лишь в малой степени носит личный характер: это распределенная ответственность (родители, школа), и ребенок это осознает.

Это должно заинтересовать тех, кто занимается проблемами рекламы. Рекламное (и вообще убеждающее) воздействие должно быть нацелено туда, где критический барьер тоньше. А он тоньше там, где потребность острее. Эта схема иллюстрирует историю о том, как студенток зазывали в секцию по фехтованию.

С течением времени количество личных и социальных возможностей уменьшается, а вероятность реализации отдельных возможностей возрастает. Ответственность непосредственно связана именно с реализуемыми возможностями.

Поясним это на простых примерах.

Третьеклассники играют в космонавтов, моряков, разведчиков. Однажды я видел просто мастерски разыгранную сцену дуэли (то ли "Пушкин с Дантесом", то ли "Печорин с Грушницким"). Кто на самом деле знает, кем станет девятилетний мальчик, что стоит передо мной, — космонавтом, шофером, артистом? Но мы твердо знаем, что через двадцать лет спектр его возможностей сузится, хотя вероятность реализации их возрастет. Предположим, в 29 лет — он подполковник, тогда его шансы стать генералом высоки, а, скажем, профессиональным актером — низки.

Итак, если задача воздействия на человека состоит в том, чтобы изменить его деятельность, то оно должно быть направлено на ту ось, которая соединяет возможности человека и ответственность за их реализацию, — на понимание. Иначе говоря, если мы хотим активизировать деятельность человека, мы должны добиться того, чтобы он понял ее смысл, оценил ее перспективы. Тогда он возьмет на себя смелость действовать и примет на себя ответственность за ожидаемые результаты.

Широкая картина социальных перспектив, тонкий анализ реальных человеческих возможностей — все это может быть ярко освещено в текстах. И это могут быть не обязательно научные тексты. Чтение Достоевского влияло на мысли Эйнштейна больше, чем знакомство с иными научными трудами. Художественная литература — едва ли не важнейший предмет понимания, способный серьезно повлиять на внутренний мир человека.

Личность как участник общения.

Четыре позиции, в которых предстает личность условно именуются «тело» (1), «внутри» (2). «извне» (3) «издалека» (4). Первая позиция — это личность со всеми ее телесными особенностями. "Телесный" надо понимать в широком смысле — это и красота (которая может сыграть решающую роль в молодые годы), это и инфаркт миокарда (который может сыграть решающую роль несколько позже), это вообще все физическое. Тогда как вторая позиция — это духовное. Это наше сознание и подсознательное, наше "я", неразрывное с "телом", но отличное от него. Третья позиция — это личность, какой она предстает перед другими людьми. Это "другой", каким вы его видите, слышите, это вы сами, каким вас видит и слышит "другой". Сами себя вы таким не слышите и не видите. Если вы записывались на магнитофон, то не забыли еще, каким чужим показался вам собственный голос при первом прослушивании. А в зеркале правая половина вашего лица кажется левой (разница на самом деле существенная).

"Художникам и фотографам давно известно, что лицо человека метрично, в результате чего левая и правая сторона нашего лица могут отражать эмоции по-разному. Объясняют это тем, что левая и правая стороны лица находятся под контролем различных полушарий мозга. Правое полушарие управляет эмоциями, воображением и сенсорной деятельностью. Связи управления перекрещиваются так, что работа доминирующего левого полушария отражается на правой стороне лица и придает ей выражение, поддающееся большему контролю. Поскольку работа правого полушария мозга отражается на левой стороне лица, то на ней труднее скрыть чувства. Положительные эмоции отражаются более или менее равномерно на обеих сторонах лица, отрицательные эмоции более отчетливо выражены на левой стороне. Однако оба полушария мозга функционируют совместно, поэтому описанные различия касаются нюансов выражения. Особенно экспрессивны губы человека. Всем известно, что плотно сжатые губы отражают глубокую задумчивость, изогнутые — сомнение или сарказм. Улыбка, как правило, выражает дружелюбие, потребность в одобрении. В то же самое время улыбка как элемент мимики и поведения зависит от региональных и культурных различий. И наконец, четвертая позиция — это личность в динамике, то есть какой она была раньше и какова она теперь — это личность в процессе становления. Такой, например, видит профессор личности свое

студентов, своих аспирантов, словом — учеников.

¹ Амеатер II. Я. Я вас слушаю, — М., 1988, — С. 67. 104

Человек и другие люди.

Успехи в области математических наук и наук гуманитарных свидетельствуют об определенном уровне развития интеллекта, но отнюдь не обязательно о любви к ближнему, верности, чувстве чести и благородства души. Одним словом, интеллект и даже творческий дар — это ~~дело~~, что следует ценить в человеке. Но у общества свои критерии, венчает премиями и прочими наградами достижения в несколько иной сфере, нежели человеческие отношения. Между тем для ~~личности~~ эти отношения значат очень многое. Да, есть в глубине души и то, что человек ценит превыше иного. Как сказано у одного современного мыслителя, есть вещи, знать которые важнее, например, электрон, космос и правописание. Есть вещи, которые важнее, чем знать, например, Родина, Бог, полуоткрытые девичьи губы и уже зажмуренные глаза. И верно. Отсюда, ясное дело, не следует, что знание заслуживает какого-либо пренебрежения. Просто у него есть свое место в сознании личности. Как и у любви.

Любовь составляет важнейшую сторону межличностных отношений и один из базисных элементов общения между людьми. Как и всякое чувство, любовь — не самый подходящий предмет для рационального анализа и классификации. Заметим лишь, что издавна различают чувство нисходящее (*amor descendens*) — таково, например, чувство отца к сыну, чувство восходящее (*amor ascendens*) — чувство детей к родителям, и взаимное (*amor aequalis*) — оно традиционно считается высшей формой отношения между мужчиной и женщиной.

Психологи, однако, показали, что все это лишь стороны одного чувства, которые выступают на передний план (или уходят вглубь) в различных семейных и внесемейных обстоятельствах. Значение этого чувства и соответствующих ему форм общения настолько велико для индивида, что среди воспоминаний оно зачастую занимает доминирующее место. И объясняется это не просто силой прошлых переживаний — как раз многое из пережитого бывает вытеснено, не вспоминается.

Ряд видных психологов располагает многочисленными экспериментальными подтверждениями гипотезы, согласно которой память — это механизм, выбирающий из прошлого то, что так или иначе может "сработать" в будущем: предвидимое (и не обязательно осознанно предвидимое) будущее как бы управляет сохранением того, что может пригодиться в достаточно вероятных обстоятельствах. При этом не так уж просто объяснить, зачем необходимы воспоминания именно этого рода — о любви. По всей видимости, они играют какую-то роль в сохранности личности, в том, чтобы человек мог оставаться самим собой в непростых, как сейчас принято выражаться, обстоятельствах.

Конечно, одних воспоминаний для этого мало: необходимы и внутренняя убежденность, и общение с другими людьми.

Важность общения не только в том, что обмен информацией есть необходимое условие совместной деятельности. Уже возможность обмена информацией нужна для того, чтобы личность существовала. А эта возможность не сводится просто к знанию родного языка: она имеет место в том случае, когда носитель родного языка обладает и соответствующим языковым окружением, когда ему есть с кем общаться.

Общение, само собой разумеется, включает в себя передачу информации. Если обратиться к самой сущности процессов общения, то может привлечь внимание такое определение: общение — это отношение людей к действительности, выраженное через передачу информации от человека к человеку.

Основное условие психологической эффективности общения заключается в том, что его участники должны быть убеждены, что ~~говорят~~ и слышат (или пишут и читают) правду. Это убеждение естественно сопряжено с критическим отношением ко лжи.

Ложь.

Что же собой представляет ложь? Это феномен общения, состоящий в намеренном искажении

действительного положения вещей. Ложь чаще всего находит выражение в содержании речевых сообщений, немедленная проверка которых затруднительна или невозможна. В отличие от добросовестного заблуждения ложь представляет собой осознанный продукт речевой деятельности, имеющей целью ввести участников общения в заблуждение. Как правило, ложь вызвана стремлением добиться личных или социальных преимуществ в конкретных ситуациях. Характерно, что индивид неосознанно расценивает свою ложь как нечто неустойчивое и временное: отсюда интенция первоначально измышлять новые подтверждения лжи, а позже — полностью ее замалчивать. Если социально-психологически ложь всегда является средством, то в сфере психопатологии она выступает как цель мифоманов — психопатов, испытывающих чувство удовлетворения от самого процесса введения окружающих в заблуждение.

Мне, как и вам, приходилось сталкиваться с так называемой "ложью во спасение" и, признаюсь с полной откровенностью, я не в силах осудить ее столь безоговорочно, как это делают некоторые публицисты. Конечно же, о жестокости правды чаще всего говорят те, кто не испытал жестокости лжи. Но я не принимаю точки зрения медика, отстаивающего необходимость сообщить больному о том, что его дни сочтены ("чтобы он успел принять правильные решения") и тем самым лишить его надежды, обращая его действительно последние дни в пытку, которую закон не предусматривает даже для приговоренных к смерти. Нельзя не задумываться и над словами, возвышающим нас обмане — применительно к жизни и деятельности выдающихся исторических лиц, которые невольно, уже самой силой общественного мнения обращаются в символы достижения своей родины, народа, а то и всего рода человеческого.

Тут все очень сложно. Но это уже выходит за рамки избранной темы.

Ложь, как видите, — это понятие, чей объем выходит далеко за рамки межличностных отношений. Нередко обвинения во лжи в вуалированной или прямой форме слышатся в острой полемике. И касается, в частности, обсуждения вопросов, имеющих идеологический характер, вопросов, чья специфика порождена самой структурой общества, его организацией.

Принцип иерархически организованного общества прост: если ты не наверху, ты внизу. Идеология отражает действительность, выражая и концентрируя интересы людей, этой действительностью порожденные. Печали и чаяния тех, кто внизу, гордыня и лицемерие тех, кто наверху, — все это обретает идеологическую форму. Идеология сродни пониманию и вне понимания не существует. Но глубина и полнота понимания идеологических проблем зависит от перспективы реализации классовых интересов, которые эта идеология выражает. Бывает и так, что эта перспектива давит на понимание, искажает его. Идеология дает оценки, образно говоря, "наклеивает этикетки", но это тот случай, когда Маркс прав: этикетка на товаре обманывает и самого продавца. Мы склонны отождествлять действительность (то есть то, что есть на самом деле) с тем, как она отражена в сознании. И вот отраженная действительность становится кривым зеркалом наших мыслей. Так что не всегда надо спешить с обвинениями во лжи. Бывает, что в дискуссиях заблуждаются обе стороны, как бывает, что и в конфликте участвуют не хищник и жертва, а два хищника, которые становятся жертвами друг друга.

Диалог.

"Что такое человек, раз он может понять мир? И что такое мир, раз человек может его понять?"¹, — спрашивает Стивен Тулмин. На этот вопрос могут ответить только наука, искусство и личный опыт, вместе взятые. И полным ответ никогда не будет. Но сама постановка вопроса напоминает нам, что в первооснове своей проблема понимания — философская. И она, безусловно, связана с учением Сократа о том, как вопрошать и отвечать, с наукой понимать собеседника и предмет обсуждения. Продуктивное обсуждение есть в основе своей достаточно точная постановка вопросов и совместный поиск достаточно полных правильных ответов. Отнюдь не случайна диалогическая форма многих классических трудов, в которых обсуждаются философские и методологически значимые естественнонаучные проблемы. Эта форма не только впечатляюще воздействует на читателя — она способствует углубленному пониманию сущности поставленных проблем.

Диалог — это не только вопросы и поиск ответов, не только обмен репликами, но и те, кто в

этом диалоге участвуют, это поистине текст в лицах. Но даже если отвлечься от собственно диалогической формы изложения — разве не присутствует она в скрытом, свернутом виде в пестрящих цитатами текстах? Разве полемика и обращение к авторитету — две необходимые особенности философских трудов — не модификация диалога?

А каждодневное общение людей, в котором реализуется огромной силы витальный потенциал обыденного сознания? В нем сосредоточены и переплетены все уже известные вам восемь экзистенциальных

' *Тулмин С.* Человеческое понимание.— М., 1984.— С. 31.

благ, которые не могут быть отлучены от человеческого существования: жизнь, надежда, любовь, дети, милосердие, удача, воспоминания и сны. Этим тем не может обойти общение с близкими (и не только с близкими) людьми.

Круг общения.

Нельзя сказать, чтобы индивид не стремился к общению. Он испытывает это стремление, когда оно разбужено. Человек испытывает потребность в коммуникаторе — в том, кто с ним общался бы. И только когда эта потребность реализована, он пробует войти в роль коммуникатора сам. Это самым тесным образом связано с тем, что язык ребенок усваивает в общении с родителями и образ этих первых коммуникаторов продолжает жить в его подсознании и порождает не всегда осознанную потребность в строгом и мудром Отце. И всепрощающей любящей Матери. И обычно это ему удается. Но тот, кто ощутил в себе призвание коммуникатора, не может с ним расстаться. Не случайно профессия политика и актера были совмещены в президенте Рональде Рейгане.

Само собой разумеется, что массы бывают увлечены не столько коммуникатором, сколько тем, о чем он говорит, предметом общения становится его идея. Но какова бы ни была сила этих идей, сами по себе они достоянием масс стать не могут. Требуется коммуникативная направляющая система. Она отнюдь не всегда технизирована. Это может быть серия встреч, митингов, выступления в законодательных органах. Практика общественных движений, охватывающих широкие слои населения, свидетельствует, что рассредоточенная группа коммуникаторов способна за поразительно короткий срок добиться заметных сдвигов в сознании и деятельности масс. И тем не менее только печатный орган способен распространять информацию и идеи, сохраняя неизменно точную форму их первоначального выражения. (Впрочем, газета газете рознь. Самое широкое поле искажений и пристрастных комментариев — также газетная полоса). Тем самым формулировки ведущего коммуникатора или ведущей группы приобретают необходимую устойчивость в процессе трансляции. Понимание текстов и трансляция их смысла оказывают значительное влияние на возникновение и развитие духовной общности между людьми.

Сторонники так называемого целевого подхода считают, что коммуникатор всегда руководствуется целью определенным образом воздействовать на участников общения. Даже естественное желание добиться того, чтобы текст был понятен, уже предполагает в неявной форме воздействие текста на тех, кто его понимает. Практически тексты всегда ориентированы на определенные категории читателей, установка же на воздействие, в какой бы форме она ни осознавалась коммуникатором, не является только его личным делом. Коммуникаторы лишь трансформируют определенную потребность, которая существует социально, и отвечают на эту потребность своей деятельностью. При этом вовсе не обязательно, чтобы установки коммуникатора возникли как простая интериоризация установок, доминирующих в группе, которую он представляет. Когда речь идет о средствах массовой коммуникации, следует иметь в виду, что направляющая коммуникативная система (радио, телевидение) задает установки среди относительно широкого круга лиц. Часть из них, обладая определенным авторитетом, выступает в качестве так называемых лидеров мнения.

Численность населения планеты в настоящее время далеко зашла за пятимиллиардную отметку. Уже возникло заметное расхождение между распространением грамотности и динамикой развития средств массовой коммуникации: многие люди, лишенные задатков образования, являются не только радиослушателями, но и телезрителями. Практически

каждый телевизионный экран работает не менее чем для двух человек, и общий объем времени, которое занимает у населения Земли коммуникация (личное общение, чтение книг, газет и журналов, просмотр телепередач, радиослушание), вполне сравним с общим объемом трудового времени. У современных ученых растет убеждение, что неотъемлемой частью ноосферы (в терминологии В. И. Вернадского) должна явиться инфосфера, мировая информационная структура, контуры которой ныне становятся все более четкими. Мы даже и не подозреваем, каковы могут быть перспективы ее развития.

Так человек неизвестный все ближе и ближе
поворачивает к вам голову и, наконец, смотрит в глаза.
Я смотрю теперь в глаза тексту.

В. М. Алексеев

В этой главе рассматриваются узловые проблемы понимания текстов. Мне хотелось бы, чтобы читатель ознакомился с подходом к проблеме понимания, который обосновали французские философы экзистенциального направления. Имена таких философов, как Сартр и Камю, войдут, конечно, в историю. Не только потому, что они писали смелые и умные книги, и писали блестяще. Нет, не только поэтому. Но еще и потому, что и жизнь их отразила извилистые пути мышления XX века. Ну и что же, что извилистые? Нить Ариадны тоже была извилистой, а Тезея она вывела из Лабиринта.

Что это значит – понимать?

Как справедливо отмечает Р. Р. Москвина, "экзистенциальный" подход "заключает в себе вообще не проблему поиска научной истины, а проблему "понимания" мира. Понять мир для Камю — это значит свести его к человеку, оставить на нем человеческий отпечаток". Мысль о том, что мир может быть понят только через посредство неповторимо конкретного индивидуального опыта, имеет сложный генезис. Еще в средневековье сложились легенды о текстах, которые могут быть поняты лишь через посредство личных переживаний и на их основе. Так, существовала якобы книга, которую мог понять лишь тот, кто убил человека и зачал человека. Для любого же иного читателя эта книга превращалась в бессвязный набор иероглифов. Если исключить очевидные преувеличения, то смысл этой притчи сводится к

¹ Москвина Р. Р. "Метод абсурда" А. Камю как феномен неклассического философствования // Вопросы философии.— 1974.— № 10.— С. 142.

тому, что глубина понимания мира определяется глубиной личных переживаний. Существует иная точка зрения, согласно которой понимание определяется только как реализация интеллектуальных возможностей индивида. Рассматривая понимание под этим углом зрения, можно выделить ряд важнейших его компонентов. Однако при этом на периферию поля зрения исследователя смещается целостный характер понимания как специфического процесса, регулирующего целенаправленную деятельность и в силу этого обладающего определенной социальной значимостью.

Каждому из нас из неопровержимого личного опыта известно, что понимание существует и как *процесс*, и как переживаемый индивидом его *итог*. Но при определении сущности понимания психолог встречается с большими затруднениями. Они, как можно предположить, зависят от того, что понимание — это явление, исключительное по сложности и многообразное по наблюдаемым следствиям. В XIX веке анализ проблемы понимания зачастую отождествляли с толкованием текстов, и отождествление это и поныне имеет место в границах философской герменевтики. На первый взгляд может показаться странным, что изучение понимания текстов получило наименование, восходящее к Гермесу, другу пастухов и бродячих торговцев, покровителю плодородия, богу удачи. Между тем взаимосвязь здесь прямая. Первоначально Гермес выступал как бог, указующий путь, и дорожные указатели — гермы — были вполне отчетливыми фаллическими символами¹. Функции античного божества соединяли в едином мифологическом образе действительно присущие пониманию черты: "понять" означало найти правильное направление, пройти по пути, ведущему к продуктивным результатам.

Естественно, что и освобожденная от мистифицированной формы эта интерпретация понимания не может считаться сколько-нибудь полной и удовлетворительной: в то же время терминологически единого употребления слова "понимание" не существует и поныне. В этой связи заслуживает внимания попытка Ирвинга Дж. Ли выделить семь значений, в которых используется слово "понимание"². Соображения Ли, частично видоизмененные, лежат в

основе следующей классификации.

¹ Уже на ранних ступенях мифологического осмысления окружающей действительности "понять" означало активно связать два противоположных начала. Противоположность этих начал, продуктивный характер их воссоединения мифологически воплощались в актах зачатия и рождения. Вариант этого представления о сущности понимания отражен в библейской легенде о Древе познания добра и зла. (Книга Бытия, гл. 3.).

² Lee I. J. Wby Go Astray // Language. Meaning and Maturity: Selection from ETC (A Review of General Semantics). 1943—1953, ed. by Hayakawa.— N.Y., 1954.— P. 42— 49.

Понимание 1 — следование заданному или избранному направлению. Так, если индивид X, прочитав расписание железнодорожного движения, смог выбрать нужный ему поезд, то мы имеем основание заключить, что X проявил понимание этого текста — текста расписания. Или другой пример: отдан приказ, и он его исполнил. Тот, кто приказывал, утверждает: "Мой приказ был понят, я сужу об этом по тем действиям, которые предпринял X, получив приказ".

Понимание 2 — способность прогнозировать. Некто Y высказал свои намерения, а X предположил, какие действия Y за этим высказыванием последуют. Если предположение X оказалось правильно, это означает, что он понял высказывание и намерения Y.

Понимание 3 — способность дать словесный эквивалент. X понимает высказывание Y, если X способен передать его содержание своими словами, а Y — подтвердить: "Именно это я и хотел сказать". Это отнюдь не означает, что X разделяет мысли Y — просто X понимает их.

Понимание 4 — согласование программ деятельности. X понимает Y, если они в состоянии достичь согласия относительно того, как следует действовать в некоторой конкретной ситуации. Согласие не обязательно должно достигаться вербально, иногда достаточно паралингвистических средств — жеста, мимики.

Понимание 5 заключается в решении проблем. X понимает проблему, если он в состоянии предпринять или описать последовательность действий, которые приведут к ее решению.

Понимание 6 — способность осуществить приемлемую реакцию. Это наиболее распространенное проявление понимания как необходимого элемента общения. В данном случае понимание выражается в соотносимости высказываний о предмете общения. Бывает, например, что наш собеседник резко критикует фильм или книгу, и мы с ним не согласны, но спорить есть о чем, ибо смысл он понял вполне правильно, хотя согласиться с ним не может. Это один из видов "приемлемой реакции": здесь собеседники достигают некоторого единого уровня постижения сущности обсуждаемого текста — текста фильма или книги. В данном случае о понимании мы судим по высказываниям собеседника, касающимся предмета общения.

Понимание 7 — реализованная способность правильно провести рассуждение, то есть дифференцировать ситуацию от сходных, но отличных, действовать адекватно объекту или ситуации. Точнее, это способность прилагать к изменяющейся действительности уже имеющиеся знания о ситуациях или объектах. "Понимание,— говорит В. Гейзенберг,— означает адаптацию нашего концептуального мышления к совокупности новых явлений"¹.

¹Гейзенберг В. Что такое "понимание" в теоретической физике? // Природа.— 1971,— J* 4.— С. 77.

Все эти виды употребления слова "понимание" непосредственно относятся к пониманию текстов. Мысль находит речевое выражение в *тексте*, письменном или устном, и любой текст в принципе рассчитан на то, что его поймут. Представляется очевидным, что понимание текстов — не самоцель, в их содержании отражены действительные отношения вещей, имеющие значение для образа мыслей, поступков и намерений людей. Именно эти действительные отношения существенны для людей, считающих необходимым понять те или иные тексты.

Попытаемся рассмотреть некоторые психолингвистические особенности понимания текстов,

связанные с их семантической спецификой.

Д. Палермо, касаясь вопроса о том, каково значение психолингвистики для современной психологии, подчеркивает, что она может послужить стимулом и отправной точкой революционных изменений в психологии вообще¹. Особое значение он придает работам Н. Хомского. Действительно, психолингвистические исследования вносят принципиально новые элементы в развитие психологической науки, причем в процессе психолингвистического анализа речевой деятельности наиболее отчетливо выявляются сущность и значение понимания

Язык и машина.

Для исследования процесса понимания определенное значение имеют современные параллели между машиной и языком, проводимые по ряду признаков. И машины, и язык поддаются разборке на составные части, причем эти составные детали обладают функциональной спецификой. Подобно машине язык служит для выполнения конкретных целей, которые ставит перед собой человек: по отношению к языку применим параметр эффективности. Как и некоторые машины, язык может существовать в ряде модификаций, специально предназначенных для выполнения конкретных целей. Детали, из которых он состоит, обладают различной надежностью и т.д.

Хотя аналогии между языком и живым организмом и традиционны (или именно в силу этого обстоятельства), в современной литературе они встречаются относительно редко. Аналогии с машиной обладают относительной новизной и большей объясняющей силой. Можно, в частности, предположить, что соотношения "язык — речь" или "язык — речевая деятельность" в некоторых отношениях аналогичны отношению проекта и его реализации. С этой точки зрения роль машин берут на себя тексты, а язык выступает в роли некоторого универ-

¹ См.: *Palermo D. Is a Scientific Revolution Taking Place in Psychology? // Science Studies—1971,— Vol. 1.— № 2.— P. 135—155.*

сального проекта, по которому строятся машины различающихся типов.

Объясняющая сила этой аналогии заключается в том, что многообразие конкретных машин существует и функционирует благодаря тому, что основной или универсальный проект размножен, фиксирован в психике тех, кто пользуется языком для выражения мыслей. Для того, чтобы тексты могли выполнять свою функцию, они должны быть поняты теми, кто владеет данным языком. Уже давно указывалось на общность операций построения (продуцирования) текстов и операций их понимания. Одновременно следует обратить особое внимание на то обстоятельство, что операции понимания в чем-то являются более распространенными и простыми по сравнению с операциями продуцирования текстов. Недаром способность продуцировать тексты издавна придает ее обладателю определенный социальный престиж. Личность, продуцирующая тексты особых семантических и стилистических достоинств, заслуженно почитается уникальной: зачастую ее имя входит в историю. Напротив, способность понимать тексты, по общему мнению, не содержит в себе ничего исключительного, хотя и признается, что она выражена у людей в различной степени, что ее можно развить тренировкой и т.д.

Известно, что для понимания текста требуется не только знание языка, на котором текст составлен, но и определенный набор взаимосвязанных сведений, касающихся содержания текста. Можно обосновать гипотезу, в соответствии с которой структура и семантика текста образуют как бы одну часть сложного механизма, другая часть которого содержится в сознании и памяти индивида, воспринимающего текст. Когда два этих различных компонента вступают во взаимодействие, и происходит процесс восприятия и понимания текста (например, при его чтении или слушании). Таким образом, ни текст сам по себе, ни психолингвистические механизмы, функционирующие в психике индивида, не образуют полностью изолированных друг от друга предметов исследования. До определенного уровня

их изоляция друг от друга естественна и более или менее очевидна. Но существует, по-видимому, определенный предел этой разъединенности, переходя который, исследователь, изучающий текст и механизм его понимания раздельно, начинает испытывать трудности, зависящие именно от того, что предметы исследования разделены. Этим, возможно, и объясняется то обстоятельство, что хорошо отработанные и эффективные приемы структурально-лингвистического и психологического исследования являются продуктивными лишь при анализе определенных сторон или конкретных уровней языковых и психологических явлений.

Хотя и в прошлом в психологии существовали школы и направления, которые придавали исследованию понимания особое значение, ныне обращение к пониманию, его сущности и проявлениям выступает в единстве с исследованием форм и средств общения между людьми, семантики текстов, их историко-психо-логического значения и т.д.

Письменный текст.

Обратим внимание, в частности, на то, сколь серьезную роль играет в современном обществе понимание письменных текстов.

Возникновение и развитие письменной речи некогда оказало большое влияние на дифференциацию форм общественного сознания. Особенно важным моментом здесь следует считать стабилизацию отдельных текстов идеологического содержания, а именно таких текстов, которые способны воздействовать на мироощущение людей, их намерения и поступки. Издавна известны такие зафиксированные в письменной форме тексты, изменение которых на протяжении веков почиталось кощунством (канонические религиозные тексты) или являлось особой прерогативой публичной власти (тексты законов). Стабилизация определенных текстов может, и это вполне очевидно, играть в обществе важную регулирующую роль (например, если в тексте закреплены определенные социальные нормы). Закон именно в силу того, что он общезначим, обладает некоторым особым социально-психологическим качеством. Оно заключается в том, что закон принципиально доступен пониманию тех, кого он касается. Когда формулируется общепризнанный правовой принцип "незнание закона не освобождает от ответственности за его нарушение", неявным образом вводится кардинальное допущение, что закон должен быть доступен пониманию граждан. Ибо знание закона есть знание специфическое, непосредственно воздействующее на поступки людей. Для того, чтобы оно обрело это качество, человек должен не только обладать данным знанием, но и квалифицировать в соответствии с ним свои поступки: воздерживаться от одних и совершать другие. В этом и находит конкретное выражение понимание закона. Но отсюда прямо следует, что сложность законодательства в целом и отдельных законодательных актов — это сложность особого рода. Она отлична от сложности геометрических теорем или физических теорий. Закон потенциально общепонятен, и в этом залог его функционирования в обществе, хотя сложность юридических казусов вошла в поговорку, а анализ тех или иных регулируемых законом ситуаций и коллизий может требовать участия значительного числа специалистов, использования огромной по объему информации, перебора многообразных вариантов понимания, сопоставления различающихся и даже исключających друг друга гипотетических версий и т. д.

Итак, на известном этапе развития экономики и культуры законы получают точную вербальную (словесную) формулировку, которая закрепляется в письменном тексте. Изменять эти тексты и составлять новые могут только определенные органы публичной власти данного государства. Закон должен составляться так, чтобы он был в принципе доступен пониманию тех, кого касается или может коснуться его применение. Когда юрист говорит о "знании закона", он подразумевает понимание закона, которое выражается прежде всего в способности осознанно руководствоваться им в своих действиях. При этом практика применения законов сопряжена с ситуациями, которые требуют углубленного понимания действующего законодательства при непременном участии квалифицированных специалистов. Несмотря на то, что в процессе понимания законов сказываются индивидуальные психологические различия, в конечном итоге оно должно быть идентично,

единообразно.

Анализ понимания письменных текстов есть одновременно анализ их социальной роли и функциональной сущности: это не снимает значения исследования структуры текстов, не противоречит ему, но и никак к нему не сводится. В функциональном аспекте письменный текст — это не только элемент конкретного коммуникативного процесса, но и действенное средство расширения объема памяти.

Письменные тексты и коммуникативно, и мнемонически так важны потому, что они сохраняют неизменную форму речевого выражения мысли — она идентично воспроизводится в повторных чтениях каждого данного текста. Понимание текстов не лишается при этом известной вариативности, но она все же не столь велика, как в те времена, когда носителем текста и исполнителем его коммуникативной мнемонической функции служил человек. В античную эпоху пользовались довольно высоким престижем и профессия гонца (передающего сообщение на словах), и профессия номенклатора (запоминающего событие и тексты по заданной инструкции). Но идея человека-текста, человека-сообщения действительно эффективной реализации, по-видимому, еще не нашла. И Норберт Винер¹, касавшийся перспектив этой идеи, указывал, что человек-сообщение должен обладать способностью продуцировать тексты, а не просто воспроизводить их содержание. Вне зависимости от того, насколько осуществима подобная идея в будущем, в прошлом она оправдала себя лишь частично. Человек не является оптимальным запоминающим устройством — и не только потому, что объем его памяти ограничен, а введенные в нее сведения воспроизводятся не полностью. Память нельзя отсечь от понимания: "в запоминающей системе записывается не материал нашего опыта, а смысл этого материала. Люди стараются не столько запомнить, сколько понять"². Таким образом, проблема заключается в том, что индивид способен воспроизводить

¹ Винер Я. **Кибернетика и общество.**— М., 1958.— С. 103—112.

² Линдсей П., Норман Д. **Переработка информации у человека.**— М., 1974.— С. 414.

смысл ранее сообщенных ему текстов, а воспроизведение смысла текста нерушимо связано с тем, *как он* был понят.

О типологии понимания.

Вообще говоря, для понимания любого текста требуется набор взаимосвязанных сведений относительно его содержания. Равным образом "всякий текст должен рассматриваться как условие мыслительной деятельности читателя..."¹. Основываясь на соображениях, в тезисной форме высказанных С. Л. Рубинштейном, тексты можно подразделить на три типа.

В текстах первого типа не обозначены опорные точки, ограничивающие возможность варьировать их понимание. Сюда относятся и так называемые "дада"-тексты, и Апокалипсис, и тексты, образованные последовательностью знаков недешифрованных еще языков. Но в принципе в число текстов первого типа могут быть смещены (обычно без достаточных к тому оснований) и канонизированные литературно-художественные тексты. Таковы, например, интерпретации отдельных мест "Слова о полку Игореве" А. Юговым или "Большого завещания" Ф. Вийона Тристаном Тцара.

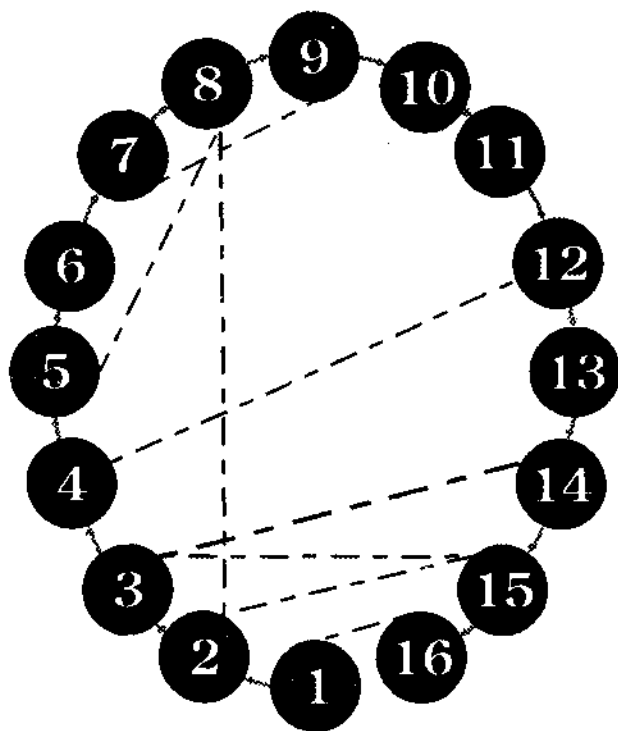
В текстах второго типа, напротив, все их элементы однозначно представлены именно в том смысловом качестве, в каком они только могут быть поняты читателем, располагающим тезаурусом. Таковы в идеале научные тексты, выполненные с необходимой строгостью. Язык математики в значительной мере отвечает требованиям, предъявленным к текстам второго типа.

Наконец, более емкий — третий тип образуют тексты, которые содержат ряд направляющих (их называют также смысловыми, или семантическими, линиями). Сложное переплетение направляющих имеется едва ли не в любом литературно-художественном тексте и они

порождают значительное число вариантов понимания. Это их специфическая особенность, но в этом и их отличие от текстов первого типа, варианты понимания каждого данного текста сопоставимы. Текст управляет его пониманием не столь жестко, как это предусматривает структура текста второго типа, но все же результаты управления прослеживаются с полной очевидностью. Механизм управления этой очевидностью не обладает, и относительно понимания текстов мы можем строить лишь гипотезы, в различной степени поддающиеся экспериментальной проверке. Если речь идет о понимании некой ситуации, в которую индивид как деятельное существо прямо или косвенно включен, то в таком качестве может рассматриваться и ситуация, описанная в том или ином тексте и воссоздаваемая в сознании. Разумеется, не обязательно-

¹ Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии.— М., 1973.— С. 237.

Эту историю, которая произошла в средневековом Багдаде, мы будем рассматривать как делимый на 16 блоков текст. Эти блоки связаны последовательно, один за другим; соединены они и глубинными связями, которые вы видите на схеме. Они не полностью осознаются, когда мы читаем, но смутное ощущение, что переходы от одного блока к другому различаются по вероятности — такое ощущение всегда есть. На основе сложного переплетения раз-невероятных связей формируется и общий смысл текста — его концепт. В данном случае он прост: из самой сложной ситуации можно найти выход, надо только ее понять.

❶ Спасаясь от погони, бежал бродяга по улицам Багдада и вдруг заметил, что дверь в какой-то дом приоткрыта.

❷ Он бросился туда, сбежал по крутым ступенькам в подвал, увидел большие кувшины для муки — хомы, и забрался в один из них.

❸ Едва он перевел дыхание, как слышал шаги и испуганный голосок:

— Муж пришел! Скорее сюда, милый, спрячься в том хоме!

- 1 Боже мой, кто это еще, кого она там прячет?
Но вот снова раздались шаги, и хриплый голос произнес:
- 5 — Смотри, жenuшка, сколько муки я купил! На всю зиму хватит.
- 6 — Только не в тот хом, милый, в нем недавно сдохла крыса. Лучше в этот...
- 7 И на голову бродяги обрушился поток муки.
- 8 Закрыв рот и нос руками, он принялся ее утапывать — казалось ей не будет конца; и вдруг хом с треском лопнул и развалился.
- 9 Бродяга предстал перед ошеломленными супругами как белый призрак.
- 10 Сначала они решили, что это джинн и сильно перепутались.
- 11 Но муж быстро опомнился.
— Откуда ты взялся? — вскричал он.
- 12 — Пришел со своим хозяином, — отвечивал бродяга.
- 13 — Что еще за собака твой хозяин?
- 14 — А он в том хоме.
- 15 Муж разбил хом одним ударом, и бродяга, не ожидая, что будет дальше, бросился вверх из подвала.
- 16 Над Багдадом плыла полная луна. Улица была пуста. Погоня его миновала.

но, чтобы читающий или слушающий текст отождествлял себя с одним из действующих лиц, но определенную позицию относительно порядка и предмета изложения он занимает. Впрочем, для того, чтобы понять ситуацию, в которой индивид непосредственно участвует, он опять-таки с необходимостью воссоздает ее в сознании, хотя и не полностью, но в ее релевантных деталях, взятых в известном отношении друг к другу. Применительно к этим и подобным им случаям можно использовать следующую рабочую гипотезу, понимание есть последовательное изменение структуры воссоздаваемой в сознании ситуации и перемещение мысленного центра ситуации от одного ее элемента к другому. При этом значимость связей между элементами ситуации меняется. Главнейшее звено процесса понимания заключается не только и не столько в установлении связей, сколько главным образом в определении значимости их.

Будем исходить из следующего рабочего определения: субъект может понять и понимает структуру функционирующего целого, если, имея перед собой элементы этой структуры и не имея инструкции по сборке, он способен собрать это целое таким образом, что оно станет функционировать. В этом определении намечаются три параметра, характерных (в единстве) для понимания. Это, во-первых, установление связей; во-вторых, установление значимости связей (то есть выявление релевантности признаков, по которым устанавливается связь); и наконец, в-третьих, это построение целого. Таким образом, понимание здесь рассматривается как взаимодействие с некоторым объектом, в результате которого воссоздается работающая модель этого объекта. *Понять — значит собрать работающую модель.* Следует оговорить, что необходимым условием для понимания может оказаться выявление отдельных элементов ранее не расчлененного целого и этой — аналитической — процедуре уделяется специальное внимание во многих исследованиях.

Применительно к тексту можно сказать, что и он (при некоторых допущениях) может рассматриваться как функционирующее целое. В целом текст есть система, образованная рядом элементов, которые с различной вероятностью следуют друг за другом.

Итак, текст делим. Именно эта его особенность была учтена при разработке методики одного из наших исследований. Некоторый текст подразделяется на относительно законченные в смысловом отношении отрезки Эти отрезки, вынесенные на карточки и перетасованные, предъявлялись испытуемому. Ему предлагали расположить эти отрезки так.

чтобы восстановить исходный текст, содержание которого не было ему известно. Как выяснилось, операции, направленные на то, чтобы реконструировать исходный текст, зачастую приводят к образованию новых текстов, осмысленных, но по содержанию отличающихся от исходного.

Существование различных вариантов понимания одних и тех же текстов является очевидным фактом. Немало усилий тратится исследователями для того, чтобы изложение полученных результатов и методов их достижения было однозначно и достаточно полно. Эти требования в большой мере повлияли на формирование языка науки, отличного от общеразговорного и художественно-литературного — прозаического и поэтического. В противовес собственно научным текстам тексты художественной литературы допускают — в определенных, разумеется, границах — различия их понимания. Можно сказать даже, что поливариантность понимания есть специфическая особенность текстов художественной литературы. Это зависит не только от содержания текстов, но и от особенностей их конструкции.

Уровни понимания

Процесс понимания текста происходит, как можно предположить, одновременно на нескольких уровнях. Уровень монтажа предполагает последовательное перемещение от одного относительно законченного элемента текста к другому, расположенному после него: читаемый текст как бы монтируется в сознании испытуемого из последовательно сменяющих друг друга предложений, абзацев, глав

Параллельно структура отображаемой в содержании текста ситуации предстает в сознании испытуемого в изменяющемся виде, происходит перецентрировка — перемещение мысленного центра ситуации от одного элемента к другому. Хотя перецентрировка самым непосредственным образом зависит от линейного движения "вдоль" текста, от последовательного монтажа его элементов, она не обязательно представляет собой прямое перемещение мысленного центра ситуации от предшествующего отрезка к последующему. Зачастую перестройка структуры ситуации в сознании допускает скачкообразное перемещение ее центра. Можно, по-видимому, выделить тип текстов, для понимания которых специфически существенное значение имеет резкое смещение центра ситуации назад, в направлении от конца к началу (это относится, в частности, к так называемым "текстам с тайной", примеры которых можно найти среди произведений детективного жанра).

И, наконец, параллельно с монтажом и перецентрировкой происходит формирование концепта текста — его общего смысла. Ближе всего к истине утверждение, что концепт носит в принципе внетекстовый характер, он формируется в сознании читающего, отнюдь не всегда получая достаточно точное речевое выражение.

Таким образом, понимание текста может быть одновременно и пониманием того, что в тексте непосредственно не дано.

Для регуляции поведения индивида как члена общества и представителя определенной социальной группы чрезвычайно важную роль играет понимание им определенной меры как позитивного среднего, располагающегося между двумя социально негативными крайностями. Чтобы ощутить меру, необходимо представлять себя среди других, свои поступки — в их отношении к поступкам других людей, понять и обозначить формы негативных отклонений от образа мыслей и действий, адекватного социальному оптимуму. Регуляция поведения индивида как члена общества вне всякого сомнения, связана с тем, что он способен к пониманию природных и социальных процессов. Есть, следовательно, все основания полагать, что понимание обладает определенной социальной функцией.

Существуют различные варианты модели человека как деятельного существа. Но человек деятелен в силу того, что он — существо социальное. И в этом качестве он способен не только осознавать мотивы деятельности, ставить определенные цели, достигать их: он способен (и это главное) предвидеть социальный эффект достижения цели. Для индивида принципиально существенно, как могут повлиять результаты деятельности на его социальное окружение, на группу, на общество в целом. Более того, осознание социально

вероятных результатов деятельности оказывает существенное регулирующее влияние на поведение индивида.

Смысл деятельности, как полагает А. Н. Леонтьев, заключается в отношении мотива к цели. Но ведь можно понять лишь то, что имеет смысл. По-видимому, для социальной регуляции деятельности именно и необходимо понимание отношения, существующего между спектром возможных целей и вероятными последствиями их достижения.

Реализация возможностей деятельности контролируется сознанием ее эвентуальных результатов, ее последствий для индивида, ее соответствия ожиданиям группы. Реализация возможностей должна быть сбалансирована с ответственностью за их осуществление.

Социальная функция понимания именно в том и состоит, чтобы оптимизировать соотношение "реализация — ответственность". Иначе говоря, понимание может моделироваться как медиальное (посредующее) звено, благодаря которому функционирует реципрокный механизм, стимулирующий или тормозящий деятельность в зависимости от социального эффекта достижения цели. Феноменология реципрокных отношений между ответственностью и реализацией возможностей достаточно демонстративна. Социологам давно известен сковывающий эффект неправильного распределения ответственности в системе управления (одно из типичных проявлений этого эффекта известно под обиходным наименованием "перестраховка"). Напротив, смещение ответственности на расположенные выше уровни управления (так называемые "уровни концентрации") нередко приводит к эффектам второго порядка: исполнители преуменьшают свою личную ответственность за последствия реализации заданных программ. Однако это явления, которые относятся уже к сфере управления как таковой.

Взаимосвязь этических нормативов и понимания отмечалась давно и неоднократно. Известна максима Паскаля. "Будем же правильно мыслить — это основной принцип морали". В парадоксально острой форме взаимосвязь понимания и этики была охарактеризована Леонидом Андреевым, который говорил, что разум — это, возможно, лишь "замаскированная старая ведьма — совесть". Философское значение этой проблемы весьма велико, и социально-психологические данные оказались существенными для ее решения. Действительно, если понимание по генезису своему, по своей социальной функции есть то, что соотносит реализацию возможностей деятельности с осознанием ответственности за ее результаты, то в самой сущности понимания должна быть заложена некоторая первооснова этических нормативов регуляции деятельности. Она и заложена в сущности понимания. Но на уровне его существования эта первооснова зачастую совершенно не сказывается.

Понимание происходит на различных уровнях, и они частично зависят от *предмета понимания*. На фотографиях— перелет огромного дирижабля через Атлантический океан и его гибель. На уровн^{^^}аучно-техническом здесь требуется понять, как могли держаться в воздухе и совершать управляемые полеты эти воздушные корабли (они были жесткой конструкции и их наполняли водородом — очень легким, но и легковоспламеняющимся газом). На уровне историческом необходимо знание и понимание многих фактов: какое значение для престижа Германии имели цеппелины (жесткие дирижабли, названные так в память их изобретателя графа Цеппелина), какие они совершали кругосветные и трансатлантические перелеты и как предназначенный для регулярных рейсов цеппелин Эль-Цет 129 "Гинденбург" пересек Атлантику с пассажирами и почтой, 7 мая 1937 причалил в Лэйкхерсте (штат Нью-Джерси), внезапно полыхнул и сгорел дотла у причальной мачты. Причины его гибели точно так и неизвестны.

Но есть у понимания этих фактов и иной уровень, иной аспект. В 1937—1939 годах многим казалось, что сама история готова изменить свое течение ("история остановилась в 1936", — говорил Артур Кёстлер, ранее других это почувствовавший). Это смутное трагическое ощущение требовало и обрело свое символическое выражение. В середине тридцатых годов кончилась эпоха дирижаблей, они слишком часто гибли. Эль-Цет 129 был последним. Казалось, они что-то говорили эпохе, эти чудовищные водородные костры, гигантские тени "Диксмюда" и "Италии", уносящиеся в хмурое небо и пропадающие бесследно. Сначала они предсказывали, потом свидетельствовали: конец! Конец эпохе, конец медлительным, блистающим в солнечных лучах воздушным кораблям. Наступало время пикирующих бомбардировщиков — вторая мировая война. Таков символический уровень понимания, никоим образом не отменяющий научно-технический и исторический, но опирающийся на них.

Текст и его особенности.

Для того, чтобы жить в обществе (а человек не может жить иначе), необходимо понимать других людей и самого себя. Понимание природных и социальных явлений пришло к человеку не сразу, для их понимания требуется достаточно сложный теоретический аппарат. Но вне понимания намерений и поступков других людей невозможны ни совместный труд, ни какие-либо личные отношения, поэтому отношение человека к другим людям, к предмету и продуктам труда, к обществу обрело речевую форму еще на относительно ранних этапах существования человечества. А речевая форма отношения к людям находит выражение в дискурсах — высказываниях — и их переплетениях — текстах.

Я не стану подражать Фюстель де Куланжу и с французским пафосом восклицать: "тексты, тексты, ничего кроме текстов!" (а он так именно и восклицал), но надо признать, что объекта, равного тексту по значению, в культуре, по-видимому, нет.

Дело в том, что культура собственно из текстов и состоит — сколько бы в свое время ни пытались обратить ее исключительно в деятельность. Это было обычное для того времени представление: что деятельность важнее, чем ее продукт. А ведь это неверно, это все равно, что утверждать, что беременность важнее ребенка.

Но перейдем непосредственно к текстам.

Со временем понятие "текст" стали напрямую связывать с понятием "существование": заговорили о "тексте жизни". Вот, к примеру, как воспринимает изменения в своей судьбе молодой человек:

"Если прежде все события совершались за стенками моего черепа, на небольшом плацдарме мозга, где разыгрывались авантюры и заговоры, блестяще выигранные судебные процессы, открытия стран и планет, незабываемые услуги человечеству, побитие рекордов и познание основных причин, то теперь события происходили вне меня, по собственной воле, комментарии отпали, может быть, они появятся потом, а теперь выступал огромный, грубый и неразборчивый текст жизни"¹.

Современный исследователь жизни и творчества Андрея Белого пишет: "А. Белый тяготился тем, что слышит только слова "о благе", "о долге", "о всеобщем счастье". "Я хочу подвига, долга, счастья, а не слов "о", — признается он... Единственно ориентированность художественного текста по координатам "текста жизни" сообщает ему смысл и оправдание"².

"Текст жизни" — это не просто метафора. Это выход понятия "текст" за узкие для него феноменологические границы. Дело заключается в том, что культура вообще" тяготеет к тому, чтобы рассматривать

¹ Славин Л. Наследник. — М., 1962. — С. 223.

² Лавров А. В. Мифотворчество аргонатов // Миф — фольклор — литература. — Л., 1978. — С. 156.

созданный Богом или Природой мир как Текст, и стремится прочесть сообщение, в нем заключенное"¹. Ясно, что этот текст — текст существования мира. Но если он имеет смысл, то его можно выразить и в знаковой форме; она возвратит нас в мир культуры. Как феномен культуры текст существует в знаковой форме и имеет значение.

Психологически существенно, что текст составляет важнейший компонент общения. В этом качестве текст обладает свойством обращенности (к конкретному лицу, коллективу, большой группе и т.п.) и в этом качестве его понимание является продуктом своего времени. Как объект психолингвистического исследования чаще всего выступает речевой текст, письменный или устный. Для психологии творчества особую роль имеет способность индивида продуцировать тексты, обладающие высокими художественными достоинствами и (или) глубиной смысла. Их называют ТПС (тексты продуктивной семантики) в отличие от ТТС (текстов традиционной семантики), которые выражают содержание обыденного сознания и соответствующих ему текстов общения (быт, производство, торговля). С историко-психологической точки зрения существенно, что текст есть поздний и специализированный продукт сплетения дискурсов, реплик; первичной и не утратившей значения формой существования речи служит диалог. Учение Фрейда придает специфическое значение метафорам, остротам, оговоркам и другим особенностям текста, произвольно выражающим содержание *бессознательного*. В сфере педагогической психологии текст изучается с точки зрения доступности его содержания, запоминаемости, воспроизведения, что существенно для учебных текстов. Необходимым условием эффективности учения является понятность текста.

Вполне возможно, что *убеждение* через посредство текста происходит благодаря специфике понимания.

Диалог автор — читатель (слушатель) опосредован спецификой понимания. Текст — это механизм, который управляет процессом понимания.

Убеждающая сила текста непосредственно связана с его адресованным, обращенным к аудитории характером. Под адресованностью текста подразумевается его ориентация на рецепцию содержания определенным кругом лиц. Есть тексты, адресованные непосредственно их автору (например, пометки, сделанные для памяти), и есть тексты, самой своей формой ограничивающие доступ к содержанию (шифрованные) или, напротив, расширяющие сферу смыслового восприятия (скажем, публикации на двух языках одновременно).

¹ Лотман Ю. М. Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры и проблемы переводимости. — М, 1987. — С. 10.

С компактностью традиционно связывают ограничения, налагаемые на величину текста объемом памяти человека. Следует, однако, отметить, что вопрос этот сложнее, нежели кажется на первый взгляд. У бесписьменных народов мощным средством трансляции культуры во времени служили эпические произведения, достигавшие иногда феноменально больших размеров. По-видимому, проблема компактности в гораздо большей степени связана со структурными содержательными особенностями текста, чем это ранее было принято полагать. Вполне возможно, например, что на компактность текста влияет поле понимания его содержания. Повествовательная форма организации содержания эпосов обусловила возможность трансляции энциклопедического по характеру знания, и весьма показательно, что вместе с появлением письменности меняются и виды трансляции. Само знание обретает иные формы.

Естественный язык с наибольшей полнотой реализует свои возможности в повествовательной сфере; в мире доказательных суждений возможности устной речи не столь велики. Не случайно теоремы доказывают у доски! Вполне возможно, что письменность была порождена самой спецификой интеллектуальной деятельности, а не только необходимостью соединить участников общения, пространственно удаленных друг от друга.

Последовательность аргументации, логическая связность, все, чему должна учить математика, перемещается в ум учащегося из письменного текста. Многое зависит и от структуры самого понимания. В наших экспериментах значительные по объему тексты, повествующие об исторических событиях, воспроизводились испытуемыми весьма

удовлетворительно и в абсолютном большинстве своем они были способны самостоятельно характеризовать смысловую сторону излагаемых событий. В то же время суждения и умозаключения общего характера, не обладающие заметной сложностью, испытываемые воспроизводили с ошибками, а частично забывали совсем. В опытах Д. Сыдыкбековой испытываемые на место выводов, содержащихся в тексте, который они прочли, подставляли свои, и, что очень интересно, сами не замечали этого. Чтение текста — не простое "усвоение"! Понимание обладает внутренней самостоятельностью.

Воспроизводимость текста связана с реализацией речевых возможностей индивидов, а также с выходом человечества в техносферу. Примитивные технические возможности писцов сменились достижениями книгопечатания, а затем и электроники. Примечательным явлением современности следует считать факт бесписьменного существования творчества В. Высоцкого, Б. Окуджавы, А. Галича, В. Долиной, чьи тексты лишь с течением времени обретали традиционную письменную форму воспроизведения. И более того: вне авторского исполнения их смысловое восприятие отличается всеми ощущаемой неполнотой. Вполне вероятно, что и тексты Маяковского, живи он в эпоху звуко- и видеозаписи, тоже воспринимались бы по-иному (отдельные записи Маяковского и Есенина были сделаны, сохранились и даже при явном техническом несовершенстве воспроизведения оставляют большое впечатление).

Однако специфика воздействия текста на сознание (и подсознание) такова, что субъективно отчетливое ощущение понятности не всегда совпадает с действительной понятностью, и это следует иметь в виду.

Понимание и время.

Существенным для понимания текстов служит то обстоятельство, что смысл их актуализируется¹ в конкретной аудитории. Но и люди различны, и время, в которое вновь происходит процесс понимания, ведь тексты не только сиюминутно создаются, они приходят из прошлого, составляя необходимую часть культурного наследия народа. И исторический фактор оказывает на понимание неотчетливое, но серьезное воздействие. Сравним понимание двух текстов.

Один знаменит, о нем известно многое (скажем только, что строчки, которые мы перечитываем, написаны утром 9 мая 1823 года в Кишиневе. Минуло более 170 лет).

О втором тексте известно, что он написан более полувека назад, его долго скрывали, потом он все же мелькнул в печати и исчез.

"Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог.
Его пример другим наука;
Но боже мой, какая скука
С больным сидеть и день и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,
Ему подушку поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же черт возьмет тебя!"

Первый текст настолько хорошо вам знаком и представляется настолько понятным, что, боюсь, вы просто пробежите его глазами, так как со школьных лет помните наизусть. Но все-таки прочтите. Каждое слово будет для нас далее значимо.

¹Как бы возобновляет свое существование. Вот поэтому "Манас" и живет уже тысячу, если не больше, лет. Все дело в том, что он живет *в исполнении*.

Кажется понятно с детства. Теперь посмотрим, как перевел это на китайский Люй Ин.

Мой дядя самый твердолюбый,

Когда заболел очень сильно,

То заставил себя почитать.

И не могут выдумать ничего лучше.

Его образ действий посторонние,

Правду сказать, должны взять да изучить.

Однако! О боже! Как удручит человека

Белым днем и ночью сидеть рядом с больным...

И так далее. "Дословность исключительная"¹, — кратко замечает академик В. М. Алексеев.

Дословность-то исключительная, а вот смысл... Впрочем, согласитесь, вы понимаете Пушкина так же. Может быть, первая строка покажется вам слишком "резкой", что ли (кстати, по-китайски это вообще "твердый, как доска"). Но Люй Ин как раз почувствовал тонкость, которая нам не всем дается. Дядя именно твердолюбый, чтобы не сказать резче. Первая строка пушкинского текста содержала внятный для всех современников поэта намек. Тогда была популярна (ныне забытая) басня, в которой были такие слова: "Осел был самых честных правил". Но вот далее...

А что "далее"? Казалось бы, все соответствует оригиналу.

На самом деле нет.

"Когда" здесь употреблено в значении "если".

Вот что должно было получиться у Люй Ина:

Если мой дядя заболел не на шутку,

То лучше он и выдумать не мог...

Последовали бы его примеру

И некоторые другие родственники...

И "другие", которым пример умирающего дядюшки должен послужить наукой, — это отнюдь не посторонние. Тут Люй Ин тоже ошибся. Это другие родственники молодого повесы. "Неплохо бы, — помышляет он, — чтобы и они..." Но почему? Он их ненавидит? Нет. Все проще. Он по воле Всевышнего *"Наследник всех своих родных..."*

И деревня, где скучал Евгений, этот прелестный уголок, в котором за несколько месяцев так круто изменился ход его жизни, изогнулась "линия судьбы", досталась ему по наследству. Он небогат. И это, видимо, не первое наследство, которое он получает, позволяет ему жить так, как многие подданные российского императора, принадлежащие к дворянскому сословию. Он помещик.

¹ См.: Восток — Запад: Сб. ст. — М., 1985 — С. 256.

Как видите, все не так просто. Исторический фактор понимания сработал и здесь. Другое время на дворе, другие песни. И речь уже чуть-чуть иная — соотношение "когда" и "если" изменилось. Да и представление о том, что наследство, и не одно, даст возможность безбедно существовать, нам не то, чтобы непонятно, но чуждо. Отношение к собственности стало несколько недоверчивым.

Второй текст — это стихотворение Николая Тихонова, поэта очень сильного (сейчас вы в этом убедитесь), увенчанного в прошлом многими наградами, а ныне (возможно, по этой именно причине) вспоминаемого не часто. Если бы он написал только свои ранние стихи и все — он (а точнее, его призрак, арвак) ходил бы сейчас в великих.

Стихотворение называется "Танец смерти".

Под тихой радости смешок Жонглер плясал, тряся мешок. Ревел оркестр, скрипел настил, В мешок он руку запустил И вынул голову, и зал Худого слова не сказал, Смотрел, забывши все слова, Как лихо пляшет голова. Он бросил голову в мешок, Почти пастушеский рожок Взял в руку белую опять — И ну играть, и ну играть. И зал в забаве роковой Следил за новой головой Со сладострастьем малышей. Со ртом, открытым до ушей, Как смерть играла головой Как бы державой мировой!

В деталях здесь ничего непонятного нет, разве что ускользнет от внимания читателя такая

тонкость: держава — это еще и символ власти русских монархов, золотой шар. Так что вполне возможно, что здесь не любая мировая держава имеется в виду, а вполне определенная. Но намеков здесь, я думаю, не было. Стихотворение надо понимать как целое. Все сочетается — и средневековый образ "танца смерти", и дата написания — "май—июнь 1940", и то, что долго лежали эти стихи в столе, раз напечатали, потом не стали (а переиздавался Тихонов часто).

Подумайте о смысле образа. О том, что смерть косит не всех одновременно — кто-то остается в живых. Вспомните гениальные (другого слова не подобрать) строки Есенина:

... Что нам первый ряд подкошенной травы?

Только лишь до нас не добрались бы.

Только нам бы,

Только б нашей

Не скосили, как ромашке, головы.

Все это неразрывно *со временем*. И с людьми.

Теперь обратимся к другому жанру. Казалось бы, драматурги пишут пояснее своих собратьев — прозаиков и поэтов, ведь их тексты произносят актеры, а значит эти (разбитые на реплики) тексты должны понимать зрители.

Спорить тут не с чем. Но мы же далеки от тех времен, когда впервые ставился, например, "Гамлет".

Приводимый отрывок из "Гамлета" толкуется по-разному: как характеристика угодничества Полония, как имитация безумия Гамлетом и т.д.

"Полоний. Милорд, королева желает поговорить с вами, и немедленно.

Гамлет. Видите ли вы вон то облако в форме верблюда?

Полоний. И действительно, ни дать ни взять верблюдов.

Гамлет. По-моему, оно смахивает на хорька.

Полоний. Правильно: спинка хорьковая.

Гамлет. Или как у кита.

Полоний. Совершенно как у кита

Гамлет Ну так я сейчас приду к матушке"

Но только С. М. Эйзенштейн, великий кинорежиссер, обратил внимание на изменчивость облака и предложил свою версию, которая, на наш взгляд, ближе всех к действительности:

"...Между тем последовательность контуров верблюда, ласки и кита — совершенно логически последовательные фазы для облака, меняющего свою форму. Мне кажется, что три последовательных сравнения определяют собой прежде всего течение времени — времени, в которое облако дважды успевает изменить свою форму".

Ведь ставился "Гамлет" в знаменитом театре "Глобус", где декорации были более чем скудными, течение времени на сцене — условным. А вот как показать, что Гамлет *не хочет* идти к матери, ему это тяжело, невыносимо (там есть еще реплика "в сторону", "про себя": "Они сговорились меня с ума свести").

Это, мне кажется, можно показать так:

Полоний зовет Гамлета прийти к королеве "немедленно". Тот смотрит на небо. Спрашивает, на что похоже облако. "На верблюда". Полоний согласен. Пауза. "На хорька". Полоний подтверждает. Пауза. "На кита". Разгладились изогнутые края облака. Полоний, склонившись в поклоне, стоит, не уходит. Нет, придется идти. Гамлет (в сторону): "Они сговорились меня с ума свести. (Полонию) Ну так я сейчас приду к матушке".

Эйзенштейновское понимание представляется убедительным. Он попытался мысленно переместиться во времена Шекспира: то же пытаются сделать многие другие шекспироведы — но от своего времени они при этом оторваться не в силах. А оно проникает в их мысли — наше время, наш век. И вот...

Предполагалось, например, что три ведьмы в "Макбете" — это спецразведчицы Эдуарда Исповедника, посланные в Шотландию с заданием спровоцировать английскую интервенцию; в одной работе было написано и о том, что Горацио — агент Фортинбраса. "Чего только не прочтешь, что они только не придумают, эти ученые", — скажет читатель — и будет не прав. Ведь, вообще говоря, в этом ничего невозможного нет. Описывая силуэтный театр нанг, Инна

Соломоник отмечает особую композиционную роль двух появляющихся перед каждым эпизодом фигур: "это яки — шпионы Раваны"¹. Причем они играют информационно-предсказующую роль. Ну чем не ведьмы из "Макбета"? Специфика театра таких интерпретаций не воспрещает, проще говоря — можно понимать и так. А вот почему именно *такое* понимание приходит в голову исследователю — об этом стоит задуматься.

Задуматься — и не сразу прийти к ответу. Легко, конечно же, предположить, что это *время*, всемогущее время подсказывает такое, а не иное понимание. В 1937 году, например, по авторитетному свидетельству Лиона Фейхтвангера, "население СССР охватил настоящий психоз вредительства". А в 1939—1945 годах всеобщей в Европе (да и не только в Европе — в Америке) была вера в германскую "пятую колонну", в массовый шпионаж и предательство. Влияло это на тех, кто читал в те годы Шекспира и вникал в содержание его трагедий, искал в них смысл? Нет сомнения — влияло, осознанно, неосознанно, но влияло.

Но это не ответ. Дело в том, что в славную елизаветинскую эпоху страх перед заговорами, зарубежными шпионами, оппозицией был велик и нельзя сказать, чтобы необоснован. Какие головы летели с плеч! Ни много ни мало — голова королевы шотландской Марии. А убийство ее мужа, когда бочки пороха рвутся в королевском замке, а убийцы (на славу выполнившие свое дело) ждут бегущую от них жертву в саду? Грохота хватало. Куда там жалким хлопкам револьверных выстрелов, сразивших в 1934-м ленинградского партийного вождя Кирова и губернатора Луизианы Хью Лонга. Только случай спас британский парламент, который должен был 5 ноября 1605 г. взлететь на воздух — бочки с порохом, заложенные в подвал, обнаружили благодаря анонимке². Исторические законы, по которым

¹ Соломоник И. Традиционный театр кукол Востока. — М., 1983. — С. 65. ² В XX веке иранское правительство пытались подорвать дважды, и во второй раз террористам это удалось.

составляются заговоры, распространяются наветы, разворачивается судебный террор, едины, хотя и мало еще изучены. Находят, например, "врачей-отравителей". (Во времена Шекспира такой оклеветанный врач был повешен в Лондоне за то, что он якобы собирался убить королеву} Елизавету I. А в Москве в 1953-м готовился процесс врачей, которым приписали намерение убивать членов политбюро правящей партии). И политическая обстановка несомненно влияла на Шекспира и его творчество¹. Что же, мы должны полностью исключить такого рода мотивы в "Гамлете" и "Макбете"?

Нет, не должны. Я хочу сказать только одно. Не полагайтесь в вопросах понимания Шекспира на его критиков. Не полагайтесь даже на самого Шекспира. Полагайтесь на себя. На историю и свою собственную голову.

Но что Шекспир. Существуют строки, знакомые с детства и все же понятные не до конца. Когда я обсуждал эти соображения с коллегами, которых смею назвать видными учеными, один из них, спокойный и немногословный, тихонько замурлыкал первую песенку Булата Окуджавы и я сразу вспомнил ее слова: Ему чего-нибудь попроще бы...

Он имел в виду, что читателю проще разбираться в материале, который ему хорошо известен: очевидно, например, что первую строфу "Евгения Онегина" или, например, "Сказку о золотом петушке" он знает лучше, чем "Гамлета". Это верно. Но неверно, что эти тексты так уж просты. Совсем не просты.

В трудах коллоквиума "Разум и культура" опубликован, в частности, доклад Б. Же из Лилльского университета (где, собственно, коллоквиум и проходил). Он утверждает, что анализ народных и пушкинских сказок "позволяет предположить существование" некой богатой и точной логики воображения...². Это верно. Такая логика — назовем ее стереологией — существует, и она не аналогична логике доказательных суждений.

Указывает ли "золотой петух на ордалию, иерогамию, космогонию"³? По этому поводу могут существовать различные мнения. По-моему, это предположение Б. Же перечислительно по сути своей. Между тем "Золотой петушок" очень неординарен по замыслу, а главное — по цели написания именно в этой форме.

Действительно. Как довести свою заветную идею, особо важную мысль до сознания народа? Сообщить ее? Да, но кому? Государю? Поймет ли? Пусть даже и поймет, но ведь он не вечен, его сменит

¹См.: *Стасов В.* "Венецианский купец" Шекспира.— СПб., 1904; *Аникст А.* Шекспир.—М., 1964.—С. 150.

²*Же Б.* Космогония и воображаемое (разбор четырех сказок А. Пушкина) // Разум и культура, —М., 1983—С. 141.

³ Там же.—С. 137.

новый. Написать статью, книгу? Издадут ли? А главное — не прочтет ее народ, она займет внимание немногих, хотя бы и влиятельных, и мыслящих, но — немногих людей. Написать роман, повесть? Круг читателей расширится сразу, однако ж долог ли будет интерес? Изменятся вкусы — все забудется, уйдет в прошлое. Но дети! Народ — категория историческая. И единственно верный способ довести свою идею, свою мысль до народа — это повторять ее заново в каждом последующем поколении. Будут забыты цари и полководцы, романы, речи и блестящие статьи — сказка останется. Останутся дети, они будут читать и задумываться.

Сказка ложь, да в ней намек,

Добрым молодцам урок...

Пушкин, кстати сказать, немало думал над этой формулировкой. Сначала было:

Не беда, что сказка — ложь.

Затем:

Сказка ложь, да нам урок, А иному — и намек.

Это звучало многозначительно. Цензор Никитенко, впрочем, не пропустил и известных нам "добрых молодцев". Никаких намеков.

А. А. Ахматова доказала, что одним из важнейших источников "Золотого петушка" была сказка Вашингтона Ирвинга об арабском звездочете. Доказала убедительно. Потом она с удовольствием вспоминала, как О. Мандельштам, человек исключительного ума и таланта, статью о "Золотом петушке" "сам взял у меня на столе, прочел и сказал: "Прямо шахматная партия"¹.

Эту партию Ахматова выиграла.

Писала она, в частности, и о том, что "бутафория народной сказки служит здесь для маскировки политического смысла"². Да, но какого?

Мы сейчас обсудим этот вопрос. Замечу сразу, что именно А. Ахматовой удалось показать и то, что отдельные мотивы из сказки Ирвинга Пушкин использовать не стал, хотя — попробовал и получилось хорошо³. Но почему не стал? Каков концепт "Петушка"?

¹ *Ахматова А. А.* Соч.— Т. 2.— М., 1986.— С. 207.

² Там же.— С. 23.

³ См.: *Ахматова А. А.* Последняя сказка Пушкина // Соч.— Т. 2.— М., 1986; *Ахматова А. А.* "Царь увидел пред собой" // Соч.— Т. 2.— М., 1986.

А. А. Ахматова доказала свою точку зрения достаточно убедительно. Все же, если читатель заинтересуется нашей темой и тем, как она изучается, советую посмотреть "Временники" Пушкинской комиссии, там опубликованы работы К. А. Бойко: об арабском источнике мотива о золотом петушке в сказке Пушкина и "Древнеегипетские истоки одного из мотивов "Сказки о золотом петушке" (Временники. 1976 и 1979). О критиках А. А. Ахматовой см. ее "Некролог" (Временник. 1964). Библиография обсуждаемой проблемы, разумеется, шире.

Содержание "Золотого петушка" вы помните. Мудрец вручает парю золотого петушка, который способен указывать на грозящую опасность. И военно-политическая ситуация резко меняется к лучшему. Безопасность! Но царь оказывается неблагодарным — прекрасную шамаханскую царицу он отдать мудрецу не хочет — хоть и обещал. К чему она премудрому

скопцу? Этому царь понять не может, а отдать красавицу не хочет. Петушок клюет царя, и тот умирает.

Вот, собственно, и все.

От сказки Ирвинга это отличается: там волшебные талисманы дают возможность еще и уничтожать противника. Государь в восторге: "Мы, пожалуй, прольем немного крови!" И проливает... Этот мотив Пушкин исключил.

Но ввел другой. У Ирвинга мудрец проваливается сквозь землю, а царь проводит остаток жизни в бесконечных войнах.

А "в пушкинской сказке талисман (золотой петушок) является орудием казни царя-клятвопреступника и убийцей"¹. Тут следует еще прибавить, что царь тогда в действительном мире существовал один. Русский. Короли, императоры — все это было. Много уже лет спустя в мире стало два царя: русский и болгарский. Но продолжалось это недолго...

Так какова же основная идея, концепт "Петушка"? Ведь есть она, Пушкин специально подчеркивает, что есть "намек". На что?

Обратите внимание, что дар мудреца не принес царю ни единого нового солдата, а положение дел резко изменилось. Почему? Ответ покажется вам простым и исчерпывающим: информация. Царь стал загодя получать информацию об угрожающем ему противнике, возникла возможность подготовиться, снять пресловутый фактор неожиданности, от которого с каждым веком, с каждым годом стал все больше зависеть исход военных конфликтов, покушений, словом, то, что способно губить государства, армии и их руководителей.

Хорошо поставленная информационно-разведывательная служба, какой-то магически сложный аппарат, способный доставлять необходимые сведения, носители мудрости, способные обеспечить решение возникающих при этом проблем. Вот три компонента, которые в сочетании могут сохранить государственный организм.

Я пишу это в нарочито политизированной, безликой форме. Суть-то изложена верно. Об этом сказка. И еще вот о чем. Царь понять мудреца не может и, по-видимому, вполне искренне. Но ему это и не нужно. Мудрец сам знает, что ему нужно, цари этого ни знать, ни понимать не могут. Их дело — держать свое слово. Иначе результат может быть таким, какой описан в сказке. Золотой петушок может быть и страшен.

Не просто разобраться в том, какой намек "добрым молодцам" держится сказка о золотом петушке. Подумайте над ней. Прочтите еще раз.

¹ Ахматова А. А. Соч.— Т. 2.— С. 21.

Ночной дозор.

Сагиттальные свойства текста (мы еще вернемся к ним несколько далее) характеризуют ситуации, "когда литература не только вторгается в жизнь, но фактически меняет ее, подчас подсказывая сюжет для нового произведения. Так — это было еще до войны — я (В. Каверин — А. Б.) получил письмо из Орджоникидзе. "Прочтя ваш роман "Два капитана", — писала мне некая Ирина Н., — я убедилась в том, что вы — тот человек, которого я разыскиваю вот уже восемнадцать лет. В этом меня убеждают не только упомянутые в романе подробности моей жизни, которые могли быть известны только вам, но места и даже даты наших встреч — на Триумфальной площади, у Большого театра..." Я ответил, что никогда не встречался с моей корреспонденткой ни в Триумфальном сквере, ни у Большого театра и что мне остается только навести справки у моих друзей, биолога и полярного летчика, которые соединились в моем воображении, чтобы послужить "двойным прототипом" для моего героя"¹. Это случай, когда "сагитта", стрела текста, попала в судьбу одного человека, попала, конечно же, нечаянно. В огромном большинстве случаев "мишени", в которые попадает текст, иные.

¹ Каверин В. Собр. соч.— Т. 8.— М, 1983.— С. 140.

Картина Рембранта «Ночной дозор» написана маслом в 1642 г. и находится ныне в амстердамском Рейксмузее. На ней изображена рота капитана Баннинга Кока и лейтенанта Виллема ван Рейтенбурха.

Посмотрим на картину Рембрандта — ведь она тоже текст культуры! — и послушаем, что рассказывает нам о ней В. Каверин. "...Мы все онемели перед этой картиной, которая вовсе не называлась "Ночным дозором", потому что изображенная на ней сцена происходит днем и солнце участвует в ней могущественно и мягко. В течение долгого времени картина была покрыта слоем копоти и расчищена лишь недавно. Быть может, поэтому она так поразительно не похожа на свои репродукции. Никакой это не дозор, а групповой портрет офицеров военной корпорации Амстердама. Но в этот групповой портрет внесена внезапность, наступленность — то, что вторгается в жизнь и изменяет ее внезапно и бесповоротно. Неподвижность, при которой каждой натуре уделяется равное внимание, нарушена, сброшена со счетов. Невозможно представить себе, что Рембрандт написал капитана такого-то в белом костюме, а лейтенанта такого-то в черном, чтобы ими любовались, чтобы их узнавали. Падающий слева ослепительный свет врывается не в темноту подворья, из которого выходят стрелки, а в Голландию XVI века с ее терпением, неукротимостью, жестокостью, с ее победой в испанской войне, с ее нищетой и богатством".

Нет, ослепительный свет слева врывается не только в прошлое Голландии, но и в прошлое иной страны, богатой терпением, неукротимостью, жестокостью, прославленной победами... Турист из одного с Каверинным города тоже онемел, увидев эту картину.

У "Ночного дозора" я стоял три минуты и сигнал загудел, изгоняя туристов. Я бежал, я споткнулся о чекан Бенвенуто, растолкал итальянок в голландских батистах.

Что-то мне показалось, что-то мне показалось, что все это за мною, и мой ордер подписан, и рука трибунала виска мне касалась и мой труп увозили в пакгаузы — крысам.

Этот вот капитан — это Феликс Дзержинский, этот в черном камзоле — это Генрих Ягода. Я безумный? О, нет, даже не одержимый, я задержанный с тридцать пятого года.

Кто дитя в кринолине? Это дочка Ежова.
А семит на коленях? Это Блюмкин злосчастный.
Подведите меня к этой стенке, и снова
я увижу ее и кирпичной, и красной.

Заводите везде грузовые моторы,
пусть наганы гремят от Гааги до Рима.
Это вы виноваты, ваши переговоры
словно пули — в десятку, в молоко или мимо.

И когда в Бенилюксе запотевшее пиво
проливается в остром креветочном хлеме,
засыпайте в ячменном отпаде глумливо,
ничего, ВЧК наблюдает за вами.

Вас разбудят приклады "Ночного дозора",
эти дьяволы выйдут однажды из рамы.
Это было вчера, и сегодня, и скоро...
И тогда мы откроем углы пентаграммы.

Стихотворение Рейна только кажется сложным, на деле же оно просто — и глубоко. Немолодой ("задержанный с тридцать пятого года") турист стоял у "Ночного дозора" Рембрандта до гудочка, которым дирекция сообщает о конце работы музея, и быстро, почти бегом, вышел. Он испытал то безотчетное чувство тревоги, которое вызывала и вызывает эта картина, чувство, которое рассорило Рембрандта с офицерами-заказчиками, чувство, которое и заставило назвать эту картину "Ночным дозором", когда она потемнела от времени. Вероятно, это чувство испытывал Рембрандт, работая над заказанным ему холстом, и причины тому были глубоко личные — возможно, он предвидел свою судьбу, кто знает? О внутренней жизни творца нам суждено только догадываться. Так или иначе, **кисть** перенесла это чувство на полотно, полотно стало непонятно тревожить тех, кто на него смотрит. И нет ничего пугающего в изображенных Рембрандтом событиях: люди берутся за оружие и выходят, вот, собственно, и все. Но...

Что-то мне показалось, что-то мне показалось, что все это за мною... Как у Мандельштама, увидевшего "Чапаева" и пораженного знаменитыми кадрами "психической атаки" каппелевцев:

Надвигалась картина звучащая на меня, и на всех, и на вас. Что тут можно сказать? Это искусство. Оно способно тревожить, и не по-пустому. Я и завел речь о "Ночном дозоре" потому, что пишу учебное пособие. "Люди учатся Знанию, люди учатся Памяти, люди учатся Совести. Эти три предмета, которые необходимы в любой школе и которые вобрало в себя искусство. А искусство по сути своей — это Книга памяти и совести. Нам надо только научиться читать эту книгу". Эти слова Юрия Михайловича Лотмана точно характеризуют нашу задачу. Будем пытаться ее решить.

В каждом "Ночной дозор" будит свою тревогу. И у автора стихов, что мы прочли, тревога своя. Он объясняет нам, что Всероссийская чрезвычайная комиссия, террор, Феликс Дзержинский, стенка с оббитым пулями кирпичом — все это не минуло, это не поток единичных фактов российской истории, это не прошлое, или, точнее, это не только прошлое, это еще и состояние души. И оно повсеместно, оно может вернуться, "эти дьяволы выйдут однажды из рамы". И весь ужас в том, что они не дьяволы, а люди. У них дети, они убивают не за деньги, они убежденные, одержимые, они убивают правых, виноватых, друг друга. Вот Константин Константинович, он же Владимир, он же Ильин, он же Исаков, он же Лобсан, он же Лама — в черной кожаной куртке чекиста он убийца посла Германской империи в Москве, в красной шапке тибетского монаха он сподвижник Николая Рериха в Синьцзяне. Все это Блюмкин. Вот он в Петрограде, вот в Урумчи, вот в Константинополе, вот на Лубянке. Хлопнул выстрел. Конец.

В стихотворении упоминаются еще "углы пентаграммы". Пентаграмма знакома всем, это пятиконечная звезда. Красная у нас, белая в США, она имеет происхождение древнее. Именно этот знак, обладающий особой силой, не давал Мефистофелю выйти из кабинета доктора Фауста. Но потом доктор заснул, а мыши помогли Мефистофелю — надгрызли угол звезды, пентаграмма раскрылась, дьявол поблагодарил своих маленьких сподвижниц и вышел... Об этом есть у Гете. А теперь мы коснемся вопросов не менее важных, определяющих существование культур.

Семантическая адекватность.

Семантическая адекватность занимает важное место среди проблем, которые изучают теория понимания и общая семантика. Особое значение эта проблема имеет для практики преподавания и индивидуальной работы с текстами. С ней постоянно сталкиваются те, кто переводит с языка на язык; те, кто пытается понять смысл текста; те, кто сопоставляет знаковые системы. На языке практической жизни эта проблема формулируется в виде вопросов, которые каждый человек задавал себе или другим: "Правильно ли я понял?" или "Правильно ли я поступил (сделал)?"

А сложность проблемы состоит в том, что во многих случаях ответ на этот вопрос неоднозначен. То есть возможны несколько ответов, и они попадают в "коридор смысла", в который бессмысленные ответы не попадают. Иначе говоря, проблема семантической адекватности может рассматриваться и на уровне "верно — неверно", и на уровне "осмысленно — бессмысленно". Привычной для педагога ситуации с одним-единственным правильным решением нередко в реальной практике восприятия текстов не возникает совсем. Да и критерии, на основании которых ответ попадает в "коридор смысла", то есть рассматривается как возможный и допустимый, тоже зачастую не являются жесткими. И все же изучение проблемы семантической адекватности представляется практически в высшей степени необходимым — именно в силу того, что в гуманитарных научных дисциплинах, в том числе педагогически ориентированных, происходит процесс постоянного совершенствования требований к художественному переводу, обсуждение новых вариантов понимания исторических, художественно-литературных, политических, публицистических и других текстов.

Попытаемся рассмотреть некоторые аспекты этой проблемы.

Язык, его существование и эффективность.

С точки зрения общей теории систем различают базисную функцию и производные от нее. Например базисной функцией языка является выражение смысла, а коммуникативная и экспрессивная функции, то есть участие языка в общении и самовыражении, — производные. Но что следует при этом понимать под *языком*?

Е. Д. Поливанов понимал под языком всякую совокупность или систему ассоциаций между представлениями речевыми (представлениями звуков, слов, частей слов, предложений) и представлениями внешнего мира, или так называемыми "внеязыковыми" (то есть понятиями, которые выражаются в языке), независимо от того, существует ли эта система в уме большого или малого числа лиц или даже только в уме одного лица. Здесь выделяются два кардинальных признака: а) язык есть система ассоциаций, связей между речевым и экстралингвистическим; б) язык существует в уме (в уме многих или одного — это не принципиально, главное — в уме).

Таким образом, Е. Д. Поливанов попытался, и это ему удалось, объединить в одном определении признаки *существования* и *сущности* языка.

Он пришел к выводу: язык есть система, и главный системный признак его состоит не в том, что его элементы связаны друг с другом, а в том, что они связаны с *отраженным в сознании миром*. В этом состоит сущность языка. Соответственно, существование сознания есть необходимое условие существования языка.

Позднейшие исследования показали, что важным условием понимания окружающего мира, других людей и самого себя является координированная работа правого и левого полушарий коры головного мозга человека. При этом правополушарная модель мира строится на

чувственно-конкретном, образном "материале", а левополушарная — на знаковом, языковом. Существенно не только то, что в левом полушарии коры расположены центры речи — "...левополушарная модель мира включает набор аксиом здравого смысла и тавтологий. Усвоение обычных текстов на естественном языке ведет не только к построению обучающимся грамматики языка, порождающей текст, но и набора таких аксиом, существенно зависящих как от языка (в этом смысле вполне подтверждается идея Сэпира-Уорфа), так и от специальных условий (такой набор "офицерских" аксиом блестяще сформулировал Л. Толстой по отношению к Вронскому)"¹. Иными словами, смысл и язык на определенном уровне своего существования как бы срастаются и с субстратом мышления, с мозгом, конечно, только в той мере и поскольку он регулирует относительно простые формы человеческого существования. При этом имеется в виду, что человек живет, действуя, а не абстрактно размышляя. Вот для того, чтобы действовать, и надо опираться не семантическую *адекватность правил поведения конкретным ситуациям*, в которых человек живет и действует, то есть как-то "ведет себя".

Итак, один из важных критериев семантической адекватности заключается в соответствии между некоторыми правилами, получившими речевое выражение, и эффективностью форм поведения, которое управляется этими правилами.

¹ *Иванов Вяч. Вс.* К проблеме понимания текстов, относящихся к разным речевым жанрам // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности: Тез. — М., 1985, — С. 301.

Понимание содержания и смысла текстов.

Мысль находит речевое выражение в тексте письменном или устном, и любой текст в принципе рассчитан на то, что его поймут. Поймут современники или потомки. Поймет возможно большее число людей или возможно меньшее (есть тексты, доступные лишь предельно узкому кругу лиц, и от того, кто именно их поймет и как, зависят иногда судьбы армий и государств). Речь идет не только о военной и дипломатической практике. Каждый из нас, не будучи дипломатом или военным, является автором текстов, рассчитанных на понимание поистине "возможно меньшего числа людей": каждый делал пометки для памяти, а их пишут с единственной целью — через определенный отрезок времени понять, что было записано. Это письменные тексты, адресованные их автору.

Представляется очевидным, что понимание текстов — не самоцель, в их содержании отражены действительные отношения вещей, имеющие значение для образа мыслей, поступков и намерений людей. Именно эти действительные отношения существенны для людей, считающих необходимым прочесть (и соответственно — понять) те или иные тексты. Например, понимая тексты законоположений, читатель узнает, каковы границы прав, отмеренных ему государством, гражданином которого он является. Понимать инструкции по уходу за электроприборами или правила уличного движения — это значит понимать, как сохранить в определенных обстоятельствах жизнь. Можно назвать еще немало текстов, практическая важность которых вполне ясна.

Трудно, однако, обосновать такого рода причинами необходимость понимать произведения художественной литературы. Тем не менее стремление понимать их является исторически непреходящим. Почему это стремление существует — вопрос спорный. Несомненно, впрочем, что литературные тексты содержат значительную по объему информацию относительно многообразных социальных явлений, характерологических особенностей людей, межличностных отношений и личных переживаний. Художественная литература играет чрезвычайно существенную роль в духовной жизни людей как продукт творческой деятельности и предмет творческого восприятия. "Творчество — процесс; восприятие творчества — также процесс, и это особенно ярко проявляется при чтении литературных произведений. Автор создает произведение, внушая читателю представление о том, что читатель вместе с ним вновь проходит весь путь его творчества. Автор создает у читателя иллюзию творческого процесса. Читая произведение, читатель как бы участвует при

создании произведения, оно разворачивается перед ним во времени. Конечно, на самом деле творческий процесс гораздо сложнее, чем он предстает перед читателем в произведении, ...черновики, наброски, разные рекомендации произведения остаются за бортом произведения и не воспринимаются читателем"¹.

В трактовке Г. П. Щедровицкого и С. Г. Якобсон понимание выступает как смысловая организация знаковой формы текста: эта форма организации есть не что иное, как восстановление структуры смысла, заложенного в текст процессом мышления². Проще говоря, знаки, из которых построен текст, должны так выстроиться у меня в уме, как выстраивались они в уме автора. И тогда я пойму его мысль, заложенную в текст. Понимание текста можно рассматривать как процесс образования и функционирования, как говорят специалисты, "смыкающей модели". Это значит, что текст обретает свое содержание в непосредственном взаимодействии с сознанием читателя; что процесс понимания "смыкает" в единое целое то, что содержится в тексте, и то, что

¹ Лихачев Д. С. Текстология.— М.; Л., 1961.— С. 29.

² См.: Щедровицкий Г. П., Якобсон С. Г. Методологические проблемы понимания// Мышление и общение: Материалы Всесоюз. симп.— Алма-Ата, 1973.— С. 30.

происходит в сознании читающего. В свое время Карл Беккер не без основания утверждал, что документы, свидетельствующие об исторических фактах — газеты, письма, дневники, существуют как листы бумаги, на которые нанесены чернила или типографская краска. Они оживают, когда к ним прикасается историк, иначе говоря, когда их понимают.

Здесь встает проблема кардинальная — проблема *существования*. Текст, бесспорно, существует и вне его понимания, но латентная форма существования смысла текста молчаливо предполагает существование того, кто этот текст способен прочесть.

Говоря об актуализации смысла текста, наступающей в результате его понимания читателем, Харли Шендс проводит несколько неожиданную аналогию между языковым кодом и его носителем, с одной стороны, и связью, существующей между вирусом и пораженной им клеткой, — с другой¹. Вирус, как вы, возможно, помните со школьных лет, представляет собой почти "чистый код" в том отношении, что вся его функция заключается в обеспечении собственно дублирования, воспроизведения, размножения. Но, как и язык, вирус требует живого носителя, хотя в принципе способен существовать и вне его. При подходящих условиях молекула вируса может быть кристаллизована и сохранена *in vitro*, "в стекле", в пробирке, причем в таком состоянии она бессильна, подобно джину из восточного фольклора, запечатанному в бутылку. Когда вирус освобождают от его пассивного состояния и вводят в восприимчивую клетку, он немедленно включается в механизм воспроизводства данной клетки. Вирус становится хозяином своего нового "дома". Так вот, по мнению Шендса, сходным образом идея или система, запечатленная в лингвистическом коде, может существовать в зафиксированном виде в книге на полке, пока не встретит восприимчивого "хозяина". Читатель, увлеченный содержанием книги, станет его рассказывать, воспроизводить, и даже может стать прозелитом, пропагандирующим учение, содержащееся в этой книге, и воссоздать его в группе последователей. Так и вирус захватывает все новые и новые группы клеток. Аналогия мрачная. Не обязательно же содержание книги может оказаться таким вредным, каким бывает воздействие вируса. Впрочем, если вспомнить иных авторов... Говоря о понимании текста, надо прежде всего иметь в виду, что какая-то часть его содержания уже находится или, по крайней мере, должна находиться в сознании читателя. Это означает, что хотя бы некоторые сведения, используемые автором текста, должны быть предварительно известны читателю. Если они и не полностью знакомы читателю, то абсолютно чуждыми ему они все же быть не

¹ Shands H. C. War with Words. Structure and Transcendence.— Hague—Paris, 1971.— P. 22—23. должны: необходима какая-то информационная основа для понимания, известная индивиду, читающему данный текст.

Н. В. Крандиевская-Толстая рассказывает, как зимней московской ночью 1918 года, когда "ориентирами служат лишь одни костры на перекрестках, возле которых постовые проверяют у прохожих документы", В. В. Маяковский, стоя у костра, разложенного у Лубянки, приветствует подошедшего греться А. Н. Толстого экспромтом: Я слабость к титулам питаю, И этот граф мне по нутру, Но всех сиятельств уступаю Его сиятельству — костру!

— Плохо твое дело, Алексей,— с мрачным юмором говорит Толстому его спутник — Андрей Соболев.— Идем-ка от греха...

Но Толстой не уходит. Он смотрит, не отрываясь, на Маяковского, видимо, любуясь им. Он не до конца понимает убийственный смысл экспромта².

Что необходимо для адекватного понимания этого текста?

Прежде всего прочего надо знать язык, на котором он написан. И не просто общеразговорный язык — нужно знать *литературный* язык, имея минимальное представление о специфических различиях стиха и прозы. Существенно знание фактов гражданской истории: 1918 год, отмена сословного деления и титулов и т.д. Непременное знание элементов истории литературы: если имена В. В. Маяковского и А. Н. Толстого читателю ничего не говорят, смысл происходившего будет для него в значительной степени неясен.

Все это лишь предпосылки адекватного понимания текста. Ключ к пониманию описанной в нем ситуации лежит в четверостишии Маяковского.

Грозный смысл экспромта Маяковского — смысл, который не сразу стал ясен Толстому,— неразрывен с речевой формой выражения: специфика поэтической речи³ позволяет обнажить внутреннюю форму слова "сиятельство", восходящую к глаголу "сиять"; при этом слово "сиятельство" не выводится из культурно-исторического ряда "величество, высочество, сиятельство", который сообщает семантике слова оттенки: "особое положение, древность рода, власть". И правда — что древнее костра, что сильнее пламени, что *сиятельнее!* В нем сгорят ветхие хартии, свидетельствующие знатность рода, сословия, титула. И неясная тень здания бывшего страхового общества на Лубянке высится за людьми, которые стоят у костра.

Сверх сказанного заметим, что хотя цитированный отрывок и принадлежит к жанру документальной прозы, для полного его понимания

¹ Воспоминания о А. Н. Толстом.— М., 1973.— С. 120.

² Там же —С. 121.

³ См. в этой связи: *Щен Г.* Внутренняя форма слова.— М., 1927.

требуется и знание общего "литературного фона эпохи", которая служит предметом изображения: фоновое значение имеет в данном случае сцена (впрочем тоже автобиографического плана) из поэмы "Хорошо": уличный костер, "Здравствуйте, Александр Блок".

Для адекватного понимания смысла текста в принципе необходимо наличие связного набора сведений — тезауруса. В свою очередь, понимание ранее неизвестного читателю текста способно внести нечто новое в тезаурус, в чем-то его изменить.

Согласно взглядам Ролана Барта, придававшего особое значение коммуникативной функции текстов, смысл текста, в частности и в первую очередь литературных текстов, закодирован пятью способами. Они могут быть использованы одновременно, и вопрос о субординации этих кодов достаточно сложен; во всяком случае, Барт не дает сколько-либо удовлетворительного решения этого вопроса. Неважно, сознательно ли пользуется писатель (то есть кодирующий) этими способами, чаще всего часть из них используется неосознанно, но читающий (декодирующий) должен ими пользоваться.

Код повествовательных действий характеризует последовательность действий.

Семантический код объединяет все существенные для понимания текста понятия, которые в нем встречаются.

Код культуры включает в себя все необходимые сведения о культуре (в широком смысле) данной эпохи, опять-таки необходимые для того, чтобы мысль повествователя могла быть ясно понята читателями.

Герменевтический код содержит в себе формулировку вопроса, который задается в повествовании, формулировки возможных ответов.

Символический код создает как бы фон глубинных психологических мотивов, в скрытом виде заключенных в повествовании.

Так, каждому из нас известен код способов отображения. Читая: "Вошел человек в ярком галстуке", мы понимаем, что вошедший был в рубашке и, скорее всего, в пиджаке. Но не это существенно, и это опущено. Способ отражения предполагает подобные сокращения, и он нам знаком. Разумеется, код способов отображения изменчив. "Бритый" персонаж современного романа — это чаще всего лысеющий человек с чисто выбритой головой, в романе, написанном полвека назад, "бритые" — это те, кто брил бороду и усы. Обратите на это внимание, читая "Мастера и Маргариту"!

С кодом способов отображения непосредственно смыкается код культуры. Н. Асеев в поэме "Маяковский начинается" описывает сцену в бильярдной: некий претенциозный завсегдатая клуба вертится около Маяковского, мешает ему играть, "говорит под руку", пытается шутить и т.п. В конце концов Маяковский обернулся к нему и взял за цепочку от часов...

Застыл остряк

С открытым ртом:

"Златая цепь

На дубе том"!

Эта остроумность понятна тем, кто знаком с конкретным "кодом культуры", — в него входит, например, текстуальное знакомство с "Русланом и Людмилой". Перевод данного отрывка на французский язык вызвал бы не только языковые трудности: "код культуры" среднего французского читателя иной.

Герменевтический код содержит в себе формулировки содержащихся в повествовании вопросов и возможных ответов на эти вопросы. Они, бесспорно, связаны с миром культуры, которому данное повествование принадлежит, но выходят за его пределы. Вопросы, которыми задается Шекспир в "Макбете", волнуют и русского, и японского читателя — быть может, не в меньшей степени, чем они волновали посетителей театра "Глобус".

По ходу развертывания сюжета читатель узнает ответы на вопросы о том, убьет ли Макбет Дункана, двинется ли Бирманский лес на его замок и т. п. Но герменевтический код, которым владеет большинство читателей, позволяет им понять, что в "Макбете" решаются и вопросы иного порядка, например, о том, могут ли ум, сила воли, мужество — качества чрезвычайно привлекательные сами по себе — быть направлены на преодоление этических барьеров. Отвечая на этот вопрос, Шекспир показывает, как непоправимо деформируется личность под влиянием содеянного зла. Если же эти (и подобные им) вопросы полностью прошли мимо сознания читателя, который увидел в "Макбете" лишь историю кровавой борьбы за престол, то смысла трагедии он не понял. Сказанное не означает, что упомянутый нами вопрос — главнейший в "Макбете". Отнюдь нет. Вполне возможно, что уже с появления трех загадочных ведьм перед нами начинают рисоваться очертания действительно великой проблемы: проблемы *превращения прогноза в проект* — и реализации проекта. Когда эти психологические процессы касаются этических ценностей (а они их чаще всего касаются), становится видно, как отходит от них человек, казалось бы, свободный в выборе решений. По мере того, как человек своим решениям следует, из каждого нового поступка логически вытекает необходимость последующего. И торжествует логика вещей, которая сильнее логики человеческих намерений и, в отличие от нее, не знает никаких этических преград.

Существуют (во множестве) иные интерпретации общего смысла (концепта) "Макбета", но суть не в том, какую из них изберет (или предложит) читатель, а в том, что он в принципе способен подходить к текстам герменевтически и чувствует, что подобный подход нужен, хотя и не знает его терминологического наименования, не обладает

специальными навыками в этой области и общий смысл осознает, скорее, смутно.

Концепт.

В этом, впрочем, сказывается фундаментальная особенность произведений художественной литературы вообще — их понимание поливариантно, а концепт обычно не поддается детально точной формулировке, более того, она ограничительна по природе своей, и когда концепт формулируют, мы всегда ощущаем, что общий смысл эта формулировка все же полностью не передает.

Элементарный герменевтический навык читатель приобретает относительно рано — читая басни. Басни зачастую завершает мораль — в одну-две строчки. Она резюмирует смысл текста — концепт...

Концепт, строго говоря, есть у любого осмысленного текста, и у "Войны и мира", и у басен Крылова.

Но басню не обязательно завершает мораль. Концепт не всегда объявлен, да и объявленный отнюдь не всегда соответствует семантическому существу текста. Чтобы понять смысл этих стихотворений, требуется немалый герменевтический навык.

Иногда его нелегко обнаружить, хотя аллегорическая структура содержания налицо.

Тут многое зависит от сложности. Чрезвычайно сложен, например, концепт крыловской (а не лафонтеновской) "Вороны и лисицы". Только ли о том она, что нельзя доверяться льстецу? Только ли о том, что не стоит хвастаться? Смысл явно сложнее. (Сто тридцать лет назад В. Водовозов писал, что дети никак не могли согласиться с подобной моралью басни). Ворона умеет каркать, и она это делает — каркает настолько громко, настолько хорошо, насколько на это ворона вообще способна. Она теряет сыр. Но за что она наказана? Не могла же она (да и не собиралась) запеть по-соловьиному? Нет, концепт глубже. Ворона наказана за то, что она гордится своим карканьем. В нем ничего плохого — и хорошего тоже — нет. Она каркает. Такова ее природа. Между тем не стоит гордиться тем, на что способен от природы. Ведь это не твоя в сущности, заслуга. Вот за гордыню (а ее следствие — вера льстецам) ворона и наказана.

А может быть, все дело в том, что сыр... Нет, нет, довольно. Концепт слишком сложен.

Итак, объявленный концепт иногда как-то беднее текста, который наводит на более содержательные размышления. Иногда, наоборот, текст, казалось бы, тривиальный, заново освещен концептом.

Есть у К. Чапека новелла о чехе Лойзике, никак не желавшем воевать за Австро-Венгрию. Его призвали, он симулировал аппендицит,

Желающих еще углубиться в этот концепт отсылаем к книге Л. С. Выготского "Психология искусства" (М., 1997): с. 143—146.

его оперировали, но в госпитале нельзя лежать вечно, тем более, что его посещает главный врач штаба, а это безумец. Собственно, все уже об этом догадываются, но чин, погоны, дисциплина... Одним словом, безумец является в госпиталь, все, кроме безнадежно больных, стоят, а он проходит палату за палатой. Ожидание затягивается, наш чех поджал ногу — уперся коленом в койку... И ворвался главный врач, восклицая "Годен!" или "На фронт!". Вдруг он увидел Лойзика, стоящего на одной ноге. "Одноногий! Его домой, вас (это врачам) — на фронт!" И Лойзик был демобилизован и стал получать пенсию как одноногий инвалид. Он продолжал получать ее и после войны, обманывая уже Чехословацкую республику. И вот он замечает, что одна нога его тоньше другой. Она слабеет. Он ходит с палкой. Атрофия мышц на нервной почве. "Мы ничего не можем поделать", — говорят врачи. Тогда Лойзик идет каяться, а каяться есть в чем, он уклонялся от воинской повинности и обманул казну на значительную уже сумму. Но его покаяние никто не хочет выслушивать: "Ну и что же, что у вас две ноги, все равно одна сухая..." В конце концов он добивается своего — его начинают таскать по судам за обман государства. Зато нога у него начинает крепнуть, ему лучше... Наверное, оттого, что ему теперь все время приходится ходить по разным канцеляриям:

тренировка мышц!

Нет, это не от постоянной ходьбы. Наверное, оттого, что существование ноги признали официально. Велика сила официальной бумаги!

Это остроумно. Но это ли концепт новеллы?

Нет. "Или, пожалуй, нога усыхала у него потому, что владел он ей, собственно, незаконно: дело-то было нечисто, а это всегда за себя мстит".

Человек, незаконно владеющий собственной ногой. Это блестяще. Его мучает совесть: у него две ноги. Об отчуждении здесь сказано больше (и вернее), чем в толстых книгах. Что же — концепт?

Нет. "Скажу вам, друзья, чистая совесть — вот лучшая охрана здоровья, и если бы люди жили по справедливости, то, может быть, и не умирали бы..." Концепт объявлен. Он ошеломляющ. Ведь физиологических причин, по которым человек должен умирать, строго говоря, нет. Тем не менее люди умирают. Теперь понятно, почему.

Разумеется, такое удастся только Чапеку и равновеликим ему писателям, которых было немного.

Напротив, бездарные писатели приучили читателей к текстам, где мораль светит из каждой строчки, да и критики к этому приучали авторов не только в годы тоталитарной диктатуры, а просто веками.

Осмеянные еще М. Ю. Лермонтовым¹ поиски концепта (осмеянные именно как показатель детской незрелости понимания) из критики не исчезали. Вот что писал о чеховском "Черном монахе"

¹ См.: *Лермонтов М. Ю. Собр. сочинений*. В 4-х т. — Л., 1981. — Т. 4. — С. 275.

Н. Михайловский: "Но что означает самый рассказ? Каков его смысл? Есть ли это иллюстрация к поговорке: "чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало", и не следует мешать людям с ума сходить, как говорит доктор Ратин в "Палате № 6"? Пусть, дескать, по крайней мере те больные, которые страдают манией величия, продолжают величаться, — и в этом счастье, ведь они собой довольны и не знают скорбей и уколов жизни... Или это указание на фатальную мелкость, серость, скудность действительности, которую надо брать так, как она есть, и приспособляться к ней, ибо всякая попытка подняться над нею грозит сумасшествием? Есть ли "черный монах" добрый гений, успокаивающий утомленных людей мечтами и грезами о роли "избранников божиих", благодетелей человечества, или, напротив, злой гений, коварной лестью увлекающий людей в мир болезни, несчастья и горя для окружающих близких и, наконец, смерти? Я не знаю". И нет сомнения, что это — не риторическая фигура. Он (человек исключительной честности) и вправду не знает. Он огорчен. Он понимает, что это иная литература, не такая, какой должна быть честная русская литература на рубеже XX века: она не учит. Где мораль, концепт, о чем это? Тогда все знали, зачем и о чем "Гамлет" и "Дон Кихот" (о "Дон Жуане" не было достаточно твердого мнения, но, в общем, было ясно, что он не зря проваливался в ад).

Сомнения возникли позже. Интерпретации демонстрировали исключительное богатство вариантов понимания и одновременно столь же исключительные смысловые возможности классических литературных текстов. Не прекращались и попытки аллегорических (по башенной модели) трактовок.

Есть у Тургенева блестящая новелла "Песнь торжествующей любви". Два друга любят девушку, она избирает одного из них, Фабия, а другой, Муций, — уезжает на Восток. Фабий и Валерия живут тихо и счастливо, вот только детей у них нет, но в этом ли главное? Главное — любить друг друга... Проходит несколько лет и вдруг возвращается Муций, сдержанный, смуглый, с немой слугой-малайцем (немой, да не глухим — ему обрезали язык, чтобы он никому не мог сообщить некую великую тайну, которая стала ему известна). Супруги рады старому другу, он остановился у них, показывает маленькие восточные чудеса, делает им подарки, замечательно играет на скрипке. Играет он и мелодию, это она — "Песнь торжествующей любви". Она обладает колдовской, манящей силой. Муций играет ее и по но-

чам. И с закрытыми глазами уходит к нему с супружеского ложа Валерия, уходит не просыпаясь... Муж проснулся, бросился в сад, увидел Муция и ударил его ножом. Валерия просыпается, ничего не помня, но с чувством огромного облегчения. Фабий идет в комнату Муция, он понимает, что убил его... Малаец его не пускает. Фабию

¹ См.: Русское богатство.— 1900.—№ 4.—С. 132—133.

удается подглядеть, как колдует малаец, как подчиняется ему безжизненное тело. Наутро они уезжают, Муций едет верхом с полужакрытыми тусклыми глазами.

Все миновало. Валерия как прежде сидит за клавесином, она любит играть (уже несколько недель прошло, переживания позабылись, Фабий ничего ей не рассказал). И вот под ее пальцами против ее воли зазвучала "Песнь торжествующей любви", и она почувствовала в себе трепет пробуждающейся жизни.

"Что это значит? Неужели же...

На этих словах обрывается рукопись".

Так заканчивает новеллу Тургенев, поясняя, что просто перевел старинную итальянскую рукопись... Это, понятно, не более чем прием. Ничего он не переводил. Просто это было написано в соответствующем стиле и безумно увлекательно, ярко, пугающе сильно.

В России (Тургенев жил тогда во Франции, где его вещь оценили сразу крупнейшие мастера) происходили бурные события. Освобождение крестьян, нигилисты, реакционеры, трон шатается. А Тургенев неожиданно печатает "Песнь торжествующей любви", причем противиться силе впечатления, которое она оставляет, просто очень трудно. Как же это объяснить, ведь она не о том, не про то, что волнует общественность. Ищут объяснения. Находят.

Тургенев в письме к Анненкову от 5 мая 1882 г. писал, что "в России разгадали настоящее значение "Песни торжествующей любви": Валерия — это Россия; Фабий — правительство; Муций — который хотя и погибает, но все же оплодотворяет Россию,— нигилизм; а немой малаец — русский мужик (тоже немой), который воскрешает нигилизм к жизни! Какова неожиданная аллегория?!"¹. Сейчас это смешно читать, а ведь вопрос принципиальный. Как же можно, не "отражая действительность", так взволновать читателя? Вот отсюда и неожиданная аллегория.

Есть и другое объяснение: Тургенев, автор "Дыма", "Нови", "Отцов и детей", просто не мог не "отражать действительность". Вот он ее и отразил. В зашифрованном виде. Почему в таком виде? А искусство по своей природе есть способ превращать "прямыки в обиняки"².

И еще объяснение... Я не буду их перечислять, потому что все они говорят о чем угодно, только не о "Песни торжествующей любви".

Так о чем же эта "Песнь"?

А о любви.

И все-таки было нечто в этой новелле, что побудило Гумилева написать:

¹ См.: Красный архив — 1929.— Т. 1 (XXXII) — С. 198.

² Последнее, кстати, верно. В искусстве косвенное действует сильнее прямого, и это один из главнейших его законов. Всякое искусство условно.

Чума, война или революция — В пожарах села, луг в крови, Но только б пела скрипка Муция Песнь торжествующей любви.

Написано это было в тихом 1912 году. Ни войны, ни революции, ни горящих сел, и "след кровавый" не "тянется по сырой траве". Да ничего этого нет. Но что-то скрывалось в этой новелле, какое-то "несмотря ни на что", и ощущалось — смутно, но ощущалось. Чувствуется это и теперь.

Соответственно не следует делать вывод, что, например, "1984" Джорджа Оруэлла — роман о любви и пытках, хотя там вдоволь того и другого. Смысловый центр романа неотвратимо перемещается в сторону генерального его вывода (я не буду его приводить и обсуждать). Скажу лишь, что он связан с самой природой человека.

Как и "Сон Попова", хотя здесь вроде бы все другое — иное время, иная страна, иные люди. И

все же это — не пустое сопоставление.

Перу Алексея Константиновича Толстого, замечательного поэта и драматурга, принадлежит сатирическая поэма "Сон Попова", которую я вам искренне советую прочесть. Видному чиновнику Попову снится, что он пришел на прием к министру без штанов. Все остальное на месте, штанов нет. Уйти не успел — уже входит министр. Он, как мы сказали бы теперь, демократ:

Мой идеал — полнейшая свобода. Мне цель — народ, а я слуга народа. Прошло у нас то время, господа, Могу сказать — печальное то время — Когда наградой пота и труда Был произвол. Его мы свергли бремя... —

говорит министр. Узнаете? Не верится, что уже сто с лишним лет прошло. И цель вполне современная:

Имущим, так сказать, и неимущим Открыть родник взаимного труда. Надеюсь вам понятно, господа? Одним словом, болтовня. Причем хорошо знакомая — не цитирую. Ничего же не меняется, или, точнее говоря, "чем больше все меняется, тем больше все остается тем же самым". (Перевод этой пословицы, пожалуй, неуклюж, но суть ее ясна). Вернемся к министру и Попову.

Министр увидел Попова без штанов. Разгневался невероятно. Решил, что Попов таким символическим путем решил изобразить бюджет: все, что выше пояса — расходная часть, а ниже — доход- ная Доходы "блистают полным отсутствием". Да и вне всяких там аллегорий — как он смел прийти без штанов в министерство? И немедленно велит отвести его в "весьма красивый дом",

Своим известный праведным судом.

А зачем, спрашивается? Да все за тем же:

Чтобы его — но скрашиваю речь — Чтоб мысли там внушить ему иные. Затем ура! Да здравствует Россия!

Руководитель органов даже и не требует от него "признательных показаний", и так сразу видно, что — преступник, а немедленно ставит классический вопрос: где сообщники?

...всех их назовите И собственную участь облегчите!

Попов достойно и наивно отвечает:

Ведь панталон-то не надел я сам! И чем бы вы меня там не пугали, Другие мне, клянусь, не помогали.

— Ах, вот как! — говорят ему. — Хорошо. Перед вами бумага и перо.

Пишите же — не то, даю вам слово, Чрез полчаса вас изо всех мы сил... Тут ужас вдруг такой объял Попова, Что страшную он подлость совершил: Пошел строчить (как люди в страхе гадки) Имен невинных многие десятки.

Далее у Толстого следуют знаменитые строки, которые сто с лишним лет повторяют:

Попов строчил сплеча и без оглядки. Попали в список лучшие друзья. Я повторю: как в страхе люди гадки — Начнут, как Бог, а кончат, как свинья!

Прочитав все, что написал, Попов пришел в ужас и проснулся...

Концепт поэмы А. К. Толстого "Сон Попова" непосредственно в тексте не объявлен. Поэма — не басня. Но концепт у нее, само собой разумеется, есть. Только вот — какой? Лев Толстой говорил: "Смысл его поэмы в том, что самодержавие — кошмарный сон, оно так нелепо, что даже Попов без панталон может показаться ему опасным. Но надо сделать небольшое усилие, чтобы проснуться от этого кошмара, и ничего от него не останется"¹.

Видно, что и стражи, и критики режима равно считали его крайне неустойчивым.

Более того, если вспомнить, как от легкого, в сущности, толчка рухнуло и осыпалось российское самодержавие в феврале 1917 года², видно, что у Льва Толстого были основания характеризовать концепт поэмы именно так, как он его характеризовал.

Кто знает, может и автор поэмы так думал.

Писал, однако, свою поэму Алексей Константинович Толстой в 1873 году. Еще до Александра III. О цареубийствах и революциях рассуждали тогда теоретически. Потом все это произошло. А тогда о деле Дрейфуса и помыслить никто не мог, не то, что о контрразведках, чрезвычайных комиссиях, гестапо и НКВД. Оказалось, что от кошмара очнуться невозможно. Великий русский писатель пишет роман об Иисусе, Пилате, Дьяволе, Мастере и

Любви (и здесь дело не обходится без показаний и руководителя контрразведки), роман увлекательный и сложный, но с объявленным концептом. Он незатейлив: "Трусость — самый страшный из пороков".

Не этот ли концепт доминирует в "Сне Попова"?

Время покажет.

Там ведь и еще ряд любопытных мыслей есть. Они любопытны и сами по себе, и тем, что они, как оказалось, регулярно всплывают на поверхность общественного сознания. Прочитаете и сразу заметите, по крайней мере, еще два вероятных концепта. Я их вам называть не буду.

¹ Сергеев А. Из воспоминаний о Л. Н. Толстом // Наука и жизнь. — 1979. — № 1. — С. 149.

² "Этот переворот явился зрелым плодом, упавшим с дерева", — говорил в марте 1917 г. А. И. Гучков. (Гучков А. И. Корабль потерял свой курс. — М., 1991. — С. 32).

Текст и его существование.

Рассмотрим вопрос о *существовании текстов*. Начнем с примера. Но сначала войдем в содержание. Америка Наши дни. Пригородный поезд, полупустой вагон, в нем всего пятеро пассажиров. Сейчас — на протяжении буквально одной страницы — мы о них кое-что узнаем. Кое-что, а может быть и многое. Итак, входит контролер.

"— Билеты,— произнес контролер.

— Воздух,— сказал Дортмундер.

Контролер остановился в проходе с компостером в руке.

Что?

В вагоне нет воздуха,— пояснил ему Дортмундер.— Окна не открываются, и воздуха не хватает.

Вы правы,— ответил контролер.— Могу я посмотреть ваши билеты?

Сможем мы получить немного воздуха?

Об этом надо спрашивать не меня. Железная дорога гарантирует ваш проезд. Воздух она не гарантирует. А мне нужны ваши билеты.

А мне нужен воздух,— сказал Дортмундер.

Вы можете сойти на следующей станции,— предложил контролер.— На станции воздуха полно.

Келп, сидящий рядом с Дортмундером, потянул его за рукав.

— Брось. Это ничего не даст.

Дортмундер посмотрел на лицо контролера и понял, что Келп прав.

Он пожал плечами и протянул свой билет. Келп сделал то же самое. Контролер пробил их билеты, потом пробил билет Марча, сидящего напротив Гринвуда и Чефуика. Так как кроме этих пятерых пассажиров в вагоне не было, контролер медленно двинулся по проходу и вышел из вагона, оставив их одних.

Общение с такими типами удовольствия не доставляет,— заметил Келп.

Это верно,— сказал Дортмундер, оглядываясь кругом.— Оружие есть?

Келп возмущенно запротестовал.

Дортмундер! Ведь парень не виноват, что здесь не хватает воздуха!

О чем ты?... У кого есть оружие?

У меня,— ответил Гринвуд, доставая из кармана "смит-и-вессон", пятизарядный короткоствольный револьвер 32-го калибра, и проткнул его рукояткой вперед.

Спасибо.— Дортмундер взял оружие, перевернул револьвер так, чтобы держать за дуло.— Прости, — сказал он Келпу и, перегнувшись через него, ударил рукояткой по стеклу.

Эй! — воскликнул Келп.

Воздух! — Дортмундер отдал револьвер Гринвуду.— Большое спасибо.

Гринвуд казался несколько смущенным.

— К твоим услугам,— ответил он, разглядывая рукоятку в поисках царапин. Царапин не оказалось, и он спрятал оружие в карман.

Воскресенье, десятое сентября. Ярко светило солнце, и в свежий воздух, врывающийся в разбитое окно, вплетались острые ароматы позднего лета. Поезд, мирно постукивая, катил со скоростью тридцать километров в час, давая пассажирам возможность насладиться загородным пейзажем". Пусть поезд уходит. Все интересное у них впереди, и очень интересно их *понимать*. Обратите внимание, сколь многое сказал нам автор (Дональд Уэ-стлейк), ни слова не сообщив сверх точного описания происходящего.

Эти хорошо одетые молодые люди готовы на многое. Каков этот Дортмундер! Причем, заметьте, другие знают, что от него можно всего ожидать, и никогда не известно, что же именно он сейчас сделает. Но он сделает. Ему душно — он обращается к кондуктору. Тот нахамил — он берет револьвер. Кто его знает, что он будет делать. Может быть, убьет кондуктора. Может быть, выбьет стекло. Остановить его нельзя. Это характер. А Гринвуд? Просят оружие — он дает. Его интересует только, не поцарапали ли рукоятку "смит-и-вессона": он его любит. Или Келп. Этот добродушный общительный малый хорошо знает, зачем спрашивают "у кого есть оружие?". Они все друг друга знают. Просто двое вообще ни слова не говорят. Невозмутимы. Дышат свежим воздухом. Наслаждаются ароматами позднего лета.

Это гангстеры.

Это сильные, уверенные в себе люди и — автор это очень тонко показал — абсолютно не уважающие общества.

И это ситуация.

Вся наша жизнь может быть представлена в виде серии сменяющих друг друга, все чаще повторяющихся ситуаций. Потом приходит последняя — ситуация смерти.

Это *скрипт* нашей жизни. А вот содержательная сторона происходящего, его причина — это *фрейм*.

Но сейчас речь идет о тексте.

"Ситуация может быть представлена в виде последовательности элементарных событий, сочетающихся по определенным правилам. Точно так же ситуации, сочетающиеся по определенным правилам, образуют последовательность, называемую сюжетом"¹. Весь роман Уэстлейка и построен в виде серии таких ситуаций.

Скрипт здесь отождествлен с сюжетом, во-первых, по существенно значимому признаку, а, во-вторых, "в данном случае речь идет о возможности автоматизации таких видов создания литературных сочинений и фильмов, которые при определенных условиях являются наиболее эффективными и содержат наименьшее количество информации (последние два обстоятельства связаны между собою и сопряжены со степенью распространенности этих видов литературы и искусства..."²

В данном конкретном случае мы имеем дело с текстом, который принадлежит к числу сюжетных, таких, как "худониты", "хаудониты" и "вайдониты". Они нам не слишком знакомы, но еще найдут распространение, их следует знать. Эти термины непосредственно

¹ *Иванов Вяч.Вс.* Некоторые вопросы машинного перевода в СССР // Доклады конф. по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста.— М., 1961.—Вып. 10.—С. 18.

² Там же.— С. 19.

связаны с четвертым — "фриллер" (у нас обычно пишут "триллер").

Вот слова Альфреда Хичкока, режиссера, с именем которого связано утверждение в кинематографе новой сюжетной структуры, получившей название "триллер": в классическом детективе "нет напряженности, там имеется лишь нечто вроде интеллектуального расследования. "Whodunit" вызывает любопытство, начисто лишенное эмоций, а переживание есть необходимая составная часть напряженности"¹.

Хичкок предъявляет классическому детективу серьезный упрек: он обвиняет его в неумении (или, скорее, нежелании) взволновать. В соответствии с американской традицией в качестве синонима термина "тек" (детектив вообще, включая английский классический) Хичкок

использует термин "Whodonit", образованный из выражения "Who's done it?" (Кто это сделал?). По типу построения сюжета в детективе различаются еще "Howdonit" и "Whydonit", возникшие из речевых оборотов "How's he done it?" (Как это он сделал?) и "Why's he done it?" (Почему он это сделал?). Хичкок имеет в виду все три.

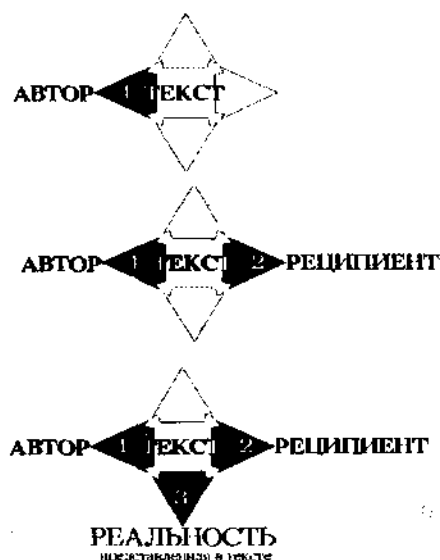
Все сюжетно организованные, да и вообще едва ли не все, тексты образуют смысловые системы.

Смысловые системы имеют ряд конкретных признаков. Прежде всего, это системы соотносимые. Так, существенным признаком осмысленности текста является его соотносимость с некоторыми другими текстами; в простейшем случае эти другие тексты — вопросы. Осмысленный текст содержит ответ на некоторые конкретные вопросы, а бессмысленный — нет. Хотя он может состоять из тех же самых слов и даже фраз, ответов на последовательную серию вопросов в нем нет, он не упорядочен в смысловом отношении. Смысловая упорядоченность — это определенный (и довольно высокий) уровень отражения действительности. Необходимое условие смысловой упорядоченности — это отражение действительных объектов и связей между ними как неравнозначных. В смысловом анализе метафора "цепь событий" обретает терминологическое значение. Цепь — это смысловая характеристика двух модальностей взаимосвязанных событий: во-первых, связи между ними неравнопрочны, во-вторых, это связи между *значениями* этих событий.

То, что действительные явления и связи между ними семантически неравнозначны, имеет принципиальное значение для понимания действительности и продуктивной деятельности. Когда архитектор говорит о 'смысловых узлах' сооружения, он имеет в виду существование таких его звеньев, в которых концентрируются, переплетаются важнейшие связи между элементами сооружения как системы. Когда психолог говорит, что "сознание в целом имеет смысловое строение",

¹ *Truffaut F. >be cinema selon Hitchcock.* — Paris, 1966. — P. 53.

он имеет в виду и его "отношение к внешнему миру" и то, что оно "имеет системное строение". Именно через соотношение с действительностью смысловые системы участвуют в регуляции деятельности. Процессы, происходящие в реальной действительности, действительные события и связи между ними неравнозначны с точки зрения человеческой практики. Но отсюда еще не следует, что их надо рассматривать только под углом зрения "личностных смыслов". События значимы объективно, сами по себе. Событие тогда становится главным, когда оно способно определяющим образом повлиять на будущее. Обращение к динамике существования систем, их понимание в контексте направленного движения является принципиально важной особенностью глубинного понимания мира. А глубинное понимание мира включает в себя и понимание реальности, и понимание самого человека, и понимание дел его. И понимание слов его, конечно, тоже.

Смысл — это такое отражение реальности, которое может стать и становится ее частью — как текст, как деятельность; смысловые системы непосредственно или опосредованно соприкасаются с реальностью, остаются мостом, соединяющим ее с сознанием личности. Тексты — такие мосты.

Текст — это смысловая система, которая существует в пяти отношениях, три из которых — основные.

Первое отношение: коммуникатор — текст.

Например, автор.

Например, Лермонтов.

Поручик Лермонтов в расстегнутом сюртуке, в давно не стирной красной рубашке. Заломив фуражку с выгоревшим холщовым верхом, он исполнял возложенные на него поручения с отличным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших врывался в неприятельские завалы. В студенческие годы он был влюблен в Вареньку Лопухину ("у Вареньки родинка. Варенька уродинка!"), которая зевала за пальцами, слушая его стихи. От "нее осталось мне только одно имя, которое в минуты тоски привык я произносить как молитву".

И я твержу один, один. Люблю, люблю одну... "Никогда не забуду того спокойного, почти веселого выражения, которое играло на лице его перед дулом пистолета, уже направленного на него", — вспоминал секундонт.

"Положительного религиозного смысла, может быть, и не имеет его бесстрашие, но оно все-таки кладет на личность его неизгладимую печать подлинности: хорош или дурен, он во всяком случае не казался, а был тем, чем был. Никто не смотрел в глаза смерти так прямо, потому что никто не чувствовал так ясно, что смерти нет"¹. Мне чудится неизмеримо большее: он знал, что смерть есть. И накануне поединка играл с Эмилией Александровной в "кошки — мышки". Это автор. А вот текст:

Ну вот теперь у вас для разговоров будет Дня на три тема.

И верно в вас к себе участие возбудит Не Миллер — Эмма. Экспромт представляет затруднения для понимания, но они легко устранимы, если учесть, что сказано это уже после ссоры с Мартыновым, после вызова. Ми(хаи)л Лер(монтов) — Миллер, а М(ихаил) Ма(ртынов) — эММа. Теперь второе отношение: текст — аудитория. Есть такие тексты, которые жили и будут жить тысячи лет, актуализируясь в сознании слушателей, в сознании аудитории.

Все хорошо известно, что 1000-летие "Манаса" — дата условная, может быть, эпос и старше. Но вот статья, в которой рассматривается проблема сугубо современная — кадровая политика президента А.

¹ Мережковский Д. С. Поли. собр. соч. — М., 1901. — Т. Ю. — С. 311.

Акаева. Автор рассчитывает коэффициенты профессиональной компетентности и уровни профессиональной подготовки, исследует уровень понимания сути происходящих перемен, убежденность в необходимости реформ — и условно подразделяет лиц стратегического влияния на четыре основные группы, исходя из экспертных оценок их взглядов и деятельности. Что же это за группы? Предоставим слово автору.

"В группу "Бакай" входят лица с хорошей профессиональной подготовкой, достаточно компетентные в своей сфере деятельности, понимающие суть происходящих перемен и достаточно убежденные в правильности проводимого курса реформ; в группу "Кокчо" входят компетентные люди с хорошей профессиональной подготовкой, но в силу некоторых причин не до конца воспринимающие суть проводимых преобразований; в группу "Чоро" входят люди с низким уровнем профессиональной подготовки, но в достаточной степени убежденные в необходимости и правильности проводимого курса реформ; в группу "Козкаман" входят люди, у которых слабая профессиональная подготовка и их компетентности явно недостаточно для конкретного направления деятельности, которые не понимают сути перемен или не поддерживают проводимую политику реформ"¹.

Не будем входить в оценку классификации как таковой (может быть, следовало выделить три исходных показателя), но согласитесь, что подбор девизов для групп производит впечатление и способствует пониманию основной мысли социолога.

А теперь самое время задуматься над тем, почему в классификации отсутствуют группы "Алмамбет" и "Чубак". Исходя из характерологических особенностей Чубака, происхождения и жизненного пути Алмамбета, можно было поискать и еще некоторые параметры для экспертной оценки. А может быть, социолог знает реальную ситуацию и считает, что в ней уже не осталось места для представителей этих гипотетических групп?

Никто не сомневается в том, что суть "Манаса" — не повод для социологического анализа. Про это не стоит и говорить. Тут речь совсем об ином: текст стал составной частью менталитета, и сагиттальные свойства текста таковы, что его элементы находят точки смыслового соприкосновения с действительностью. Текст не уходит из сознания, продолжает играть не только культурно-историческую, но и эвристическую роль. А это важно.

Обратимся к третьему отношению: текст—реальность, в той форме, в какой оно нашло преломление в творчестве Евгения Рейна, "трагического элегика", как называл его не так давно Иосиф Бродский.

¹Каптагаев Э. О феномене перемен в системе власти или некоторые соображения о кадровой политике // Приложение к "Асаба".— 1994.— № 2 — 3.

Реальность берется (в данном случае) в контексте историческом. С начала века Япония упорно шла вверх. Цусима, Порт-Артур — русские терпят поражение. Новая война. Шанхай, Пекин, Нанкин — Китай близок к краху. Он еще не побежден, но адмирал Ямамото решил выиграть войну ударом по Америке и посчитал это возможным при одном условии — если она начнется внезапно.

И моряки, и авиаторы сомневались в успехе. Но Ямамото остался тверд. Он шел на большой риск и знал это. 7 декабря 1941 года американский флот потерпел величайшее поражение в своей истории. Ямамото добился своего. Американское командование знало — такого флотоводца, как Ямамото, у японцев нет и больше не будет — такие рождаются раз в сто лет. Американской разведке стало известно, что адмирал вылетел на один из островов Тихого океана. Истребительной авиации был дан приказ — "перехватить и уничтожить объект". Над берегом маленького острова перехватчики настигли и сбили самолет, в котором летел Ямамото, и он упал в лес, ломая деревья. Он и до сих пор лежит там, в чаще, упершись обломками крыльев в мощные стволы пальм, словно пытаясь подняться. А в землю уходит покрытая маленькими иероглифами плита: "Здесь погиб в бою...". Прошло полвека.

Саксофонист, японец, типичный самурай

Играет на эстраде "Живи, не умирай".

А ну, скажи, Цусима, ответь мне, Порт-Артур,

Махни косой, раскосый, из этих партитур.

Там, в Тихом океане, торпедный аппарат. Неужто нет возврата куда-нибудь назад? Надень свои петлицы, сними свои очки, Одной засохшей клумбы мы оба червячки.

Над пушками линкора последний твой парад Неужто нет возврата куда-нибудь назад? Что скажет Ямамото в открытый шлемофон? Чем кончится проклятый, проклятый марафон?

Ты рухнешь над заливом на золотое дно...

Сыграй мне на прощанье — уж так заведено,

Скажи на саксофоне — рай это тоже ад?

Неужто нет возврата куда-нибудь назад? Это великая проблема. Может быть, проще всего заявить, как это сделал Фукуяма, что история человечества закончилась вообще? И будут уже не нужны ни герои, ни линейные корабли, ни великие империи, а только всеобщая рыночная экономика, мир, в котором все продается и покупается: и вещи, и женщины, и музыка, и человеческая жизнь. В этом ли идеал? "Неужто нет возврата куда-нибудь назад?" Но почему же назад?

Проблема состоит в том, что тот, кто не находит идеала в будущем, ищет его в прошлом. Это непреложный закон исторической психологии. И каково его значение для нашей с вами реальной жизни — это нам еще предстоит узнать. Это и от нас зависит. От всех.

Существует "пушпульный", как говорили в 30-е годы, метод понимания текста (от англ. push-pull, что переводят как "тяги-толкай", но смысл этого выражения шире). Согласно этому методу, действительность сопоставляется с текстом дважды: в первый раз реалии освещаются текстом, мы видим их по-новому; потом мы снова обращаемся к содержательной и смысловой сторонам текста. Вот, например, рад выдержек из работы филолога В.Турбина "На рубеже молчания":

"Крупнейшая трагедия современности — в необратимом разрыве функций отца и учителя; масштабов ее мы еще не представляем себе.

...И отсюда трагедия Тараса Бульбы: возжелавши стать учителем своих сыновей, отец ищет единомыслия с ними. И удел его — провал, катастрофа.

Жутковато сходство гоголевского героя с нашим отцом и учителем, оно до деталей, до мелочей простирается. Два сына и один погибает во вражеском плену, а другой — вертопрах, карьерист, да к тому же и по части прекрасных паночек, насколько мы знаем теперь, не промах; к полякам, правда, не перешел, но продолжателем дела отца не стал. Беспощадно грубое отношение к жене, к женщине. Причастность к образованию в духовной семинарии. Громогласно произнесенный тост за русский народ. И далее — вплоть до характерных элементов портрета: усы, трубка, красочно описываемая всеми биографами. Горемыки зэки звали Сталина "Усатый батя". А люди моего поколения помнят: осенью 1941 года Николай Смирнов-Сокольский выступал с патетическим фельетоном, в коем наш отец и учитель напрямую отождествляется с героем Гоголя (в те поры почтительная фамильярность с ним еще допускалась). "Но трубка трубкой, а главенствует, разумеется, сходство социально-психологических функций". "Свято место пусто не бывает", — продолжает В. Турбин, переходя к тому, как с "удивительной точностью" подтвердили его "гипотезу-концепцию" (так он определяет свою идею) воспоминания А. Авдеенко, которого раз вызвали в ЦК, дабы критиковать, что в те времена могло кончиться плохо.

"Нас пригласили куда-то: проходите!.. Мы... вошли в какую-то узкую дверь, миновали тамбур, прошли коридор и попали в большой, ярко освещенный зал. За столами, друг против друга — каждый за отдельным столом — сидят люди. На возвышении, за светлым дубовым столом никого нет. Слева от возвышения — трибуна. Это зал заседаний Оргбюро ЦК ВКП(б). Но одновременно догадка вдруг вспыхивает: да это же... школа! Узкая дверь — тамбур — коридор; повторена структура стандартной сельской школы, средней общеобразовательной школы. А где тождество структур, там, как правило, есть и тождество функций: в зале-классе как бы к доске вызывают; и попавшиеся, уличенные в пагубных замыслах школьники, пытаются оправдаться, лепечут, бормочут что-то; так пытался что-то пробормотать и бедняга писатель. Зря пытался..."

Заметьте здесь основную формулу: "где тождество структур, там, как правило, есть и

тождество функций". Она объясняет, зачем проводить операцию сравнения. Тут любопытно, что и у А. Авдеенко в свое время возникли такие же аналогии, как у В. Турбина.

"Почему он один по-хозяйски расхаживает по залу, а все сидят, затаив дыхание, ни живы, ни мертвы? Почему один чувствует себя свободным, а все сами себя добровольно сковали?"

Похож на *учителя с указкой в виде курительной трубки*, а все — на провинившихся школьников-первоклашек".

Далее у Турбина следуют соображения неожиданные и странные, но любопытные. "Бульба — образ автобиографический. Герой Гоголя потерпел катастрофу как учитель и как отец.

Тем не менее Гоголь всю жизнь своей стремится его повторить: стать отцом всех неприкаянных, грешных героев своих, их учителем-духоносцем. В этом видел он свою миссию, отсюда-то и попытка его создать сакральный текст: "Выбранные места из переписки с друзьями". Но если не осуществилось у Гоголя на основе ревностно чтимого им христианства, могло ли осуществиться на основе принципиального атеизма? Наш отец и учитель тоже всю жизнь создавал сакральный текст: и "Вопросы ленинизма" — что-то вроде "Выбранных мест...", изучение которых и следование которым уже чисто административно было вменено в обязанность верноподданным — "детям". Все стало прочно, незыблемо, и "Усатый батюшка" превзошел и Тараса Бульбу, и создателя этого эпического образа. Всех обучил. И, кстати, вовсе не случайность, не какая-то прихоть деспота его труды по вопросам языкознания: появились они потому, что учитель должен обучать несмышленишей-детей языку, родной речи. Вся страна была превращена на какое-то время в единую классную комнату, и в самых отдаленных колхозах, обобранных и голодных, председатели и парторги-крестьяне, про себя чертыхаясь, обязаны были одолеваять премудрости рассуждений о происхождении русского языка из орловско-курского диалекта. Но грянула и моральная катастрофа. Моральная катастрофа Сталина была предсказана ровно за 101 год: Гоголь умер в начале марта 1852 года. Сталин — в начале марта 1953".

Вообще говоря, тут все спорно, и недаром Шкловский говорил, что аналогии в науке методологически ненадежны, ведь если судить "поанalogии" с твердыми телами, вода, охлаждаясь, должна бы сжиматься — а это, как вы знаете, совсем не так.

Но суждения В. Турбина, хоть они и вполне оспоримы, обладают большой эвристической силой: иначе говоря, они побуждают искать у текста, выступающего как система, точки смыслового и содержательного соприкосновения с реальностью.

Мнения о гипотезе В. Турбина различны, но все сходятся на том, что он правильно уловил присущую текстам Гоголя сагиттальную силу.

Что это значит — "сагиттальная сила"? Этот термин происходит от латинского *sagitta* — "стрела" и отражает особое свойство текста находить себе "мишени" в реальности. Очень точно могут быть обозначены мишени в публицистических статьях. Но на самом деле их сагиттальная сила невелика и может быть исчерпана за один день, как это зачастую и бывает с газетными статьями.

Художественная и научная литература — дело другое. В. Турбин нам это убедительно проиллюстрировал. Прав ли он — это уже иной вопрос, его надо обсуждать особо, потому что его решение выходит за рамки понимания содержания и смысла *текста* и переходит в сферу понимания того, что происходило на *самом деле*.

А вот *что* происходит в самом тексте?

Сагиттальные свойства текста связаны с расположением его элементов по стреле времени, с тем, что у него есть начало и конец. Казалось бы, стоит ли терминологически фиксировать столь очевидные вещи. Но дело в том, что наука вообще не чурается очевидного как предмета исследования; ведь если какие факты (и связи между ними) лежат на поверхности, это никак не означает, что по поверхности должно скользить их понимание.

Что, например, может быть более явным и более очевидным, чем сагиттальные свойства текста, известного читателю со школьных лет, — текста гоголевского "Ревизора"? Вы помните, что незадачливый городничий принимает за ревизора некоего Хлестакова, живущего со слугой Осипом в гостинице и порядком задолжавшего за номер. Долги Хлестакова служат городским чиновникам удобным поводом для того, чтобы "помочь проезжающему" —

ему дают взятки; за очень короткий срок он довольно подробно знакомится с положением дел в городе: ему врут, конечно, но ему и жалуются, он узнает всех, кто торгует, отвечает за порядок, лечение, учение... Хлестаков ведет себя с вызывающим легкомыслием, но нет, никто ничего не хочет замечать, он скоропалительно делает предложение дочери городничего, уезжает под пустым предлогом. Из случайно перехваченного письма (впрочем, не столь уж случайно: местный почтмейстер вообще любит почитать чужую корреспонденцию), одним словом, из письма, вскрытого почтмейстером, явствует, что вся чиновная верхушка во главе с городничим одурачена. Все поражены. Вдруг входит жандарм: "Прибывший по именному повелению ревизор требует вас к себе! Он остановился в гостинице"...

Немая сцена.

Так вот, в постановке Игоря Терентьева немая сцена воистину потрясала. Слова: "Он остановился в гостинице" магически (не подберу другого слова) возвращали зрителя к началу пьесы. Звучала странно знакомая интонация. В голубом мундире жандарма перед городничим, перед чиновниками, перед нами стоял... Осип.

И становилось ясно: Хлестаков на самом деле был ревизором. Он провел и изобличил городничего и его приспешников с вызывающей уверенностью. Беззакония творились у него на глазах и, можно сказать, при его участии (в сущности такие методы применяются и поныне: ФБР изобличает взяточников с помощью подставных взяткодателей. Подобные методы никак нельзя назвать этичными, но это уже другой вопрос).

Вы вправе возразить, что Гоголь подобную интерпретацию в виду не имел. Бесспорно. Его интерпретацию все читатели знают хорошо — но глубоко ли они понимают мысль Гоголя? Ведь "Ревизор" — название не случайное. И даже более эффектные приемы были предложены до Гоголя: например, внезапно заболевшего актера, в орденах, положенных ему по роли, в провинции принимают за генерала, приехавшего из столицы. Но не сюжетные ухищрения — главное. Главное в том, что для нас, зрителей, Хлестаков действительно проводит сжатую, содержательную, блестящую *ревизию* дел и нравов верхушки провинциального городка. Никто и никогда не смог бы так полно рассказать официальному ревизору, авторитетной комиссии суть всего, что происходило в этом маленьком городе. Были бы сотни жалоб, тысячи отрицаний, опросов, опровержений, хитростей — и тянулось бы это годами, каждый из нас знает медлительную тяжесть таких запутанных дел и ситуаций. А нахальный, пустой, обаятельный малый буквально за считанные часы высветил нам все самое главное. В этом *смысле* (переносном, метафорическом) он и вправду ревизор. Эту метафору Терентьев овестьил. Он помог нам задуматься над сюжетной функцией образа Хлестакова. Как это было сделано? Путем обращения к последовательности смысловых элементов, составляющих текст. Значение одного из элементов (явление жандарма) было изменено. И разом изменился взгляд зрителя на смысл и структуру пьесы. Здесь была предпринята дерзкая попытка углубить понимание текста, придав закрепленной в названии метафоре буквальный смысл.

Видите, как непросто дело обстоит с пониманием одного только текста как смысловой системы.

* * *

Читатель, видимо, обратил внимание на то, что мы работаем по преимуществу с текстами, понимание которых относимо к 3-ему, нарративному полю понимания.

Эксперимент показывает, что тексты этого — повествовательного — мира обладают значительно большим трансляционным потенциалом, они лучше запоминаются и поддаются пересказу, нежели гораздо более компактные, последовательные и связные тексты мира доказательных суждений.

Чем это объяснить? Быть может, тем, что понимание повествовательных текстов есть одновременно понимание человеком самого себя. "Большинство людей в основе своего отношения к самим себе — повествователи".

Интереснейшую мысль можно найти у С. Ю. Витте, недаром академик Тарле говорил, что у него "огромный и светлый ум". Мысль это такая: "Вообще чтобы охарактеризовать человека,

то самый лучший способ — это провести его через горнило различных, хотя и воображаемых событий и указать, как по его характеру он в таких случаях поступил бы. то есть написать нечто вроде повести или романа, так как в характере человека есть такие сложные аппараты, что их несколькими словами описать очень трудно"².

В процессе общения мысль выражается в текстах. Понятие "текст" в теории общения употребляется в несколько ином значении, нежели в разговорном языке. Обычно под текстом мы склонны подразумевать тексты письменные, даже печатные. А в теории текстом именуют любое последовательное выражение некоторого содержания, не обязательно письменное.

Более того, тексты могут включать в себя не только произносимые или написанные слова. Жесты, мимика, рисунки, условные знаки могут быть органической составной частью текста как выражения мысли. Текст образован сочетанием знаков и представляет собой адресованное, компактное и воспроизводимое выражение некоторого содержания, развернутое по стреле времени (т. е. имеющее начало и конец) и обладающее смыслом, в принципе доступным пониманию; его можно рассматривать в пяти отношениях.

Во-первых, в отношении к действительности, которая в тексте отражена. Таким способом мы судим, например, о том, истинным или ложным является содержание текста, точно ли оно передает факты и т.д.

Во-вторых, в отношении к людям, которым текст адресован и которые должны его понять. Здесь особую роль играет форма выражения мысли.

Музиль Р. Человек без свойств.— М., 1984.— Кн.1.— С. 729. ² *Bumme С. Ю.* Избр. воспоминания.— М., 1991,— С. 383.

В-третьих, в отношении к автору текста. Каковы были его мысли и намерения? Как он их выразил? Почему он вступил в общение? Текст позволяет узнать о его авторе многое, а это в свою очередь помогает глубже разобраться в содержании текста.

Таковы три основных отношения, существенные для правильного понимания текста.

Для большей полноты анализа учитываются еще два момента. Первый: как данный текст связан с предыдущим и последующим; в какой мере он им соответствует, а в какой — противоречит? Ответ на эти вопросы желателен для правильной оценки текста. Второй: какова конкретная обстановка, в которой был создан и воспринят текст; каков его локальный план? Эти вопросы тоже заслуживают всяческого внимания.

Смысловое восприятие текста зачастую целиком зависит от локального плана. Локальный план — это определение места, в котором фиксировано выражение смысла. Так, если слова "жуз сом", написанные на этой странице, и те же слова "жуз сом" на денежной купюре совпадают по лексическому значению, грамматической форме, то по смыслу они весьма различаются. Локальный план, в который вписываются эти слова, совершенно разный. В одном случае это часть текста, в другом случае перед нами сама "сумма". Значение слов здесь различается по месту фиксации их значения.

Тексты оказывают столь серьезное влияние на мысли и поступки людей благодаря *пониманию*.

Язык потому и является важнейшим орудием человеческого общения, что он делает доступными пониманию мысли и чувства людей. Нет сомнения в том, что языковая форма выражения чувств и мыслей — не единственная. Это доказывает, в частности, вся история изобразительного искусства. И все-таки язык по праву занимает первое место среди средств человеческого общения. Он обладает высокой надежностью и эффективностью. Ничто не в силах полностью его заменить.

Самое главное — жить и работать на совесть;
смотреть, слушать, учиться понимать.
Эрнест Хемингуэй

В этой главе предпринята попытка охарактеризовать некоторые принципы, определяющие роль понимания и существенные для образовательного процесса и его результата.

Понимание необходимо.

"У вас серьезный недостаток, — говорил Дега Полю Валери, — вы все хотите понять". Говорят, что в каждой шутке есть доля истины; доля истины в этой остроте, весьма значительна. Как это ни грустно, процесс эффективного обучения и последующего участия в жизни общества покамест зиждется именно на том, чтобы понимать не все. Ограничения, налагаемые обществом на глубину понимания, определяются рядом причин. Во-первых, понять можно то, что имеет смысл, а жизнь индивида, как, впрочем, и общества, носит во многих отношениях абсурдный характер; не просто сложный, не просто непонятный, а хаотичный, случайный, даже нелепый. Во-вторых, традиции предполагают исполнение определенных требований. Соблюдение унаследованных правил и норм, но никак не их углубленное постижение. В-третьих, усвоение знаний предполагает ту меру их понимания, которая необходима для их запоминания. Углубляясь в сущность изучаемых проблем, можно и не сдать экзамен или зачет.

И тем не менее понимание смысла и интенция углубить его понимание является важнейшей составляющей частью культуры. Культура включает в себя и определенное, характерное для данной культуры представление о смысле, и образование как форму приобщения к культуре.

1 Валери П. Об искусстве, — М., 1976. — С. 596.

Культура и правила выражения смысла.

Выражение смысла составляет неперемное условие выполнения коммуникативной, экспрессивной и иных функций языка. В своей сущности система языка представляет систему правил, позволяющую употреблять слова в целях выражения смысла. Здесь намечается определенная аналогия с правилами игры. Это связано со способностью сознания действовать на основе принятой системы правил — способностью, общей для языка и культуры.

Культура, смысл, общение образуют триединство, в основе которого лежит понимание. Вполне очевидно, что существованию и развитию общества сопутствует рост специфически человеческой потребности в общении. Именно эта потребность — коммуникативная — возможно, и лежит в основе порождения феноменов культуры. Чем это объяснить? По-видимому, тем, что любой феномен культуры обращен к людям, становится достоянием их сознания, влияет на их мысли и поступки. Этим способом постоянно поддерживается существование культуры. Иначе говоря, культура в своих конкретных проявлениях включается в коммуникативный процесс, ее социальное существование становится фактом коммуникации. Опять-таки, почему? Потому, что культура опосредует отношение человека к природе и обществу.

Человек и культура неразъединимы. Каждый человек принадлежит к определенной, исторически данной культуре. Это очевидно. Но не менее очевидно и другое — он ощущает, что культура принадлежит ему, и в известном смысле это действительно так. Фундаментальный уровень культуры образует язык. Носителем языка является человек, который не в состоянии произвольно изменять его грамматику и лексику.

Но в то же время язык принадлежит человеку, который свободно им владеет, и начала духовного творчества коренятся в свободном построении текстов. Построить фразу — значит "вести локомотив мысли по рельсам грамматики". Пути построения текста многообразнее и шире.

Конечно, понятие "текст" здесь трактуется широко, в соответствии с принципом выразимости Сирла: все, что человек имеет в виду, он в состоянии выразить с помощью знаков. Но выразить нечто — это одновременно означает ориентироваться на понимание сказанного. В сущности — на людей, которые могли бы вас понять. Вытекающий отсюда вывод отчетливо

формулирует У. Рейтман: "Следовательно, мы не можем говорить об определенном смысле общения, не учитывая конкретного индивидуума, его оператора понимания и тех знаний, убеждений и источников информации, которыми он располагает"

Таким образом, культура включает в себя не вполне точно сформулированное, даже не вполне осознанное представление о смысле. Коммуникативный аспект ее существования включает понимание смысла.

Казалось бы, именно пониманию и следовало бы учить, но это оказалось затруднительным: в процессе исторического развития культуры образование постепенно обратилось в передачу знания, а не в форму развития мышления.

Что нужно для развития мышления.

"Для развития мышления необходимы техника, программа и воля,— утверждал Ницше.— Умение думать... в наших школах теперь уже не имеют об этом ни малейшего понятия"²,— добавлял он. Конечно, говоря "думать", Ницше имел в виду "понять", ведь человек думает, когда он хочет понять. Его триада примечательна тем, что волю он ставит рядом с программой развития способности понимать и овладением технологией мышления. Это была такая традиция. Ф. Лассаль называл волю физической силой ума. Умение принимать решения и приводить их в жизнь ценилось очень высоко.

В полевом уставе германской армии вполне ясно говорилось о том, что ошибка в выборе средств не так преступна, как бездействие³. Афоризм Горького "вопросы воля решает, разум только помогает" вполне этой традиции отвечал.

На самом деле вопросы решает воля к пониманию. Она существует у всех. Но развивать ее просто необходимо.

Интеллект и воля развиваются в процессе деятельности. Традиционно внимание педагогов сосредоточивается на таких видах деятельности, как труд, учеба, игра. Но ведь есть и четвертый вид деятельности— забота. Когда готовят обед или, скажем, пришивают пуговицы к куртке ребенка — это не только труд. Это выражение отношения через деятельность: забота. Пауль Тиллих, замечательный теолог XX века, столь интересующий и протестантов, и доминиканцев, в книге "Динамика веры" назвал веру просто "бесконечной заботой". Забота объединяет и мирскую веру, и веру мистическую. Не

¹ Рейтман У. Познание и мышление.— М., 1968.— С. 113.

Замечу, что информационный фундамент понимания составляет, согласно Ю. А. Шрейдеру, тезаурус (греч. thesauros — сокровище). Это хранимый в памяти набор знаний, которые могут быть активизированы, возвращены в сознание.

² Ницше Ф. Сумерки кумиров.— М., 1902.— С. 163. (Современный перевод заглавия "Сумерки идолов" несколько менее адекватен).

³ С этим полевым уставом германская армия вышла на поля сражений мировой войны 1914—1918 гг. Прошло много лет, но традиция не исчезла. "История будет более милостива к действующим, чем к тем, кто бездействует",— полвека спустя говорил генерал Гейнц Гудериан, автор книг "Внимание, танки!" и "Танки, вперед!".

она ли является основой экологического образования, включающего воспитание? Ведь вся деятельность человека в сфере экологии есть выражение его отношения к природе, и в этом смысле — забота. Вообще отношение людей к природе — это превращенная форма их отношения друг к другу. Экологическая педагогика не будет эффективной, пока в отношении людей друг к другу не станет доминировать забота как форма деятельности и основа интеракции, то есть их взаимодействия и взаимопонимания в процессе общения.

В педагогике всегда скрыто обращение одного человека к другому. Если оно искренне, если оно продиктовано заботой о другом человеке, а не формальным исполнением служебного долга — оно всегда будет иметь положительный результат. В общении всегда присутствует самовыражение, и дети это тонко понимают.

Психология ребенка характеризуется своеобразным пониманием мира как целого. У детей и

подростков очень отчетливо выражен Soll-wert, образ цели, и это именно целостный образ. Они в большинстве своем хотя простых вещей — уметь понимать, что они читают, говорить на иностранном языке, водить машину, танцевать, метко стрелять, фотографировать, читать карту, хорошо плавать, одним словом, уметь делать все, что дает случай и возможность показать себя образованным, мужественным, изящным, умелым, ловким. Только то, что имеет для юноши или девушки личностный смысл, им по-настоящему понятно.

Понимание всегда в чем-то сродни творчеству, оно индивидуально, плюрально, поливариантно. Дело в том, что ум не знал сослагательного наклонения; точнее, в отличие от сил физических духовные силы не знали сослагательного наклонения, лишь к концу XX века компьютерные игры стали изменять ситуацию или, скорее, создавать условия для решительного ее изменения. Мы еще увидим все последствия погружения учащихся в виртуальные миры.

Вечная проблема.

"Пересказ глупым человеком того, что говорит умный никогда не бывает правильным, потому что он бессознательно превращает то, что он слышит, в то, что он может понять". Последнее утверждение составляет так называемый принцип Рассела, и он относится в равной мере и к тем, кто читает (а не только слушает), и вообще ко всем людям без различия их умственных способностей: в процессе пересказа все превращают исходный текст в то, что они в нем поняли.

Это относится именно к пересказу, а отнюдь не к дословному воспроизведению, вот почему общепринятым способом проверки эффективности обучения является опрос учащихся: с основанием предполагается, что их рассказ, а точнее пересказ, явится свидетельством того, насколько полно и правильно они поняли то, что слышали от учителя или читали в учебнике. К сожалению, этот способ проверки знаний, насчитывающий не менее двух тысяч лет и составляющий важнейшую часть школьной субкультуры Запада и Востока, отнюдь не является оптимальным. Дело в том, что преподаватели (это относится в полной мере и к высшей школе) имеют слабость считать наиболее правильным именно дословный пересказ того, что они сообщали учащимся; естественным следствием этого является заучивание текстов.

Надо сказать, что многие исходные тексты, особенно написанные авторитетным учеными, вообще превосходят по точности формулировок любой пересказ, а что касается стихов, то попытка пересказывать их иначе, чем наизусть, ни к чему хорошему обычно не приводит. Все это, казалось бы, говорит в пользу тех, кто требует буквализма в воспроизведении исходных текстов, но по существу еще более ослабляет метод проверки понимания текстов путем пересказа их содержания — ведь затверженные формулировки никак не свидетельствуют о понимании их смысла, а о понимании смысла стихотворений зачастую не приходится и говорить.

В школьной субкультуре сложился и особый тип общения — вопрос учителя и ответ ученика, причем способ этот заметно стимулирует развитие способности оперировать доказательными суждениями.

Мне не однажды случалось обсуждать с А. Р. Лурия его известную работу об историческом развитии познавательных процессов и, разделяя общепринято высокую ее оценку, я остаюсь при убеждении, что многие методы работы психологов с информантами или испытуемыми эксплицируют специфику определенного способа мышления, а именно — того, которому учат в школе. В одних случаях этот способ эффективен, в других — нет, во всяком случае он не универсален. Т. К. Тульвисте убедительно показала, что не возраст и не грамотность, а само обучение в школе порождает умение решать вербально-силлогические задачи, и более того, это умение при определенных условиях исчезает. Главную роль в появлении способности решать такие задачи и рефлексировать над решением как раз играет та специфическая форма общения между учителем и учениками, которая веками складывалась в школе и породила у учащихся особый навык перехода от текста задачи к ответу на соответствующий вопрос учителя. Навык этот присущ школьной субкультуре и является общим для экспериментатора и испытуемых.

С людьми, далекими от специального интереса к доказательным суждениям, дело обстоит иначе — проводимая нами сейчас работа позволяет в предварительном порядке заключить, что испытуемые,

способные излагать и анализировать содержание "Анны Карениной" или "Владельца Баллантрэ", могут испытывать определенные трудности при решении классических вербально-силлогических задач.

Снова о полях понимания.

Как вы помните, процесс понимания протекает в трех когнитивных полях. В поле непосредственно представлены природные и социальные ситуации, в которых мы живем и действуем. Здесь понимание происходит по принципу "что есть, то и доказано". Миру предметов и личных ощущений здесь придается особое значение. Не случайно юристы так серьезно относятся к свидетельским показаниям.

И, бывает, оспаривают их. Действительность в поле 1 дана фрагментарно, многие связи надо еще додумать, достроить в уме, не говоря уже о том, что вера в факты может быть и наивна. Такие замечательные ученые, как Уильям Крукс и Оливер Лодж верили духовидцам, убеждавшим их (с помощью довольно примитивных фокусов), что они могут общаться с душами покойных. Недаром знаменитый фокусник Гудини (Эрих Вайс) говорил, что легче всего показывать фокусы профессорам, а труднее всего — морякам. Море учит всматриваться в окружающую действительность пристально и недоверчиво, подмечать все непривычное, быть всегда начеку. Как говорил мне один капитан дальнего плавания, жизнь всех этому учит, только на суше многое сходит с рук, а вот в море за ошибки расплачиваются сразу. На суше не утонешь — в этом все дело.

В поле 2 разворачивается последовательность доказательных суждений, здесь господствуют отвлеченные, но достаточно прочные логические конструкции. Всех нас учат ориентироваться в поле 2 на уроках математики (типичный пример — доказательство теорем), но в общем всем людям свойственно мыслить логично — правилам логики учит элементарный жизненный опыт.

Понимание в поле 2 происходит по принципу "что доказано, то и есть". Сила и убедительность логических операций велика... Но все дело в том, что представление об "убедительном" со временем меняется. Франческо Сиззи, флорентийский астроном, так отреагировал на заявление Галилея о том, что он открыл четыре новые планеты на орбите возле Юпитера (на самом деле это были спутники Юпитера, но Галилей этого не знал): "В голове имеется семь отверстий: две ноздри, два уха, два глаза и рот; аналогично и в небесах две благоприятные звезды, две неблагоприятные, два светила и единственный Меркурий, неопределенный и безразличный. Отсюда и из многих других аналогичных явлений природы, таких, как семь металлов и т. п., которые было бы утомительно перечислять, мы заключаем, что число планет с необходимостью должно равняться семи... Кроме того, евреи и другие древние народы, как и современные европейцы, приняли деление недели на семь дней и назвали их по семи планетам, если теперь мы увеличим число планет, вся эта система падет... Более того, эти спутники невидимы невооруженным глазом, и потому не могут оказывать влияние на Землю, и потому были бы бесполезны, и потому не существуют"¹. Вас это не убедило? Галилея тоже.

Нельзя сказать, что убедительным кажется только непосредственно увиденное или логически доказанное. Понимание событийных последовательностей совершается в поле 3.

Именно в поле 3 происходит понимание текстов об исторических событиях, художественных произведений. Здесь понимание идет по принципу "что рассказано, то и было", а в части случаев — "что рассказано, то и есть". Когда мы читаем Гоголя и Булгакова, для нас не-существенно, как оживал портрет ростовщика Петромихали, стоял ли владыка теней на крыше Пашкова дома, какие физические законы позволяли Маргарите летать над Москвой верхом на половой щетке. Дело в том, что для понимания в каждом из трех когнитивных полей существенны различные системы противопоставлений: в первом поле — "есть — нет", во втором — "истинно — неистинно (ложно)", в третьем — "хорошо — плохо". В первом особо важное доминирующее место занимают предметы и отношения между ними, во втором господствуют отношения между понятиями, в третьем — отношения между людьми. Но автономность когнитивных полей относительна, протекающие в них процессы

понимания дополняют друг друга, их итог един. И это приводит к результатам неожиданным. Евангелия, например, не содержат никаких доказательств бытия божьего, это просто повествования, но история свидетельствует, что убеждающая сила этих текстов достаточно велика.

Профессор В. В. Болотов еще в начале века отмечал: "Что касается формы, в которую гностики облекали свои воззрения, то она, конечно, теснее примыкает к восточным теософским мифам, чем к греческой философии. Для нас признать гносис как философию кажется странным. Он распространялся не в виде философских трактатов. Скорее, это были опыты поэтического изложения, не философские системы, а религиозные эпопеи. Но всякое время знает свои исключительные формы изложения. В наше время кажутся весьма интересными опыты изложения естественнонаучных истин в сочинениях Жюль Верна"². А вот почему они кажутся интересными? Потому что понимание их втянуто в процессы, происходящие именно в третьем, нарративном поле понимания.

Роль нарратива, повествования, в процессе стимуляции понимания еще не нашла достойной оценки. Это дело будущего. Возможно, что компьютер сыграет здесь решающую роль.

¹ Цит. по кн.: *Holton O. Introduction to Concepts and Theories in Physical Science. Mass., 1952. —Р. 164—165.*

² *Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви.— СПб., 1908.— С. 177.*

Роль образования

В начале века Г. Дж. Уэллс выдвинул и обосновал предположение о том, что по мере ослабления политической власти и роста экономических факторов в жизни общества будет действовать принцип "наше образование — вот наше правительство". Иначе говоря, от знаний, намерений и поступков образованных людей будет зависеть то, что раньше зависело от жестких указаний политических руководителей общества.

Думается, принцип Уэллса может воплотиться в реальность. Но к образованию это предъявит новые требования, новое поколение должно войти в жизнь, подготовленное к ней по-новому.

Педагогика издревле уделяла главное внимание передаче знаний и проверке их закрепления.

Считалось (и с основанием), что знания — это то, чего у учащихся нет и без педагога они их не приобретут. Напротив, сущностные силы у них есть и развиваются сами. Действительно, характерный признак сущностных сил — саморазвитие. Способность понимать, запоминать, переживать, настаивать на своем казалась столь естественно присущей детям и юношам, как и их неумная подвижность. Любопытно, что необходимость специально развивать эту, физическую, сторону сущностных сил осознали очень давно, а к попыткам развивать духовные силы личности относились сугубо настороженно — попытки Сократа тренировать интеллект молодых людей завершились для него трагически.

Педагоги столь же традиционны в своем отношении к людям, сколь и военные: в школе немало часов уделяется физкультуре, есть и учебник "Человек", содержащий сведения о его анатомии и физиологии. А ум, память, воля, чувство ответственности, наблюдательность и многие иные свойства человека, в которых выражается духовная сторона его сущностных сил, остаются вне пределов обучения в школе. Что касается вузов, то ведь и в них развитие духовных сил личности происходит спонтанно. В особо густой тени лежит развитие способности понимать, воспитание культуры мышления.

Главное.

Человек живет не тем, что ест, а тем, что он переваривает. Образование — не то, чему человека учили, а то, что он в этом понял. Если ясно сориентировать образовательный процесс на понимание, а не на запоминание материала, то эффективность образования вырастет, резко и намного.

Для этого необходимо решительное изменение способа учения. Понимание текстов (учебных и научных, политических и литературных), понимание других людей (в первую очередь — понимание представителей другой культуры), понимание самого себя — вот чему следует учить.

Возможно ли это? Это возможно, но трудности, при этом возникающие, весьма велики. Связаны они с тем, что нет учебных курсов, специально развивающих способность понимать, хотя необходимость в педагогике понимания осознана давно. Кризис образования носит всеобщий характер, просто у нас он принял особенно заметные формы.

Как уже отмечалось, в педагогике всегда скрыто обращение одного человека (Учителя) к другому (Ученику). Учитель — не просто транслятор знаний, он выступает как живое их воплощение. Но придание ему контрольных функций в процессе обучения смещает все акценты: для всех, кто учится, радость познания давно заменилась стрессом контроля. Страх перед экзаменатором (если он строг), презрение к нему (если он мягок) стали главными эмоциональными характеристиками процесса обучения.

Можно ли студентов или школьников "научить уму"? Вопрос этот не столь тривиален, как может показаться. Быть умными научить нельзя, а научить понимать — можно. "Ты равен тому, кого понимаешь", — говорил Гете. В этом смысле интеллектуальный уровень может быть повышен. Быть может, это основная проблема учения — зафиксировать достигнутый уровень понимания не на уровне памяти, а на уровне мышления.

Рассчитывать в этом плане следует, скорее, на учебный курс, чем на тех, кто его преподает. Необходим и учебник смыслового анализа, работа над которым будет самостоятельным интеллектуальным тренингом для учащихся. Книга эта должна учить пониманию текстов — научных, политических, литературных. Вы прочли не учебник. Это всего лишь пособие. Стимул вашего интеллектуального развития. Но стимул — не гарантия. Это побуждение, не более.

В цивилизованных странах общая (генеральная) семантика и герменевтика достигли более заметного развития, нежели в образовательном пространстве СНГ, хотя везде на образовательный процесс они повлияли еще недостаточно.

Не столько потребности, сколько присущие человеку силы — ум, память, способность вступать в общение и поддерживать его, воля и другие качества, необходимые для полноценного человеческого существования, должны находить стимулы для развития в школе, средней и высшей. Задача школы, забытая многими, состоит в том, чтобы человек был и *образован*, и *просвещен*. А цель просвещения заключается в том, чтобы знания задавали человеку направление его индивидуального развития: то есть геометрия должна учить логически мыслить, биология — понимать живую природу, литература — понимать психологию людей в различных исторических обстоятельствах.

Некогда (совсем недавно, в сущности) нас учили, что действительность определяет собой сознание. Но экзистенциальная философия ясно показала, что действительность никогда не будет лучше человека, а он всегда будет ею неудовлетворен. Это чувство может служить причиной личных трагедий и источником личных успехов — вот тут образование может и должно сказать свое слово.

Модификация.

"Научиться можно всему, невозможно только научиться мыслить. Невозможно заставить себя взвалить на плечи тяжесть, которую невозможно поднять. И все-таки это — единственный путь". Это, не лишенное патетики, высказывание принадлежит кинорежиссеру, известному именно своими попытками обнаружить и визуально выразить некоторое новое понимание скриптов, предложенных профессиональными авторами повествовательных текстов.

Мысль А. Тарковского, по-видимому, характеризует интроспекцию личности, ощущающей, что научиться новому способу понимания — это значит его изобрести, этот способ возникает не как простое усвоение некоторой последовательности логических приемов, а как продукт напряженного индивидуального преодоления традиций, в том числе и традиций образования. Но особенность этих традиций состоит в том, что преодолеть их можно только освоив, как отбросить лестницу можно, только поднявшись по ней.

Необходимость модификации мышления, т.е. разработки нового способа понимания действительности, была в свое время обоснована Римским клубом. Доклады Римского клуба

оказали заметное влияние на образ мыслей ученых и политиков различных стран. Произвело немалое впечатление на ученых различного профиля и таланта (но всегда известных) участие в Пагуошском движении, которое, в сущности, было не более чем периодическими совещаниями влиятельных представителей научной общественности.

Существуют такие процессы, влиять на которые можно, лишь изменив сам подход к ним, изменив способы их понимания. Так, например, любые разработки в экологической сфере могут иметь общественный резонанс лишь при изменении самого отношения людей к природе. Равным образом исследования в сфере экономики могут повлиять на общество только через изменение образа мыслей тех, кто непосредственно занимается промышленностью, коммерцией и т.д. И, наконец, на мышление ученых влияет не столько открытие новых фактов, сколько распространение нового взгляда на уже известные факты. Именно такой взгляд и может возникнуть в результате углубленного понимания фактов. Необходима новая парадигма повышения эффективности образовательного процесса. Модифицировать мышление и его способы можно различными способами: обращаясь к исторической и мемуарной литературе, к исторически сложившимся способам модификации мышления, сохранившимся в коллективном бессознательном, и, наконец, путем разработки экспериментальных способов совершенствования понимания. Сознание не терпит пустоты: это правильно в том смысле, что существует и обостряется потребность в новом понимании человека и его задач. Когда американские публицисты говорят, что знания ! стали подменять ум, а экспертиза — мудрость, то здесь описывается ситуация, которая имеет глобальное распространение. Попытка выйти из заколдованного круга может, как мы надеемся, быть осуществлена на основе модификации образовательного процесса.

' Тарковский А. О кинообразе // Искусство кино.— 1979.— № 3.— С. 93.

Понимание оставляет след.

Как это правильно утверждал Г. И. Цинцадзе, когда мы говорим о понимании, мы имеем в виду то, что происходит "в уме" или, шире, "в душе" субъекта¹. Но вот *что* при этом происходит, уловить не так-то легко, и недаром Г. Риккерт писал об "интуиции понимания"². Он уловил очень важный признак понимания: понимание как процесс есть нечто ускользающее от рефлексии, непосредственно переживаемое. Но это понимание как процесс. А понимание как результат? Это, конечно же, заметное, не ускользающее. Психологи называют понимание продуктивно-личностным процессом: результатом (продуктом) этого процесса является нечто личностно-новое. Что это значит — личностно-новое? Другие могут это и знать. Но вы этого раньше не знали. Теперь узнали. Поняли.

Понимание и запоминание.

Может сложиться впечатление, что роль понимания и значение запоминания противопоставлены в этой главе. Действительно, "человек, который способен запоминать, а не понимать,— не творческий человек. Он будет оперировать штампами"⁵. В то же время противопоставление запоминания и понимания все-таки условно. Во-первых, существуют тексты, смысл которых неотделим от точного их воспроизведения. Такова поэзия. Во-вторых, есть тексты, которые именно запоминания и требуют. За примерами недалеко ходить — в процессе преподавания истории и географии без таких текстов обойтись нельзя. В-третьих, имеются тексты, в которые, так сказать, заложено разнообразие вариантов их понимания. Вот художественно-литературные тексты именно таковы. И это вызывает особые трудности в процессе их преподавания, ибо обучение по самой сути своей

¹ См.: Цинцадзе Г. И. Метод понимания в философии и проблема личности: Дис. на соискание ученой степени доктора философских наук.— Тбилиси, 1978.

¹ Риккерт Г. Философия жизни.— М., 1912.— С. 161.

³ Буров А. К. Дневники. Письма.— М., 1980.— С. 119.

тяготеет к нормативности, к определению тех конкретных рубежей, которые должен наметить педагог и достичь учащийся.

Но при обучении эти рубежи более всего определимы в содержании, то есть в том, что непосредственно в тексте сказано; однако содержание и смысл совпадают не полностью и не всегда.

Подлинное понимание текста — это всегда выход за пределы того, что в нем непосредственно сказано, функция светильника в том, что свет выходит за стенки лампы. Способность выйти из границ непосредственно данного в содержании человеческий интеллект обретает на относительно ранних этапах развития — в детском возрасте. И способность эту можно и должно развивать. Педагогика издавна и с успехом обращается к басне-тексту, в котором выделен и объявлен смысл (концепт). Баснописцы именуют его моралью, и ученики отлично улавливаю!, как расслоены в басне содержание и смысл: содержание — про зверей, а смысл — про людей. И именно здесь начинается неожиданное, баснописцем не предусмотренное: дети не выражают полного и безоговорочного согласия с моралью басен. Они очень хорошо, очень точно передают их содержание (это факт запоминания) и различаются в передаче и трактовке общего их смысла (это факт понимания).

Сверх того, важнейшим условием понимания является запоминание необходимой для понимания содержания текста информации.

Как-то профессор Байер, американский славист, посмеиваясь, пожаловался мне на своих студентов, которые не слишком хорошо понимают русскую литературу.

Язык, наверное, плохо знают.— предположил я.

И в переводе когда читают, тоже неважно разбираются. Хочется, чтобы больше интереса было, а современный студент — прагматик, его...

Тут он перешел на английский, где есть очень точные и простые по определению термины, и объяснил, что для его студентов любопытна "литература факта", а не художественная "литература вымысла". Заметив, что я слушаю его с напряжением, профессор снова вернулся к русскому, которым владел великолепно.

Правда, бывает, что и очень интересуются — хотят преодолеть непонимание.

Однажды на каникулах.— продолжал он.— мне позвонила аспирантка (я предлагал ей читать Гоголя и Булгакова) и сказала, что у нее есть ко мне вопросы. Я обрадовался и пригласил ее утром в университет. Она стала расспрашивать меня о мистицизме Булгакова. Я сказал, что ничего мистического у него не нахожу. "Что вы. а "Мастер и Маргарита"? Вспомните как там исчезают люди из квартиры № 50!"

Ну, знаете, при Сталине...

А кто такой *Сталин*?

Мы посмеялись, но дальнейшее обсуждение привело нас к обоснованному выводу, что учить понимать — это учить помещать текст в исторический контекст, и здесь Учитель необходим, как нигде.

Стратегии понимания.

Первая из них непосредственно связана с общением. Учение — это общение. Понимание есть фундаментальный феномен общения. Общение само по себе есть уже способ и условие социального развития личности. Поэтому учение есть и просвещение, возникающее как результат взаимовлияния того, кто учит, и того, кто учится. Это взаимовлияние должно иметь основой взаимное понимание.

Вторая — со сборкой, и о ней сказано уже достаточно много. Приведу лишь любопытный пример — как осознает эту операцию студент.

Говорит врач:

"Однажды я забежал на какую-то лекцию — наверно, только чтобы подписать зачетку — и

услышал слова профессора: "Если врач знает, как выглядит глаз больного, как выглядит его кожа, его язык, то ему должно быть понятно, чем человек болен". Мне это понравилось. Я подумал, что болезнь человека похожа на рассыпанную мозаику: если правильно такую мозаику собрать, узнаешь, что у человека внутри"¹.

Третья стратегия также упоминалась. Это стратегия достройки по образующей, стратегия, позволяющая выйти на образ.

Любого школьника спроси — В ответ: "Земля вокруг оси..." Храню в сознание много лет Земную ось, которой нет. Которой нет, хотя она Немного вбок наклонена².

Это именно образ, и он обладает значительной объясняющей силой.

"Что такое земная ось? — спросил я как-то в прошлом году свою одиннадцатилетнюю дочь Мишель.

"Это прямая линия, соединяющая Северный полюс с Южным", — ответила она уверенным тоном. "А что такое Северный и Южный полюсы?" "Это точки, где земная ось выходит на поверхность". Не правда ли, тут есть удачный повод дать урок логики, пользуясь географическим вопросом. Ведь известно, что нельзя ничего доказать, определяя одно понятие с помощью другого, если это последнее понятие определяется с помощью первого.

Установив приоритет представления о земной оси (определяемой как нечто вроде вала) над

¹ Крапль Г. Опередить Господа Бога // Иностранная литература. — 1988. — МБ 9. — С. 199.

² Озеров Л. Аварийный запас. — М., 1990. — С. 5.

представлением о полюсах, мы стали говорить о компасе".

Четвертая, и основная, — это стратегия сравнения. Сравнения настоящего не с прошлым, а с будущим.

Вообще сравнения раскрывают смысл (зачем они и нужны). Направление выявляется, когда мы имеем пеленг. Надо знать точки, относительно которых происходит движение. Более того, направление становится заметным, зримым благодаря сравнению, если оно скрыто от глаз, если оно носит *сущностный* характер, если смысл — это *внутреннее* направление.

"Дантовские сравнения никогда не бывают описательны, то есть чисто изобразительны. Они всегда преследуют задачу дать внутренний образ структуры или тяги"². Это сочетание не случайно.

Что это значит: "внутренний образ структуры или тяги"?

Предмет понимания раскрывается перед субъектом понимания как предмет осмысленный.

Он не просто существует: его существование — направленный процесс. В самой структуре предмета эта направленность скрыта. Существование как бы *протягивается* в будущее.

Стратегия позволяет сравнивать настоящее не с прошлым, а с будущим.

В "Бегстве мистера Мак-Кинли" Л. Леонова есть примечательный эпизод. Сэма Боулдера — очень старого, очень богатого, очень мудрого — вызывают в сенат. Он прилетает. И вот что он говорит сенаторам: "Когда мне не дремалось, то я глядел оттуда сквозь облачную дымку на все эти плывущие внизу города и башни и думал: так почему же оно так прочно? Их жгут века подряд, взрывают, а они все стоят ... Я спрашивал себя: почему?., из камня и стали? Нет. А потому, господа, что оно сделано из живой человеческой души. Из вздоха нашего, из мечты, из надежды... как будто бы даже из ничего. Вот почему книги живут дольше железа...

Нам не повезло, господа, — продолжает Сэм Боулдер, — мы родились в чертовски неприятное время, когда человечество линяет. Оно меняет свою ветхую кожу... и ему иначе никак нельзя: ему надо жить и завтра. Его стало на земле слишком много, а мы у себя наверху³ слишком прожорливы и грешны. И мы слишком часто обращались к дьяволу за консультацией или чтоб он прогрел нам трагически остывающую кровь. В сущности, господа, наша хваленая цивилизация достигла той роковой содомской черты, когда в древности на нее ниспосылался огненный дождь. Снова чистая душа требуется миру... и какие бы телодвижения ни совершали мы, завтра планета будет в другой одежде".

Это *завтра* уже наступает.

- ¹ *Ле Лионнэ Ф.* Шесть полюсов земного шара // В защиту мира.— 1958.— № 1.— С. 31—32.
- ² *Мандельштам О.* Разговор о Данте. — М., 1967. — С. 20.
- ³ Не будем забывать, что он обращается к власти имущим.